

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

МОНГОЛ СУДЛАЛ

MONGOLIAN STUDIES

ЭЛИСТА
2013

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 6

Элиста
2013

ББК 80
М 77

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Редакционная коллегия:

Н. Г. Очирова (отв. редактор),
Э. П. Бакаева, Д. Н. Музраева, Э. У. Омакаева

Монголоведение: сборник научных трудов. Вып. 6. – Элиста:
М 77 КИГИ РАН, 2013. – 234 с.

В настоящий сборник вошли статьи по проблемам истории, этнографии, языка, литературы и фольклора монгольских народов. Издание отличается большим хронологическим и географическим охватом материала, в него включены работы ученых, представляющих востоковедческие научные центры России и Монголии.

Сборник адресован специалистам-востоковедам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем читателям, интересующимся наследием народов Центральной Азии.

ISBN 978-5-903833-57-3 (вып. 6) © КИГИ РАН, 2013.
ISBN 978-5-903833-35-1 © Коллектив авторов, 2013.
© Оформление. КИГИ РАН, 2013.

Содержание

Очирова Н. Г. Востоковедческая проблематика в исследованиях Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (международное сотрудничество)	5
Бурыкин А. А., Омакаева Э. У. Монгольский язык и монголо-тюркские лексические связи в первой половине XIII в. (по языковым материалам Киракоса Гандзакеци)	16
Асирова Н. Д., Бембеев Е. В. Аффиксальное словообразование глагола калмыцкого языка XVIII в. (на материале исторических писем)	25
Куканова В. В., Бембеев Е. В. О соотношении графемы и глифа в графической системе «тодо бичиг» («ясное письмо») старокалмыцкого языка	38
Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в калмыцком языке и ее тематическая классификация (на материале эпоса «Джангар»)	51
Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Гидронимы в калмыцких и западно-монгольских песнях (на материале полевых исследований 2007–2013 гг.)	64
Селеева Ц. Б. О калмыцких загадках: к проблеме сравнительно-типологической вариативности числовых загадок в фольклоре монгольских народов	71
Осорин Утнасун. Өөрдин домг шинжлэн тойм бээдл	94
Музраева Д. Н. Исследование буддийского пантеона в отечественном востоковедении	102
Кукеев А. Г. Таранатха – тибетский религиозный деятель и историк	107
Бакаева Э. П. Баиты Монголии: некоторые сведения о территории расселения и сакральных объектах	114
Орлова К. В. Монастырь Дэжэлин в Западной Монголии (по материалам научной экспедиции 2013 г.)	127
Содномпилова М. М. Домашний алтарь в современном бурятском жилище: традиция и обновление	133

Улзиитегш Б. Дува Сохорын дөрвөн хөвүүн Добун Мэргэн авгаа ураг үл болгосны учир	142
Пунсалдулам Б. Освоение целины в Монголии	148
Колесникова М. Е. Ставропольский краевед И. В. Бентков- ский об истории калмыцкого народа	162
Батыров В. В. Карточные игры у калмыков в первой полови- не XIX века	177
Убушаев Н. Н. Багуты: к вопросу об этногенезе и этимологии этнонима	196
Гунаев Е. А. Внешняя миграция в Республике Калмыкия в современный период	206
Лиджиева И. В. Деятельность органов местного самоуправ- ления калмыков в социальной сфере в XIX в.	213
Сведения об авторах	220
Abstracts	224

**ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
(международное сотрудничество)**

Актуальность и перспективность направлений научных исследований, реализуемых учреждением науки, определяется по ряду критериев, среди которых одним из значимых является вовлеченность научной организации в национальное и мировое научно-образовательное сообщество.

Специфика исследований, проводимых Федеральным государственным бюджетным учреждением Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, заключается как в выполнении фундаментальных исследований по основным направлениям, связанным с региональной тематикой, так и в разработке востоковедческой проблематики, поскольку КИГИ РАН может и должен явиться своеобразным «мостом» между российскими академическими учреждениями и востоковедными научными центрами зарубежных стран, прежде всего стран Центральной и Восточной Азии. Институт, образованный в 1941 г. как калмыковедческий научный центр, в настоящее время является комплексным динамично развивающимся центром востоковедческого направления. Задачи научной и научно-организационной деятельности КИГИ РАН включают комплексное развитие института как одного из центров монголоведения и тибетологии России,

фундаментальной гуманитарной науки региона. В этой связи расширение межрегиональных и международных связей института с востоковедческими научными центрами России и зарубежья является приоритетным направлением деятельности КИГИ РАН.

В русле исследований раннекочевнической культуры, оказавшей влияние на многие народы Евразии, в последние годы КИГИ РАН провел совместные археологические изыскания с немецкими археологами. В 2006 г. подписан договор о сотрудничестве с Евразийским Отделением Германского археологического института (директор С. Ханзен), в соответствии с которым состоялся международный проект «Степь как жизненное пространство в преистории». В течение 2006–2009 гг. проведены спасательные раскопки на курганах могильника Ергенинский в Кетченеровском районе Республики Калмыкия. Результатом реализации проекта стали публикации материалов полевых исследований в международных и российских научных изданиях, подготовленные в соавторстве калмыцкими и немецкими археологами. Состоялся обмен методиками полевых исследований. В ходе сотрудничества проведена работа по подготовке молодыми сотрудниками диссертаций. Аспирантка Бохумского университета К. Малек избрала тему для диссертации («Катакомбная культура Нижнего Поволжья»), в основу которой положены прежде всего материалы раскопок в Калмыкии. В настоящее время проводится подготовка к печати рукописи коллективной монографии на двух языках (русском и немецком) по итогам пятилетней работы археологов Калмыкии и Германии.

В 2010–2013 гг. в рамках Программы партнерства институтов Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия) в соответствии с договором с Археологическим центром земли Шлезвиг-Гольштайн (г. Шлезвиг) КИГИ РАН реализовал проект «Поселения в степи преисторического и средневекового времени в волго-маньчских степях». Основной целью проекта являлось изучение открытых ранее археологами КИГИ РАН объектов (поселения Ергенинское, Заханата, Башанта), а также поиск новых древних поселений эпохи бронзы и средневековья. Поселения Заханата и Ергенинское по результатам радиоуглеродного анализа датированы 29–27 вв. до н.э.,

что соответствует времени ямной культуры раннего бронзового века в восточноевропейских степях. Опираясь на результаты комплексного изучения поселения Ергенинское, археологи впервые в истории археологических исследований в Калмыкии провели широкими площадями археологические раскопки поселения бронзового века с сохранившимся культурным слоем. Всего на площади 107 кв.м. зафиксировано 335 фрагментов керамики и 89 кремневых изделий и отщепов, а также 32,4 кг костей животных. Показательны находки фрагментов пряслиц, что указывает на использование древними жителями изучаемого поселения ткацких станков. Ряд находок являются показательными для культурно-хронологического определения, на основе их анализа сделан вывод о функционировании поселения Ергенинское на заключительном этапе раннего бронзового века. В рамках работы по проекту проведено первичное изучение средневекового поселения с каменными постройками Башанта. Составлены подробный топографический план памятника, база данных поверхностных находок вдоль побережья — обтесанных блоков из ракушечника и мелких находок. Разведочные шурфы обнаружили остатки построек из пиленого ракушечника, крытых черепицей, и построек из саманных кирпичей на фундаменте из слоя природных камней. Башанта — первый на территории Республики Калмыкия памятник городского типа. Уникальность этого памятника для Нижнего Поволжья заключается в наличии черепицы, которая не характерна для этого региона во все исторические эпохи. Радиоуглеродный анализ, проведенный в Лейбниц-лаборатории датирования и изотопного анализа при Университете г. Киль, позволил датировать памятник VII в. — т. е. хазарским временем.

Востоковедческая проблематика историко-филологических исследований обусловила тесное сотрудничество КИГИ РАН с российскими академическими центрами и научными учреждениями Монголии и Китайской Народной Республики (Синьцзян-Уйгурского автономного района и Автономного района Внутренняя Монголия — регионов проживания родственных калмыкам народов).

Основные задачи развития международного сотрудничества с востоковедческими центрами включают разработку комплекса

мер по сохранению и изучению традиционной культуры монгольских народов, организацию постоянно действующей фольклорной и лингвоэтнографической экспедиции, в том числе для изучения бытования героического эпоса «Джангар» в Монголии и Китае, исследование истории и географии расселения монголоязычных этносов, специфики культуры «буддийских» народов, а также подготовку и публикацию сводного каталога рукописей и ксилографов на ойратской письменности, издание архивных записей (в том числе исследователей, сказителей и др.), проведение научных стажировок аспирантов и научных сотрудников, обмен научной литературой и подготовку совместных изданий и конференций.

КИГИ РАН заключил ряд соглашений о проведении совместных научных исследований с научными центрами Монголии, в том числе с Кобдоским университетом, Институтом языка и литературы АН Монголии, Институтом истории АН Монголии, Институтом международных исследований АН Монголии, Центром по изучению истории, культуры, языка и письменности «Тод номын гэрэл» («Свет “Ясного письма”»). В соответствии с двусторонними соглашениями указанные научные учреждения Монголии и КИГИ РАН решили проводить обмен научными публикациями и информацией о проводимых исследованиях; двусторонние и многосторонние научные конференции; заниматься исследованиями по проблемам региональных взаимоотношений Монголии и России, современных языковых процессов у монголов и калмыков. Данные соглашения имеют большое значение для перспектив научно-практического сотрудничества в областях научного обмена, организации совместных проектов, программ подготовки специалистов, укрепления взаимопонимания и дружеского сотрудничества между народами России и Монголии. В рамках международного сотрудничества научных учреждений Калмыкии и Монголии приоритетными темами признаны такие, как изучение и сохранение традиционной культуры, исследование истории монголоязычных народов, изучение места калмыков в истории Монголии в XX веке. Кроме таких мероприятий, как совместное издание сборников научных статей, проведение международных

конференций, научных стажировок и обмен литературой, предусматривается организация совместных экспедиций и передвижных музейных выставок.

В последние годы состоялся целый ряд международных научных экспедиций в Западную Монголию для изучения истории, культуры, языка родственного калмыкам ойратского населения, в том числе экспедиция «Ойраты России и Монголии: история и современность», посвященная 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства и 100-летию экспедиции академика Б.Я. Владимирцова (2007 г.); экспедиция при финансовой поддержке РГНФ «Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западномонгольские локальные традиции» (2008 г.) и др. 26 июля – 5 августа 2013 г. состоялась международная научная экспедиция, посвященная 130-летию А.В. Бурдукова, в которой приняли участие ученые трех стран — России, Монголии, КНР. Целью экспедиции являлось изучение языка, истории, культуры и быта ойратских народов Монголии, взаимообмен научными исследованиями ученых с целью дальнейшего развития монголоведения, комплексных трудов синхронно-диахронного характера в области сравнительно-сопоставительного изучения западно-монгольских по происхождению народов. В качестве основной территории исследования был определен Убсунурский аймак Монголии, в котором компактно проживают два наиболее крупных ойратских народа — дербеты (по переписи 2000 г. — 66 706 чел) и байты (по переписи 2000 г. — 50 824 чел.), а также воспринявшие их культуру хотоны (9 014 чел.) — в прошлом тюркоязычная этническая группа. К реализации проекта комплексной международной научной экспедиции были привлечены исследователи из Республики Калмыкия (12 чел.), поскольку калмыцкий народ связан этногенетическими и этнокультурными узами с западными монголами (ойратами), а также из Республики Тыва (5 чел.) — приграничного с Убсунурским аймаком Монголии региона. В экспедиции приняли участие и ученые из Монголии и КНР, занимающиеся ойратоведческими исследованиями.

Организациями-участниками экспедиции явились: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Россия); Центр по изучению языка, истории и культуры ойратов «Год номын гэрэл» (Монголия); Калмыцкий государственный университет (Россия); Тувинский институт гуманитарных исследований (Россия); Синьцзянская ассоциация по изучению ойратов (КНР); Северо-Западный университет национальностей (Ганьсу, КНР); Кобдоский государственный университет (Монголия); Монгольский государственный педагогический университет (г. Улан-Батор, Монголия).

Успешно развивается сотрудничество Института с научными центрами Китайской Народной Республики. КИГИ РАН заключил соглашения с Институтом национальных меньшинств АОН КНР, а также с Институтом изучения монгольского языка Академии социальных наук Автономного района Внутренняя Монголия КНР (АРВМ КНР) и др.

Соглашение о сотрудничестве между Институтом национальных меньшинств Академии общественных наук КНР и КИГИ РАН, в рамках которого планируется продолжить совместные научные изыскания в области фольклора и литературы монгольских народов, практику совместных научных конференций и экспедиций, обмена учеными и стажерами и др., подписано во время визита делегации ученых КНР в составе директора Института национальных литератур АОН КНР, профессора Чао Гэджин и научного сотрудника этого же Института, профессора Дамбуэрджаифу (2013 г.).

В рамках соглашения КИГИ РАН и Институтом изучения монгольского языка Академии социальных наук Автономного района Внутренняя Монголия КНР (АРВМ КНР) в 2013 г. в Калмыкии впервые состоялась международная лингвистическая экспедиция, которая стала заключительным этапом масштабной работы китайских ученых по записи всех монгольских языков и их диалектов. За период проведения исследований они посетили более 60 районов компактного проживания монголоязычных народов Китая, Монголии и России. В ходе этой многолетней работы учеными было опрошено более 60 тыс. человек, записано свыше 4000 часов

материалов по современным монгольским языкам. Группа китайских ученых состояла из 5 человек, в их числе директор Института, профессор Баатер, научные сотрудники Ши Хуа, Бюренбилиг, Дюрен и Ли Янг. С российской стороны в экспедиции участвовали ученые КИГИ РАН — Н. Г. Очирова, директор, руководитель экспедиции, С. Е. Бачаева, Е. В. Бембеев, Б. А. Бичеев, Б. Х. Борлыкова, В. В. Куканова, Д. Г. Кукеев, Б. В. Меняев, Д. Н. Музраева, Осорин У., Н. Ч. Очирова.

Основной целью проекта являлось фиксирование синхронного среза современного бытования монгольских языков и сохранение всех образцов устной речи носителей монгольского языка для последующих поколений. В процессе реализации проекта записаны образцы речи информантов, свободно владеющих калмыцким языком, собраны уникальные материалы по устному народному творчеству. Исследования проводились в г. Элисте, в Кетченеровском, Лаганском, Яшкульском, Целинном и Ики-Бурульском районах республики. За время экспедиции учеными записано 160 человек, что составило 118 часов записей. Среди информантов — известные деятели культуры и искусства, журналисты и др.

По итогам международной научной экспедиции состоялся «круглый стол», на котором директор института Н.Г. Очирова и профессор Баатер наметили и обсудили дальнейшие планы сотрудничества. Ученые договорились о совместной подготовке Толкового словаря языка героического эпоса «Джангар» на основе калмыцкой, ойратской и монгольской версий. По предложению китайской стороны координатором создания фундаментального труда выступит КИГИ РАН. В целях реализации данного проекта в 2014 г. планируется проведение совместного международного семинара.

Исследование истории, языка и культуры ойратов КНР — одна из актуальных задач ученых КИГИ РАН. При поддержке РГНФ с 26 июля по 13 августа 2012 г. успешно осуществлен экспедиционный проект «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР». В рамках экспедиционного проекта исследовано современное со-

стояние языка ойратов СУАР КНР, современная образовательная политика в районах проживания ойратов, оценены возможные социально-экономические последствия изменения языка и письменности для этнических общин в современном Китае. Осуществлен анализ современной этнодемографической структуры ойратов Синьцзяна в местах их компактного проживания, исследованы демографические процессы и межэтнические отношения. В ходе выполнения проекта проведены встречи с учеными и преподавателями Синьцзянского педагогического университета, представителями творческой интеллигенции и общественностью г. Урумчи, г. Корла, Монгол-кюра, Жинг и др. населенных пунктов СУАР КНР.

В рамках сотрудничества между научными школами разных стран КИГИ РАН проведен ряд международных научных конференций с участием ученых из Монголии и Китая, в том числе: «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» (Элиста, май 2007 г.) [Ойраты... 2008], «Россия и Центральная Азия: Историко-культурное наследие и перспективы развития» (Элиста, май 2008 г.) [Россия... 2008], «Единая Калмыки в единой России: через века в будущее» (Элиста, сентябрь 2009 г.) [Единая Калмыки 2009] и др.

В связи с тем, что особое значение в сотрудничестве между калмыцкими и монгольскими учеными отводится исследованию и сохранению традиционной культуры, большая работа проводится в соответствии с соглашением о сотрудничестве с Научным центром по изучению языка, истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл», объединяющим представителей ойратов Монголии, по организации полевых экспедиций в районы проживания монголыязычных народов. Маршруты ряда комплексных лингво-фольклорно-этнографических экспедиций в Западную Монголию, участниками которых являлись калмыцкие ученые и представители Центра «Тод номын гэрэл», пролегли по местам расселения этногенетически родственных калмыкам западномонгольских народов – в Баян-Олгийском, Увсунурском и Кобдоском аймаках. Членами экспедиции собраны уникальные материалы о языке и

фольклоре, современном быте и семейной обрядности ойратов, религиозной ситуации, проведены исследования современного состояния и диалектных особенностей языка ойратских этнических групп, компактно проживающих на территории западной Монголии. Сотрудничество с научными учреждениями этого региона актуализируется в связи с углублением в мире процессов урбанизации и глобализации.

Среди исследовательских приоритетов в востоковедческой проблематике фундаментальных исследований института — изучение буддийского наследия. В этом направлении проводится работа по подготовке договора о сотрудничестве с Библиотекой тибетских трудов и архивов (г. Дхарамсала, Индия) и другими научными организациями, ведется подготовка специалистов со знанием нескольких восточных языков (тибетского, монгольского, китайского и др.). В последние годы молодые ученые проходят стажировку не только в академических институтах и университетах гг. Москвы и Санкт-Петербурга, но и в научных центрах Монголии и Китая. Калмыцкий госуниверситет уже ряд лет осуществляет обмен студентами с университетами Монголии и АВРМ КНР. В 2009 г. в г. Элисте при Калмыцком госуниверситете открыт филиал Института Конфуция, в котором ведется обучение китайскому языку и изучается китайская культура. Благодаря открывшимся в последние десятилетия возможностям формируется поколение ученых, знающих несколько восточных языков (тибетский, монгольский, китайский и др.). Освоению не только письменного, но и разговорного тибетского языка, углублению знаний в области буддийской философии способствуют дополнительное обучение и стажировки молодых специалистов-востоковедов в крупных образовательных буддийских центрах. Так, в КИГИ РАН работают молодые ученые, прошедшие обучение в буддийских образовательных центрах в Дхарамсале (Индия) и использующие полученные знания в исследованиях востоковедческого характера.

Международное сотрудничество невозможно без активного обмена научной литературой, в том числе как новыми, так и

ставшими раритетными уникальными изданиями. Издания КИГИ РАН востребованы в научных центрах востоковедческого направления. В последние годы научная библиотека КИГИ РАН также пополнилась рядом изданий на восточных языках, в том числе публикацией старописьменных памятников на ойратском «ясном письме». Они стали доступными широкому читателю в рамках реализации проекта «Библиотека Ойратика» («Biblioteca Oiratica»), предпринимаемого монгольским центром «Тод номын гэрэл», и имеют особое значение для сохранения традиционной культуры монгольских народов и ее научного изучения. В серии «Библиотека ойратика» состоялась публикация книг «Халимаг түүх, соёл» («История и культура Калмыкии») и «Халимагийн монгол судлал» («Монголоведческие исследования в Калмыкии») — изданий на монгольском языке сборников статей ведущих сотрудников КИГИ РАН, в которых освещены вопросы калмыцкого языка, культуры, истории Калмыкии, этнографии и фольклора.

Согласно договору о сотрудничестве КИГИ РАН и Института языка и литературы АН Монголии в 2009 г. осуществлено совместное издание рукописных материалов из Архива Академии наук Монголии известного ученого, этнографа и лингвиста, д.ф.н. Ц.-Д. Номинханова, участника экспедиции, проведенной в 1920-х гг. под руководством академика Б.Я. Владимирцова [Ойрад... 2009]. Ц.-Д. Номинханов — представитель Калмыкии — стоял у истоков монгольской академической науки. Активный участник Монгольской народной революции, в 1921–1923 гг. являвшийся начальником штаба 1-й Монгольской кавалерийской бригады Монгольской революционной армии, в 1924–1926 гг. он работал в Монголии в Научном комитете, создававшемся совместными усилиями российских и монгольских организаторов науки, а в 1928–1929 гг. участвовал в научных экспедициях по разным аймакам страны. Ц.-Д. Номинханов впоследствии являлся ученым секретарем КНИИЯЛИ (1943 г.), первым доктором филологических наук в нашей республике. В КИГИ РАН подготовлены к печати труды профессора Ц.-Д. Номинханова из научного архива института, которые будут изданы в текущем году.

В рамках международного сотрудничества института с востоковедными центрами различных стран реализован проект издания калмыковедческих работ Габора Балинта, находящихся в архивных хранилищах Венгрии. Благодаря кропотливой работе, проведенной венгерской исследовательницей, монголоведом А. Бирталан, и усилиям научных учреждений Венгрии и Калмыкии уникальные материалы по калмыцкому языку XIX века, этнографические записи ученого стали доступными для исследователей [Kalmyk Folklore 2011].

В последние четверть века научные учреждения Калмыкии постоянно расширяют международные связи. Развитие международного сотрудничества КИГИ РАН с научными центрами зарубежья является весьма перспективным. Дальнейшие совместные исследования Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН связывает с целым кругом востоковедных дисциплин: источниковедением, историографией, сопоставительной лингвистикой, буддологией, искусствоведением, фольклористикой, историей ойратов и монголов в контексте проблем развития народов Азии. Одним из наиболее значимых проектов в рамках сотрудничества с соотечественниками за рубежом является проект по созданию единой электронной базы данных, в которую войдут все известные источники по истории и культуре монгольских народов.

Литература

Единая Калмыки в единой России: через века в будущее. Материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1–2. Элиста, 2009.

Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Материалы Междунар. науч. конф. Ч. I–III. Элиста, 2008.

Россия и Центральная Азия: Историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. I–II. Элиста, 2008.

Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid – 19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Texts. Budapest: Library of the Academy of Sciences of Hungary, KIN RAS, 2011. 380 с.

Ойрад Аман зохиолын сан хөмрөгөөс (Ц.-Д. Номинхановын архиваас) / Из сокровищ устного народного творчества ойратов Монголии (из архива Ц.-Д. Номинханова). Улаанбаатар, 2009. 220 с.

**МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК И МОНГОЛО-ТЮРКСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.
(по языковым материалам Киракоса Гандзакеци)**

Сочинение армянского историка XIII в. Киракоса Гандзакеци «История Армении», в котором среди прочего имеется довольно подробное описание жизненного уклада и быта монголов, а также список монгольских слов, равно как и сами фрагменты этого труда и его языковой материал, давно и хорошо известны монголооведам. Список монгольских слов из труда Киракоса постоянно фигурирует в перечнях наиболее ранних источников по истории монгольских языков, а сам материал этого списка был подробно проанализирован в известной работе Л. Лигети [Ligeti 1965], которая полностью сохраняет свою ценность и значимость для изучения монгольской лексики по источникам XII–XV вв.

Статья Л. Лигети, посвященная монгольской лексике у Киракоса, настолько основательна и фундаментальна, что, казалось бы, к сказанному в ней практически невозможно что-либо добавить. Тем не менее, мы считаем полезным и необходимым вернуться к этому интересному источнику по истории монголов и монгольского языка с тем, чтобы попытаться взглянуть на факты монгольских языков, засвидетельствованные в армянском источнике, с точки зрения современной алтаистики как науки о наиболее ранних этапах истории монгольских языков, осмыслить еще раз проблему взаимодействия тюркских и монгольских языков в их

фактических проявлениях в виде лексических заимствований и в социолингвистическом аспекте и в какой-то степени продолжить исследование этого материала, предложив свое понимание языковых фактов данного источника, которые остаются без объяснения или напрашиваются на какие-то альтернативные или дополнительные комментарии.

Вот что писал Киракос Гандзакеци о языке монголов в главе 32 своего труда «История Армении» [1976]:

«Язык их дик и непонятен /274/ нам, ибо бога они называют тангри, человека — эрэ, аран, женщину — эме, апджи, отца называют эчка, мать — ака, брата — ага, сестру — акатчи, голову — тирон, глаза — нигун, уши — чикин, бороду — сахал, лицо — йюз, ниур, рот — аман, зуб — схур, сидун, хлеб — отмак, быка — окар, корову — унэн, барана — гойна, ягненка — гурган, козу — иман, лошадь — мори, мула — лоса, верблюда — таман, собаку — нохай, волка — чина, медведя — айтку, лису — хонкан, зайца — таблга, тула, курицу — тахеа, голубя — кокучин, орла — буркуигуш, воду — усун, вино /275/ — тарасун, море — наур-тангыз, реку — моран-улансу, меч — иолту, лук — ному, стрелу — сыму, царя — мелик, патрона — ноин, великого патрона — екка ноин, страну — эл, иркан, небо — гога, солнце — наран, луну — сара, звезды — сарга, хутут, свет — отур, ночь — сойни, писца — битикчи, сатану — барахур, элэп и тому подобные варварские названия, которые в течение многих лет были нам неизвестны, а теперь поневоле стали известны¹.

Подавляющее большинство слов языка монголов в записи Киракоса — явно и без сомнений монгольские. В отдельных случаях это те слова, которые присутствуют и в монгольских и в тюркских языках, так что их формы по существу невозможно различить и

¹ К этому тексту имеется следующее примечание (17), которое стоит воспроизвести полностью: «17. «Все то, что сообщает Киракос о монголах, имеет чрезвычайно важное значение для монголоведения, и в первую очередь с точки зрения истории монгольского языка XIII в.», — говорит известный советский ученый проф. Г. Д. Санжеев (см.: К. А. Мелик-Оганджян. Предисловие, с. 87). По просьбе К. А. Мелик-Оганджяна приводимые Киракосом монгольские слова проверены Г. Д. Санжеевым, местами уточнены, так что нами приводится этот проверенный и исправленный перечень».

крайне трудно определить, из какого языка и в какой язык эти слова были заимствованы. В настоящей работе мы попробуем рассмотреть монгольские слова, приведенные Киракосом, по следующим группам: 1) монгольские слова; 2) тюркские слова; 3) тюрко-монгольские слова; 4) монгольские слова, имеющие тюркские эквиваленты-синонимы; 5) тюркские слова, имеющие монгольские эквиваленты-синонимы.

Рассмотрим эти пять групп примеров последовательно.

1. Монгольские слова:

Человека <называют> — эрэ, аран, отца называют эчка, мать — ака, брата — ага, сестру — акатчи, голову — тирон, глаза — нигун, уши — чикин, рот — аман, зуб — схур, сидун, быка — окар, корову — унэн, барана — гойна, ягненка — гурган, козу — иман, лошадь — мори, мула — лоса, верблюда — таман, собаку — нохай, волка — чина, медведя — айтку, лису — хонкан, голубя — кокучин, воду — усун, вино /275/ — тарасун, меч — иолту, лук — ному, стрелу — сыму, патрона — ноин, великого патрона — екка ноин, небо — гога, солнце — наран, луну — сара, звезды — сарга, хутут [174] свет — отур, ночь — сойни.

Всего 36 слов.

Монгольские слова в записи Киракоса не составляют особых проблем в исторической лексикологии монгольских языков. Они интересны в основном как факт документации определенного варианта монгольского языка XIII в. Можно отметить только то, что название медведя — по Киракосу *айтку* — не обязательно должно сопоставляться с мо. *ötökö*, которое является табуированным вторичным наименованием медведя, оно может сопоставляться и с общетюрк. *adig ‘медведь’ в какой-то очень архаической форме.

Параллели к этому слову, как мы полагаем, есть в тунгусо-маньчжурских языках: ср. негидальск. гојзима, ‘медведь тибетский’, ороцк. гоизима, нан. гойдики мафа, гойдима ‘гималайский медведь’ [ССТМЯ 1975–1977: 158а], которое мы считаем возможным сравнивать с тюркским названием медведя даже на общеалтайском уровне. Любопытно также слово *отур* ‘свет’, возможно. Являющееся сильно преобразованным в монголо-тюркских ко-

ординатах в сторону тюркского состояния монгольского слова *ogturgai* 'вселенная'. Непонятное название «зуба» *схур*, как мы полагаем, представляет собой какую-то форму — возможно даже форму орудного падежа — от монгольского *sojuga* 'клык'. Относительно слова *сарга*, являющегося, согласно Киракосу, названием звезды, можно полагать, что оно является названием какой-то определенной звезды или какого-то созвездия. На предпочтительность последнего решения указывает то, что общемонгольское наименование звезды у Киракоса оформлено показателем множественности -т (п.-мо. -d), то есть неясное слово *сарга* как-то соотносится — возможно, по количественным свойствам обозначаемого объекта — со словоформой множественного числа.

Слово «голова», записанное Киракосом, Л. Лигети в указанной выше статье соотносит с п.-монг. *terigün*, что возражений не вызывает, однако же соматические значения у данного слова не являются ни доминирующими, ни первичными, ни даже древними. Скорее всего, в данной словарной фиксации как-то проявляется семантическая дисперсия тюркского слова *baš* 'голова', которое может в отдельных языках даже терять свое первичное анатомическое значение, как это имеет место в гагаузском языке.

Любопытно, что для названия головы у Киракоса приведено слово *terigün*, не являющееся общемонгольским названием головы, и это слово выглядит как калька тюркской лексемы *baš* 'голова' в несоматическом, непредметном значении. Если это так (а мы имеем основания думать именно так), то перед нами интересный пример калькирования тюркских слов в монгольских языках [Остожьева 1990].

Из числа слов, сохраняющих среднемонгольский начальный согласный х-, отметим, что он присутствует в названии «звезды» *хутут* (форма множественного числа) и «лисы» хонкан, но оказывается утраченным в названии «быка» *окар* (ср. эвен. диал. *хөкэн* 'корова', эвенк. диал. *хукур*), и, как можно думать, в слове «вода» — *усун*. Вероятно, процесс утраты среднемонгольского х-, восходящего к общеалтайскому *р', в монгольских языках сопровождался междиалектным взаимодействием и диалектным сме-

шением, результатом чего стала непоследовательность рефлексов этого общемонгольского и общеалтайского согласного, отмечающаяся в дагурском и монгорском языках в современном состоянии и, возможно, имевшая место на разных синхронных срезах в древности [Бурыкин 2003]. Впрочем, тут нельзя исключать и то, что рефлексы общеалтайского *p' (хорошо известного уже более 100 лет — собственно, едва ли не с закона Рамстедта–Пелльо, характеризующего указывающие на данный архетип соответствия, с материальной стороны нетривиальные по качеству корреспондирующих согласных и с исторической стороны имеющие документированную памятниками перспективу — и должна вести свой отсчет алтаистика как компаративистическая дисциплина) здесь смешиваются с рефлексами общеалтайского *p. Укажем, что и рефлексы этого согласного по группам языков, и сами примеры на этот согласный еще с надлежащей достоверностью не выявлены [Старостин 1991].

2. Тюркские слова:

хлеб — отмак, царь — мелик.

Всего 2 слова.

Тюркские лексемы, то есть слова, характерные только для тюркских языков, в противоположность рассмотренной выше группе собственно монгольских слов, в списке Киракоса представлены только двумя лексическими единицами, из которых одно — мелик — заимствовано из арабского языка.

3. Тюрко-монгольские слова:

бога они называют тангри, бороду — сахал, курицу — тахеа, писца — битикчи.

Всего 4 слова.

Тюрко-монгольские слова, то есть слова, которые характерны в равной мере для монгольских и для тюркских языков, в списке Киракоса отличаются тем, что не имеют ни синонимов, ни разноязычных дублетов. Они представлены четырьмя примерами, из которых три — «бог», «борода», «писец» — являются тюркскими заимствованиями в монгольских языках, причем слово битикчи 'писец' представлено в записях Киракоса явно в тюркском обли-

ке, то есть без палатализации $t > c$ перед гласным i . Что касается слова «курица», то оно зафиксировано в монгольской форме, а его параллели — тюрк. *taqiq* и корейск. *так* (в графике *талк*, ср. *талгыал* ‘куриное яйцо’) — указывают на возможный общеалтайский характер данной лексической единицы.

К рассмотрению лексемы *tengri*, встречающейся в одном и том же значении в тюркских («небо», «бог», «божество» [ДС 1969: 544а]) и монгольских языках, мы можем добавить, что, по нашему мнению, эта лексическая единица имеет тюркское происхождение. На это указывает не только внешняя форма слова — глухой начальный согласный и узкий гласный в ауслaute, но и возможность этимологизации этого слова на тюркском материале. Вероятнее всего, слово *tängri* восходит к тюркскому *teng + eri* ‘владыка неба’, ср. др.-тюрк. *tengäk* ‘воздух, небо’ [ДС 1969: 552а], осложненное суффиксом отыменных существительных $-aq$ / $-ek$, в большинстве образований десемантизованном. О том, что конечный гласный в этом слове может восходить к притяжательному суффиксу, говорит якутское *тангара* ‘бог’, где, как и в притяжательных суффиксах 3 лица, наблюдается соответствие тюрк. $-ы$ ~ якут. $-а$.

4. Монгольские и тюркские слова:

женщину <они называют> — эме, апджи, орла — буркуигуш, море — наур-тангыз, реку — моран-улансу, сатану — баракхур, элэп.

Всего 5 слов.

В списке Киракоса мы находим 5 пар слов, где присутствуют монгольские и тюркские слова, причем монгольские слова стоят на первом месте, а тюркские — на втором. При этом ряд тюркских слов присутствует здесь в несвойственных им значениях: тюрк. *ebci* — это не ‘женщина’, а ‘жена’, ‘женщина’ [ДС 1969: 162а], ... оно, как можно полагать, образовано от *eb* ‘дом’, а тюрк. *alip* все не ‘сатана’, а ‘меткий стрелок’, ‘герой, богатырь, витязь’ [ДС 1969: 36аб].

5. Тюркские и монгольские слова:

лицо <они называют> — йюз, ниур, зайца — таблга, тула, страну — эл, иркан.

Всего 3 слова.

В материалах Киракоса имеется всего 3 пары слов, где присутствуют монгольские и тюркские слова и где тюркские лексемы стоят на первом месте, а монгольские — на втором. Возможно, что мо. *niγuγ* ‘лицо’ является старым тюркским заимствованием (генетическим аналогом тюркской лексемы является т.-ма. *дэ:рэ* ‘лицо’ и п.-мо. *dürsün*, монг. *дүрс(эн)* ‘форма, вид, внешность’).

Форма для обозначения зайца, зафиксированная Киракосом, необычна для тюркских языков тем, что она имеет согласный -l- на месте согласного -š- других тюркских языков (ср. др.-тюрк. *tabiṣuγan* ‘заяц’ [ДС 1969: 526a] — по нашему мнению, основанному на том, что ротацизм, как и ламбдаизм, не существует как фонологическое явление ни для общеалтайского, ни даже для тюркского состояния, формы с -l- являются морфологическими вариантами для слов с согласными s, š, c [Бурыкин 2005]). Эта же форма явственно напоминает п.-мо. *tuulai* ‘заяц’, зафиксированную Киракосом.

Какие выводы о характере монголо-тюркских языковых связей можно сделать, анализируя монгольский материал, записанный в XIII в. Киракосом Гандзакеци?

В монгольском языковом континууме, во всяком случае, в той языковой среде, которая была доступна для наблюдения армянскому историку, использовался монгольский язык, сохраняющий некоторые фонетические архаизмы. Тюркское влияние на монгольский язык в этот период прослеживается как имеющее место в двух формах, из которых первая — это тюркские заимствования, являющиеся следствием ранних тюрко-монгольских лексических связей, выразившихся в проникновении некоторых групп тюркских лексем в монгольский язык и впоследствии сохранившихся практически во всех языках, возможно, за исключением языков Внутренней Монголии (дагурского, баоаньского, монгорского, дунсянского и т. д.). Вторая форма влияния тюркских языков на монгольские языки периода XIII–XV вв. — это тюркские заимствования в монгольском языковом материале, в словарях и текстах, являющиеся следствием локального или индивидуального билингвизма и не подтверждаемые данными сколько-нибудь за-

метного массива письменных памятников или данными современных монгольского, бурятского и калмыцкого языков. Напомним, что монгольская часть словаря «Мукаддимат аль-Адаб» [Поппе 1938; Бадгаев 2011] содержит заметное количество тюркских слов, проникновение которых в монгольские языки последующих формаций не отмечается и которые не фиксируются как заимствования иными источниками этого же времени и последующих периодов. То, что Киракос для ряда понятий приводит как монгольские, так и тюркские слова, свидетельствует не только о том, что оба языка — как монгольский, так и тюркский — использовались в этот период в определенных социумах как средство межэтнического общения, но и о том, что с обоими названными языками именно как со средством общения для разных этнических сред были знакомы представители других этносов, в частности, представители армянской интеллигенции, которые смогли в своих трудах донести до нас сведения о языковой ситуации у монголов в XIII в.

СОКРАЩЕНИЯ

Др.-тюрк. — древне-тюркский, корейск. — корейский, мо. — монгольский, нан. — нанайский, негидальск. — негидальский, общетюрк. — общетюркский, ороцк. — ороцкий, п.-мо. — письменно-монгольский, т.-ма. — тунгусо-маньчжурский, тюрк. — тюркский, эвенк. диал. — эвенкийский диалектный, эвен. диал. — эвенский диалектный, якут. — якутский.

Литература

Бадгаев Н. Б. О некоторых особенностях системы вокализма и консонантизма среднемонгольского языка: к проблеме унаследованного и приобретенного (на материале словаря «Мукаддимат ал-адаб») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 103–109.

Бурыкин А. А. Об одной группе исключений из закона Рамстедта–Пелльо в монгольских языках // Сравнительно-историческое исследование языков: состояние и перспективы. Тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 января 2003 г.). М., 2003. С. 31–33.

Бурыкин А. А. Тюркские согласные *z, *ʃ, *ð в свете алтаистики: новые интерпретации // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. М.: Восточная литература, 2005. С. 96–106.

Древнетюркский словарь. (ДС) Л.: Наука, 1969. 678 с.

Киракос Гандзакечи. История Армении. М.: Наука, 1976. С. 271–274, лл.172–174. [электронный ресурс] // URL: www.armenianhouse.org; URL: www.drevlit.ru (дата обращения: 14.09.2013).

Мелик-Оганджян К. А. Предисловие // Киракос Гандзакечи. История Армении. М., 1976.

Остожьева Е. А. Названия головы в монгольских языках // 8-я конференция молодых ученых ЛО Института языкознания АН СССР (17–19 апреля 1990 г.). Тезисы докладов. Л., 1990. С. 79–80.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. Часть I–II. М., Ленинград: Изд-во АН СССР. 1938. 452 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ). Т. I, II. Л., 1975, 1977.

Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 190 с.

Ligeti L. La lexique mongol de Kirakos //Acta Orientalia. 1965. Vol. 18, fasc. 3. P. 241–297.

**АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА XVIII в.
(на материале исторических писем)**

Современный калмыцкий язык органически связан с его прошлым состоянием, поэтому исследования в области истории языка являются особенно актуальными. Многие вопросы калмыцкого языка, в том числе и словообразовательная проблематика, могут найти свое решение при всестороннем исследовании письменных памятников.

В данной статье сделана попытка выявить и проанализировать на материале деловых писем XVIII в. аффиксальное словообразование глагола калмыцкого языка того периода в качестве самостоятельного объекта грамматического исследования. Аффиксальный способ словообразования интересен тем, что позволяет наглядно проследить механизм словообразования. Важность этого вопроса заключается в том, что теория аффиксального словообразования является частью общей теории словообразования калмыцкого языка и имеет многовековую историю, уходящую своими корнями к прамонгольскому языковому состоянию. Этот способ присущ всем родственным монгольским языкам.

Вопросы словообразования всегда занимали важное место в монгольском языкознании с самого начала его зарождения. Так, авторы первых грамматик калмыцкого и монгольского языков выделили производные слова и их значимые части, выявили раз-

личия в сочетаемости разных основ с аффиксами и окончаниями, зафиксировали словообразовательные аффиксы [Шмидт 1832, Попов 1847, Бобровников 1849]. В работе В. Л. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» представлено первое описание аффиксального словообразования живой калмыцкой речи, где словообразованию уделены специальные главы [Котвич 1929: 87–117, 197–216]. Б. Я. Владимирцов в «Сравнительной грамматике монгольского письменного языка и халхаского наречия» установил фонемный состав ряда корней, основ, аффиксов и окончаний монгольского и калмыцкого языков в сравнении со старописьменным монгольским языком, описал явления, сопровождающие сочетания разных морфем [Владимирцов 1929: 46].

Разработке теории аффиксального словообразования монгольских языков посвящены работы Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева, которые исследовали связи аффиксального словообразования с лексикой и грамматикой [Санжеев 1940, 1963, 1964; Бертагаев 1969, 1974]. Г. Д. Санжеев придавал большое значение исследованию аффиксов старописьменного монгольского языка, с которым он связывал новые аспекты и возможности описания монгольского слова [Санжеев 1964: 54]. Т. А. Бертагаев в своей работе «К исследованию лексики монгольских языков» описал своеобразие способов образования новых слов в монгольских языках, диалектах и говорах, обратил внимание на неравномерность и «неодинаковость» процессов словообразования в родственных языках и диалектах [Бертагаев 1961: 36]. Б. Х. Тодаева ввела в научный оборот обширный материал по аффиксальному словообразованию монгольских языков и диалектов Китая, баоаньского, дунсянского, монгорского, дагурского языков [Тодаева 1960, 1961, 1964, 1973, 1985, 1986]. В своих работах Б. Х. Тодаева не только описывает словообразовательные аффиксы современных монгольских языков, но и стремится к их четкой классификации как в формальном, так и в семантическом плане, к раскрытию их этимологии.

Работа У.-Ж. Ш. Дондукова, которая целиком посвящена вопросам аффиксального словообразования одного из современных монгольских языков, внесла весомый вклад в развитие теории

монгольского словообразования [Дондуков 1964]. Монография Л. Болда «Орчин цагийн монгол хэлний дагавар» посвящена изучению словообразовательных аффиксов современного монгольского языка в сравнении с аффиксами старописьменного монгольского языка [Болд 1986]. В работе А. А. Дарбеевой анализируются внутренние и внешние факторы, которые оказывают воздействие на словообразование в монгольских языках [Дарбеева 1984].

Различные аспекты аффиксального словообразования на материале калмыцкого языка нашли отражение в работах И. К. Илишкина [1973], Д. А. Павлова [1969], А. Л. Каляева [1970], М. У. Монраева [1980], Э. Ч. Бардаева [1976, 1981], В. Э. Очир-Гаряева [1983], Б. Б. Манджиковой [1981], Г. С. Биткеевой [1976, 1981], Г. Ц. Пюрбеева [1969], Д. А. Сусеевой [1980, 1985, 1991, 1993], Н. У. Очировой [1989], Э. У. Омакаевой [1989].

Источниковой базой для нашего исследования послужили письма калмыцких ханов и их современников (более 500 наименований), которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Эти исторические документы, написанные на «тодо бичиг» («ясном письме»), остаются единственным источником по деловому стилю калмыцкого литературного языка периода Калмыцкого ханства.

При разработке проблемы аффиксального способа словообразования глагола калмыцкого языка XVIII в. мы сосредоточили свое внимание главным образом на следующих основных, с нашей точки зрения, вопросах: 1) выявлении словообразовательных аффиксов путем морфологического анализа производных основ и характеристике их значений; 2) установлении потенциальной возможности образования глагольных основ от тех или иных производящих основ посредством различных словообразовательных аффиксов; 3) анализе степени продуктивности или непродуктивности аффиксов, проявляющейся в словообразовательных типах; 4) семантической характеристике производных основ в связи со словообразованием; 5) описании словообразовательного значения залогообразующих аффиксов; 6) выяснению взаимоотношения в плане семантики производящих и производных основ в связи со словообразованием.

Глаголы, встретившиеся в языке писем, можно распределить по следующим семантическим разрядам: глаголы движения (йабуху ‘ходить’, нөүкү ‘кочевать’), глаголы бытия (байиху ‘быть’, хошолоху ‘жить в юрте’), глаголы созидания (бичикү ‘писать’), глаголы разрушения (алаху ‘убивать’, эбдэрэкү ‘разрушаться’), глаголы психического (внутреннего) состояния (ичикү ‘стыдиться’), глаголы речи (кэлэкү ‘сказать’, сураху ‘спрашивать’), глаголы мысли (ицаху ‘надеяться, уповать’, санаху ‘думать, вспоминать’), глаголы становления, состояния (босхоху ‘поднимать, восстанавливать’, асараху ‘вырастить’), глаголы восприятия (соносаху ‘слышать’, мэдэкү ‘знать’), глаголы отношения между людьми (зангнаху ‘усваивать привычку’, уураху ‘остановиться, бросить’).

Глагол деловых писем XVIII в. можно разделить на производные и непроизводные. Примеры непроизводных глаголов: *байиху* ‘быть’, *өгүкү* ‘дать’, *йабуху* ‘ходить’, *гэкү* ‘говорить’, *абаху* ‘брать’, *ороху* ‘войти’, *бичикү* ‘писать’, *одху* ‘пойти’, *ирэкү* ‘прийти’.

Как показывает анализ писем указанного периода наиболее продуктивным способом образования производных глаголов является аффиксальный способ. С помощью суффиксов глаголы образованы от имен существительных, имен прилагательных, числительных, наречий, местоимений, глаголов и звукоподражательных слов.

Больше всего в языке писем представлены глаголы, мотивированные именами существительными и образованные с помощью следующих суффиксов:

1) Аффикс: *-ла// -лэ// -ло// -лө// -лу// -лү* со значением действия, которое связано с тем, что названо мотивирующим словом, например: *аха* ‘старший брат’ → *аха-ла-ху* ‘быть старшим над кем-либо, возглавлять’, *байар* ‘радость’ → *байар-ла-ху* ‘радоваться’, *засаг* ‘наставление, наказание’ → *засаг-ла-ху* ‘наказывать’, *дайин* ‘война’ → *дайи-ла-ху* ‘воевать’, *нутуг* ‘владение’ → *нутуг-ла-ху* ‘обитать, жить в какой-либо местности’, *инаг* ‘друг’ → *инаг-ла-ху* ‘дружить’. *Мани жомбойшлог жэтэсэнээсэ тана балхасун-ду байижги хоцорогсон мангүди тоо-ло-жци цуһаари Ишиду өгөгтүн малтайигини.*

‘В нашем городе проживали наши едисанцы и джембойлуковцы, отставших татар всех сосчитайте и отдайте Ише вместе с их скотом’.

2) Аффикс *-да//-до//-дө//-дү//-дэ* со значением действия переходного – непереходного значения, например: *шарха* ‘рана’ → *шарха-да-ху* ‘наносить раны, быть раненным’, *бараан* ‘силуэт, очертание; видимость’ → *бараа-да-ху* ‘держаться вблизи, находиться близко’, *көрөи* ‘пила’ → *көрөйи-да-ху* ‘пилить’, *морин* ‘лошадь’ → *мори-до-ху* ‘выступить в поход’. *Мантаһа кэрүл-дү-гсэн сэркэшийин орос Мантаг хойоулайиги нада илгэ*. ‘Русского из Черкаска, поссорившегося с Мантагом, вместе с Мантагом пришли ко мне’.

3) Аффикс *-а//-о//-ө // -у//-и//-э*: Например: *була* ‘воровство, кража’ → *була-а-ху* ‘воровать, отнять’, *залха* ‘томление, раскаяние’ → *залха-а-ху* ‘томиться, раскаяться’, *алда* ‘ошибка, упущение’ → *алда-а-ху* ‘лишаться, утрачивать, терять, упускать, ронять’, *хуби* ‘часть’ → *хуба-а-ху* ‘делить, распределять’, *таала* ‘ласка, желание, воля’ → *таал-а-ху* ‘проявлять желание, ласкать’, *агса* ‘колчан’ → *агса-а-ху* ‘привесить оружие; надевать колчан’, *зайа* ‘доля; счастье, судьба’ → *зайа-а-ху* ‘завещать’.

4) Аффикс *-на//-нэ* со значением действия, связанного с тем, что названо мотивирующим словом, например: *занг* ‘привычка; характер’ → *занг-на-ху* ‘усваивать привычку, проявлять нрав, обижаться’, *анг* ‘зверь’ → *анг-на-ху* ‘охотиться’, *харам* ‘жалость, страдание’ → *харам-на-ху* ‘жалеть, сочувствовать’.

5) Аффикс *-йи* со значением действия, которое названо мотивирующим словом, например: *жили* ‘отставание’ → *жили-йи-ку* ‘отставать, теряться’, зарлиг ‘закон, указ’ → *зарли-йи-ку* ‘судить, указывать’, ба (баи) *устар.* ‘веха; мы’ → *ба-йи-ху* ‘быть, находиться; иметься, существовать где-л., стать, оставаться’, *өө* ‘обида, недовольство’ → *өө-йи-лө-ку* ‘обижаться, чувствовать себя обиженным, оскорбленным’.

6) Аффикс *-зэ* со значением действия, связанного с тем, что названо мотивирующим словом, например: *үбэл* ‘зима’ → *үбэл-зэ-ку* ‘зимовать’. *Тани һатулжси үбүл-зэ гэгсээр Айуули ду үбүлзэбэби*. ‘По Вашему совету перезимовать, переправившись, я перезимовал в Аюле’.

7) Аффикс *-шту*: *анг* ‘зверь’ → *ангу-шту-ху* ‘охотиться’. *Зангхааран ангхаан ангу-шту-уйин гэжи илгэгсэн ангшоучинааса мөн дөчин морийни ахашай орус булаажу абчи*. ‘Русские из Царицына отобрали ровно сорок лошадей у наших охотников, хотя им было разрешено охотиться по договоренности’.

8) Аффикс *-ра// -ра// -ро// -рэ// -ри* — общемонгольский аффикс со значением действия, связанного с накоплением того, что названо мотивирующим словом, например: *ангги* ‘часть’ → *ангги-ра-ху* ‘отделяться, делиться’, *анх(ан)* ‘начало, истоки’ → *анхаа-ра-ху* ‘обращать, внимание, наблюдать, рассматривать, примечать’, *ацаан* ‘груз’ → *ацаа-ра-ху* ‘выучить груз’.

9) Аффикс *-са// -су// -со// -со* значением действия, связанного с проявлением того, что названо мотивирующим словом, например: *зуун* ‘лето’ → *зуу-су-ху* ‘летовать, проводить лето’, *аман* ‘рот’ → *ама-са-ху* ‘пробовать’.

10) Аффикс *-ца// -цэ// -цө// -цу// -цо* со значением совместных и коллективных действий, например: *зарху* ‘суд’ → *зарху-ца-ху* ‘судиться, вести тяжбу, предъявлять иск’, *зэргэ* ‘ряд’ → *зэргэ-цэ-кү* ‘выстраиваться в ряд’.

11) Аффикс *-чилө// -чила* со значением действия, связанного с тем, что названо мотивирующим словом: *зөб* ‘правильно’ → *зөб-чилө-кү* ‘дать согласие’, *айил* ‘сосед, село’ → *айил-чила-ху* ‘гостить, ездить в гости’.

12) Аффикс *-ша// -шэ// -шо// -шө// -ши*: *амтан* ‘вкус’ → *амт-ша-ху* ‘войти во вкус’, *сонин* ‘новость, интерес’ — *сони-ша-ху* ‘интересоваться’, *үдэ* ‘полдень’ — *үдэ-шэ-кү* ‘полдничать, обедать’.

13) Аффикс *-лха// -дха*: Например: *бараан* ‘очертание’ → *бараа-лха-ху* ‘быть на приеме, получить аудиенцию; нанести визит’, *шарха* ‘рана’ → *шарха-дха-жи* ‘ранить’;

14) Аффикс *-с// -са*: *байар* ‘радость’ → *байа-с-ху* ‘радоваться, ликовать, восторгаться’, *ур* ‘пар’ → *ур-са-ху* ‘растворить’.

15) Аффикс *-чи*: *малаай* ‘плеть, нагайка (из плетёных полосок ремня)’ → *мала-чи-ху* ‘бить нагайкой, наказывать’.

16) Аффикс *-ул// -үл*: *мэндэ* ‘здоровье’ → *мэндү-үл-кү* ‘здороваться, приветствовать’.

17) Аффикс *-ркэ* со значением действия, связанного с проявлением признака, которое названо мотивирующим словом, например: *күчийн* ‘сила’ → *күчийи-ркэ-кү* ‘притеснять, кичиться своей силой’; *Нада төрөл миннi күчи-ркэ-нэй*. ‘Родственники мои хвастают силой (показывают своё могущество, притесняют)’.

18) Аффикс *-лда//лдо*: *дайин* ‘война, сражение’ → *дайи-лда-ху* ‘воевать, сражаться’, *санаан* ‘мысль, дума’ → *санаа-лда-ху* ‘вздыхать’, *аман* ‘рот, уста’ — *ама-лда-ху* ‘клясться, договариваться, божиться’, *абаца* ‘взятие’ → *абаца-лда-ху* ‘брать, получать вместе с кем-либо’, *бооцо* ‘договор, пари’ → *бооцо-лдо-ху* ‘спорить, держать пари’. В. И. Рассадин, считает, что этот «общемонгольский показатель взаимного залога ...принимает в языке, видимо, статус словообразовательного аффикса, о чем свидетельствуют случаи образования им глаголов непосредственно от именных основ...» [Рассадин 2008: 204–205].

19) Аффикс *-та//то//ту//тэ*: *шаба* ‘рана’ → *шаба-та-ху* ‘пораниться’; *забсар* ‘промежуток, интервал’ → *забсар-та-ху* ‘увеличиваться, раздвигаться’, *уг* ‘начало, зарождение’ → *уг-ту-ху* ‘встречать, выходить навстречу’;

20) Аффикс *-жи*: *кэм* ‘норма, величина, размер, отрезок времени’ → *кэм-жи-кү* ‘мерить, измерять; устанавливать норму, время’;

21) Аффикс *-го//гэ//гү//г*: *өр* ‘рассвет, заря; розжиг’ → *өр-гэ-кү* ‘разжигать (лампадку); поднимать, приподнимать; повышать, улучшать; подносить’;

22) Аффикс *-ки*: *ор(-он, -ом)* ‘место, вакансия’ → *ор-ки-ху* ‘класть на место, ставить; покидать, оставлять’;

23) Аффикс *-рха//рхо*: *атаа* ‘зависть’ → *атаа-рха-ху* ‘завидовать’, *ацаан* ‘груз, тяжесть’ → *ацаа-рха-ху* ‘тяготиться, быть недовольным’, *омог* ‘гордость’ → *омого-рхо-ху* ‘гордиться’.

24) Аффикс *-гло*: *олзо* ‘добыча’ → *олзо-гло-ху* ‘брать в качестве добычи’.

25) Аффикс *-мсо*: *хоро* ‘злоба, гнев’ → *хоро-мсо-ху* ‘досадовать’.

Таким образом, в исследуемых письмах нами было выявлено 25 аффиксов, с помощью которых образованы глаголы, мотивированные именами существительными.

Кроме того, нами выявлены глаголы, мотивированные именами прилагательными и образованные следующими суффиксами:

1) *-ла* со значением проявления или накопления признаков или свойств, которые названы мотивирующими словами, например: *бату* ‘крепкий’ → *бату-ла-ху* ‘укрепить’, *хара* ‘черный’ → *хара-ла-ху* ‘чернеть’, *цаһаан* ‘белый’ → *цаһаа-ла-ху* ‘белеть’, *лаб* ‘точный’ → *лаб-ла-ху* ‘уточнять, удостоверять’;

2) *-да// -дү// -дэ* со значением действия, связанного с накоплением признаков, которые названы мотивирующими словами, например: *моу* ‘плохой’ → *моу-да-ху* ‘злословить, оскудевать, истощаться’, *йэкэ* ‘большой’ → *йэкэ-дү-кү* ‘увеличить’, *нигэ* ‘единый’ → *нигэ-дэ-кү* ‘объединять’;

3) *-ра// -рэ* со значением действия, связанного мотивирующими словами, например: *дулаан* ‘теплый’ → *дулаа-ра-ху* ‘теплеть’, *үгэй(тэй)* ‘неимущий, бедный’ → *үгэйи-рэ-кү* ‘беднеть’;

4) *-ша// -ши// -шө* со значением действия, связанного с накоплением признаков, которые названы мотивирующими словами, например: *буруу* ‘неправильный’ → *буруу-ша-ху* ‘порицать, осуждать, обвинять’, *алдар* ‘известный’ → *алдар-ши-ху* ‘стать известным, прославиться’, *зөб* ‘правильный’ → *зөб-шө-кү* ‘соглашаться, разрешать, одобрять’.

Глаголы, мотивированные наречиями, образованы с помощью суффиксов:

1) *-ла// -лө* со значением действия, которое связано с тем, что названо мотивирующим словом, например: *лаб* ‘точно’ → *лаб-ла-ху* ‘уточнять’, *өөдө* ‘вверх’ → *өөдө-лө-кү* ‘идти вверх по течению реки’;

2) *-да* со значением действия, которое связано с тем, что названо мотивирующим словом, например: *уруу* ‘вниз’ → *уруу-да-ху* ‘идти вниз по течению реки’.

Глаголы, мотивированные местоимениями представлены одним примером, когда производное глагола было образовано с по-

мощью суффикса *-ла* со значением *цуг* ‘все, всё, весь’ → *цуг-ла-ху* ‘собирать, собираться’.

Глаголы с суффиксом *-а* образуются от основ глаголов и обозначают переходное действие, например: *тараху* ‘расходиться, разъезжаться’ → *тара-а-ху* ‘распускать, громить’.

Суффикс *-гэ*, являясь своеобразной грамматической омонимой (аффикс побудительного залога *-гэ*), выполняет и словообразовательную функцию, например, от глагольной основы *куркху* ‘доходить, достигать, добираться’ в письмах XVIII в. образован новый глагол *кур-гэ-ку* ‘доставлять, доводить, сопровождать’.

Полифункциональностью обладает и формант *-лга*, с помощью которого, например, от глагольной основы *буу-ху* ‘спускать, спускаться’ образован глагол с новой семантикой: *буу-лга-ху* ‘расположиться, обосноваться, поставить’. *Эл болоод йэкэ гэрээн Хатай Хабчиг дээрэ буулһажу*. ‘Поскольку установился мир, (он) поставил свой большой дом в Хатай Хабчиге’. От глагола *даа-ху* ‘терпеть, сносить, ручаться, брать на себя ответственность’ образован глагол с новой семантикой *даа-лга-ху* ‘доверять’.

Также полифункциональностью обладает и формант *-хо*, с помощью которого от глагольной основы *бос-ху* ‘вставать’ образован глагол с новой семантикой *босхоху* ‘восстановить, вернуть’. *Манду өгүдэг цаһаан хани кэшиг мөнгүнөөсө босхожси абуйшта*. ‘Дайте из числа тех денег, которые жалует нам царь’.

Первоначально Г. Д. Санжеев отмечает, что аффиксы *-гэ// -лга* и *-хо* не являются суффиксами побудительного залога, а служат лишь для образования переходного глагола от непереходного глагола [Санжеев 1940: 65], позднее он их отнес к числу суффиксов побудительного залога [Санжеев 1962: 207; 1963: 27]. Ц. Б. Цыдендамбаев вновь рассматривает их как словообразующие модели активных глаголов от пассивных (при неодушевленных предметах); но, отмечая сложность этого вопроса, подчеркивает, что глаголы этого типа ‘наряду с приобретением значения активности, т.е. способности управлять именем, могут выражать побудительность’ при одушевленном предмете [Цыдендамбаев 1979: 91–95]

Исследование материала более 500 писем калмыцких ханов показывает, что для калмыцкого языка того периода характерно наличие богатой системы производных глаголов. Нами были зафиксировано более 4800 глагольных словоформ. Они составляют к общему количеству словоформ (19 880) — 22,7%.

Таким образом, в результате проведённого исследования на материале исторических писем выявлены основные устойчивые типы и модели образования глагола посредством различных словообразовательных аффиксов. Наиболее продуктивными глаголообразующими аффиксами являются аффиксы *-ла// -ло// -лө// -лу// -лу;* *-да// -до// -дө// -дү// -дэ;* *-ра// -ро// -рө// -ру// -рү;* *-на// -нэ// -нү.* В частотном плане наиболее употребительными глаголообразующими аффиксами являются аффиксы: *-ла// -ло// -лө// -лу// -лү.*

Словообразование глагольных основ посредством различных аффиксов от разных частей речи показывает, что аффиксальный способ образования глаголов калмыцкого языка XVIII в. очень продуктивен. Производные глаголы образуются с помощью аффиксов от существительных, прилагательных, наречий, глаголов, местоимений, числительных и прерывов.

Глагольные основы, образованные посредством залогообразующих аффиксов, являются вполне самостоятельными и совершенно независимыми глагольными основами по отношению к своим производящим основам, например: от глагольной основы *кур* ‘доходить, достигать, добираться’ с помощью аффикса *-гэ* в письмах XVIII в. образован новый глагол *кур-гэ-кү* ‘доставлять, доводить, сопровождать’.

Литература

Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1976. 25 с.

Бардаев Э. Ч. О происхождении названий мелкого скота в языках монгольских народов // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 177–188.

Бардаев Э. Ч. О калмыцкой лексической терминологии // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста, 1981. С. 116–119.

Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ, 1961. 158 с.

Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: Наука, 1969. 183 с.

Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 383 с.

Биткеева Г. С. Постфиксальное образование личных имен // Исследование по лексике калмыцкого языка. Элиста, 1981. С. 73–88.

Биткеева Г. С. Принципы образования женских слов /табу/ в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексики современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 200–214.

Биткеев П. Ц. Образование глагольных основ // Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1979. С. 66–83.

Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Изд-во Казанского Императорского университета, 1849. 403 с.

Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар, 1986. 134 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издание Ленинградского Восточного института им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.

Дарбеева А. А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М.: Наука, 1984. 191 с.

Дондуков У-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1964. 246 с.

Илишкин И. К. Сопоставительная грамматика калмыцкого и русского языков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 199 с.

Каляев А. Л. Имена прилагательные в современном калмыцком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. М.; Элиста, 1970. 19 с.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги: Издание калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословацкой республике, 1929. 418 с.

Манджикова Б. Б. Именное словообразование изобразительных слов // Исследование по лексике калмыцкого языка. Элиста, 1981. С. 66–72.

Монраев М. У. Наречие в современном калмыцком языке. Элиста, 1980. 129 с.

Омакаева Э. У. К характеристике способов словообразования в современном монгольском языке // Владимирцовские чтения. 2-я Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1989. С. 119–121.

Очирова Н. У. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков. Состав слова и имя существительное. Учебное пособие. Элиста: КГУ, 1989. 59 с.

Очир-Гаряев В. Э. Географические термины в наречиях монгольских языков.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1983. 26 с.

Павлов Д. А. О развитии лексики калмыцкого языка за счёт его внутренних ресурсов // Записки КНИИЯЛИ. Элиста, 1969. с. 127–154.

Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Изд-во Казанского Императорского университета, 1847. 392 с.

Пюрбеев Г. Ц. Глагольные фразеологические единицы в монгольских языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1969. 25 с.

Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. 234 с.

Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М., 1940. 160 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 261 с.

Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 88 с.

Сусеева Д. А. Производное слово и словообразовательное гнездо в калмыцком языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 109–127.

Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста: Калмиздат, 1985. 243 с.

Сусеева Д. А. Структурно-типологическое сопоставление аффиксального словообразования русского и калмыцкого языков // Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтнических регионах СССР. Всесоюзная научная конференция. 10–13 апреля 1991. Тезисы докладов. Махачкала, 1991. С. 114–115.

Сусеева Д. А. Сопоставительное словообразование русского и калмыцкого языков // Учебное пособие. Элиста, 1993. 105 с.

Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 137 с.

Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 151 с.

Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М.: Наука, 1964. 158 с.

Тодаева Б. Х. Монгорский язык: исследование, тексты, словарь. М.: Наука, 1973. 391 с.

Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: Наука, 1985. 133 с.

Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука. 1986. 187 с.

Харчевникова Р. П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М. 1996. 73 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.

Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832. 185 с.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК) Ф. 36, О. 1.

Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Т. I. Элиста, АПП «Джангар», 2003. 384 с.

Гедеева Д. Б. Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2004. 194 с.

Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников. Избранное. Элиста, Заор НПП «Джангар», 2009. 991 с.

**СООТНОШЕНИЕ ГРАФЕМЫ И ГЛИФА
В ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ «ТОДО БИЧИГ»
(«ЯСНОЕ ПИСЬМО») СТАРОКАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА¹**

Проект разработки Национального корпуса калмыцкого языка приобретает особую актуальность в последние годы, поскольку, с одной стороны, реальное функционирование калмыцкого языка ограничено только разговорной сферой коммуникации в среде носителей, принадлежащих к старшему поколению и проживающих в Республике Калмыкия [Баранова 2009; Биткеева 2006], и, с другой стороны, развитие компьютерных технологий уже позволяет создавать подобные электронные ресурсы, аккумулирующие массивы текстов с возможностью расширенного поиска по грамматическим и семантическим пометам (см. подробно: [Куканова 2012]).

Разработка корпуса для любого языка является фундаментальным проектом, и его реализация зависит от выполнения многих задач — теоретических (создание формализованного описания грамматики — морфологии и синтаксиса, семантической разметки и т. д.) и технических (создание сайта, парсера, поискового менеджера, сканирование текстов и др.). К тому же сам корпус может состоять из ряда подкорпусов: основного, газетного, поэтического, параллельного, устного и т.д. Каждая из задач и каждый из подкорпусов могут стать предметом отдельного исследования.

В создании основного подкорпуса калмыцкого языка мы опи-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» № 12-04-12047/в (2012–2014).

раемся на результаты работы по разработке корпусов как в отечественной, так и зарубежной лингвистике [Куканова 2013]. Более новым и совершенно не разработанным направлением в корпусной лингвистике является создание подкорпуса «ранних» текстов, написанных на старокалмыцком языке (на «тодо бичиг» ‘ясном письме’) (см. также: [Бембеев 2012]).

В старописьменном языке почти все (за исключением некоторых) графемы в различных позициях (в начале, середине и в конце) пишутся по-разному. Все графические начертания одной буквы являются аллографами (глифами) и, следовательно, обозначениями аллофонами одной и той же фонемы. В целом, можно констатировать, что на сегодняшний день «Тодо бичиг» — вертикальное письмо — имеет ограниченную поддержку в компьютерной среде: за некоторыми глифами до сих пор не закреплена кодировка Unicode.

Слова разделены пробелом, служащим делиметром между ними, пробелом также разъединяется и написание некоторых словоизменяемых аффиксов. Этот аспект очень важен для нас, поскольку, в отличие от древнерусских текстов, где, переписывая множество документов, писцы не оставляли пробелов между словами и часто пропускали гласные в словах, т. е. писали скорописью² в целях экономии и увеличения скорости. Написание букв различается только по позиции внутри слова. Ср., например, с действием семантического и синтаксического критериев в современном калмыцком языке: с прописной буквы пишутся имена собственные, прописные буквы маркируют начало предложения.

Таким образом, графическая система «тодо бичиг» обладает рядом особенностей, среди которых можно указать следующие:

- 1) вертикальное написание сверху вниз, строки располагаются слева направо;

---

² При транслитерации аффиксы, которые оформлены через пробел, обозначаются написанием через дефис. См. подробно правила транслитерации текстов, которые были разработаны в рамках реализации одной из задач проекта «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (№ 12-04-12047/в) [Музраева 2012; Куканова, Бембеев, Музраева 2013].

- 2) сингармонизм («мужские» и «женские» согласные в зависимости от последующей гласной);
- 3) отсутствие прописных букв;
- 4) аллофонный характер письма: три варианта графем (не у всех букв) в зависимости от позиции в слове (начало, середина или конец) и от грамматических правил;
- 5) действие некоторых графических правил (например, необязательное оформление выносного элемента в графеме **ѣ**, если в структуре слова имеется согласная **ѣ**).

В рамках проекта «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, запланировано создание основы, своего рода задела, для подкорпуса «ранних» текстов. В соответствии с этой задачей необходимо выяснить, какие проблемы как теоретического, так и практического характера, существуют в области разработки корпуса рукописных в большей своей массе источников, собрать небольшой текстовый материал, на который можно будет опираться при разработке данного ресурса.

Одной из таких проблем является соотношение графемы и глифа. Два этих понятия тесно связаны, имея отношения абстрактное — конкретное. Действительно, графема, являясь абстрактной единицей, получает свое конкретное воплощение в глифах. В лингвистике принято использование термина «аллограф». Данное понятие под названием «графические альтернативы» было введено в научную практику И. А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963]. В типографии с развитием компьютерных технологий большее распространение получил термин «глиф».

К примеру возьмем графему «А», скелет (графическая основа) которой состоит из 3 обязательных элементов: двух линий, образующих угол и соединенных при помощи третьей линии. Глифами этой графемы могут выступать: **A**, *A*, **A**, **A**, **A** и др. К глифам графемы «а» могут относиться: **a**, *a*, **a**, **a** и др. Скелеты строчной и прописной графем легко узнаваемы носителями того или иного языка, поскольку абстрактный образец — графема — имеет прочную связь со всеми своими аллографами.

Термин «графема» трактуется как единица, которая обладает единством содержания и формы, т. е. означаемого и означающего [Журавлев 1990]. Другими словами, по своему начертанию она должна отличаться от графем того же алфавита и передавать один и тот же звук. Глифы одной и той же графемы должны иметь в своей структуре одинаковую основу, своего рода скелет, но при этом они могут отличаться внутри графемы по своей функции (строчные или прописные: «а» и «А», — курсивные или жирные: «А», «а» и «А», «а») или по своей форме («а» и «а»).

Графемы старокалмыцкого письма, в том числе галики, имеют от одного (например ꚗ, Ꚙ) до пяти (например ꚗ¹) вариантов написания в уставной записи, а в неуставных, т. е. в документах, демонстрирующих отход от графической нормы, закрепленной автором этого письма (Зая-пандитой Намкай Джамцо, 1599–1662), можно встретить большое количество глифов. Что касается графем «тодо бичиг», то внутри одного ряда букв они могут отличаться как по своей форме, так и функционально.

Возьмем к примеру графему «ꚗ¹», которая обозначает фонему <a>. Все глифы данной буквы отличаются функционально: каждое начертание обозначает употребление фонемы <a> в разных позициях слова: в инициальной, медиальной и финальной позициях слова. Иначе говоря, они обозначают варианты фонем — аллофоны. Но при этом все эти глифы, обозначая функциональные особенности графемы, выражают это через свою форму: каждый глиф может отличаться от другого глифа как по употреблению в той или иной позиции в слове, так и внутри одной позиции, если имеется несколько вариантов обозначения того или иного аллофона.

Если почти у всех графем «тодо бичиг» есть кодировка Unicode, которая находится в пределах 1800–18AF [The Unicode Standard 2013], то глифы в «тодо бичиг» реализованы в так называемом FREE VARIATION SELECTOR (см. Таблицу). Это, собственно говоря, не кодировка, а лишь способ решения проблемы создания псевдокодировки у контекстных глифов, т. е. глифов в тех графических системах, выбор которых зависит от контекста. Действительно, это очень неудобно, в некоторых целях необходимо использовать тот

или иной глиф в изолированной позиции, но мы не можем этого сделать, поскольку данный глиф не отображается изолированно, а только в контексте, а происходит это потому, что он не имеет своей собственной кодировки. Конечно, не столь важно создавать кодировку для того или иного стилистического глифа, характерного для уставной или неуставной записи. К примеру, тонкое или жирное написание графемы «а» не влияет на кодировку: она остается неизменной. Однако для палеографов, текстологов и других исследователей важно использовать глифы со своей собственной кодировкой в зависимости от позиции для правильного отражения рукописного текста в том виде, в котором он существует.

В некоторых разработанных шрифтах, как, например, Mongolian Baiti, реализован формат OpenType, который может включать широкий спектр глифов и лигатур. В зависимости от правого контекста происходит автоматическая замена глифов. Например, если добавляется следующий символ (не знак пробела) к уже напечатанному, меняется глиф в изолированной позиции на глиф в инициальной позиции, если печатается еще один символ, то происходит еще одна замена глифа в инициальной позиции на глиф в медиальной позиции. Такая постоянная смена символов помимо того, что раздражает глаза, не позволяет установить, правильно ли напечатано то или иное слово, еще до того, как оно не будет отражаться на экране полностью, включая пробел.

Изучение соотношения графемы и глифа принципиально важно для создания распознающей графические начертания программы, которая увеличила бы объем будущего подкорпуса «ранних» текстов. Однако для распознающей программы необходимо, чтобы графемы имели поддержку Unicode. Использование шрифтов, поддерживаемых системой Unicode, принципиально важно для филологов: это лучший способ избежать проблем при их публикации как в бумажном, так и электронном виде [Rabus 2009: 91]. В настоящее время ведется работа в архивах Республики Калмыкии по оцифровке материалов писем калмыцких ханов XVIII в., которая заключается в транслитерировании текстов в специализированной программе.

Литература

Rabus A. Unicode and OpenType — a practical approach to producing Church Slavonic scientific editions // Письменное наследие и современные информационные технологии: сб. ст. лекторов международной научной школы для молодежи (Ижевск, 12–15 октября 2009 г.) / отв. ред. В. А. Баранов. Ижевск: Удмуртия, 2011. С. 89–105.

The Unicode Standard 6.3. 1991–2013 [электронный ресурс] // <http://www.unicode.org/Public/6.3.0/charts/CodeCharts.pdf> (дата обращения: 25.06.2013). 2100 p.

Баранова В. В. Языковая ситуация в Калмыкии: социолингвистический очерк // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Том V, часть 2). С. 22–42.

Бембеев Е.В. Опыт квантитативной обработки текста на старокалмыцком языке: количественные характеристики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 163–168.

Биткеева А. Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык / дисс. М., 2006. 435 с.

Бодуэн де Куртэнэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 тт. Т. 2. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 208–235.

Журавлев В. К. Графема // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 117.

Куканова В.В., Бембеев Е.В., Мулаева Н.М., Очирова Н.Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.

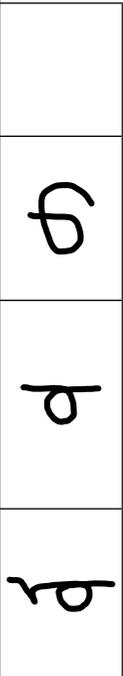
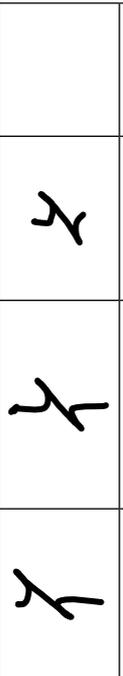
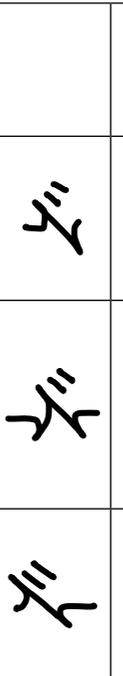
Куканова В. В., Бембеев Е. В., Музраева Д. Н. К вопросу о кодировке UNICODE графической системы «тодо бичиг» и создании базы данных текстов на старокалмыцком языке // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2013. № 3. С. 65–75.

Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы Oülgun dalai «Моря притч») // Вестник Калмыцкого интститута гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 167–185.

Таблица 1. Основные типы глифов графем старомонгольского письма («тодо бичиг»)

№	Латиница	Название графемы	Глиф/Unicode					Кол-во глифов
			Изолированная позиция	Инициальная позиция	Медальная позиция	Финальная позиция	Другие написания	
1.	a	MONGOLIAN LETTER TODO A	1820					5
				180B/180C	180B			
2.	n		1828					4
				180B	180B/180C			
3.	x	MONGOLIAN LETTER TODO QA	184D					2
					180B			

4.	γ	MONGOLIAN LETTER TODO GA	184E			—		2
					180B			
5.	i	MONGOLIAN LETTER TODO I	1845					4
					180B			
6.	l	MONGOLIAN LETTER TODO LA	182F					3
7.	m	MONGOLIAN LETTER TODO MA	182E					3
8.	o	MONGOLIAN LETTER TODO O	1846					3
					180B			

9.	u	MONGOLIAN LETTER TODOU	1847		3
10.	ü	MONGOLIAN LETTER TODOUE	1849		3
11.	s	MONGOLIAN LETTER TODO SA	1830		3
12.	š	MONGOLIAN LETTER TODO SHA	1831		3
13.	d	MONGOLIAN LETTER TODO DA	1851		4

14.	t	MONGOLIAN LETTER TODO TA	1850		—		2
15.	e	MONGOLIAN LETTER TODO E	1844		180B		2
16.	y	MONGOLIAN LETTER TODO YA	1855		—		2
17.	r	MONGOLIAN LETTER TODO RA	1837				5

18.	ö	MONGOLIAN LETTER TODO OE	1848	 	3
19.	g/q	MONGOLIAN LETTER TODO GAA	1858	 	4
20.	k	MONGOLIAN LETTER TODO KA	1857	 	2
21.	k	MONGOLIAN LETTER TODO	183B	 	2
22.	b	MONGOLIAN LETTER TODO BA	182A	 	4

23.	P	MONGOLIAN LETTER TODO PA	184C	<p>ᠯ</p>	<p>ᠯ</p>	3
24.	c	MONGOLIAN LETTER TODO TSA	1854	<p>ᠮ</p>	—	1
25.	z	MONGOLIAN LETTER TODO JA	1853	<p>ᠮ</p>	—	1
26.	č	MONGOLIAN LETTER TODO CHA	1852	<p>ᠮ</p>	—	1

27.	j	MONGOLIAN LETTER TODO JIA	185A			—		3
28.	v	MONGOLIAN LETTER TODO WA	1856			—		2
29.	ŋ	MONGOLIAN LETTER TODO ANG	184A	—				2

1829

**ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕЕ ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
(на материале эпоса «Джангар»)**

Общеизвестно, что развитие калмыцкого языка на всем протяжении его истории осуществлялось, как правило, двумя путями: за счет имеющихся в языке собственных ресурсов (например, словообразовательных), а также путем заимствования языковых средств из других языков. Слово *заимствование*, как известно, имеет два значения: это, с одной стороны, элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой, а, с другой, и сам процесс перехода элементов одного языка в другой.

Наиболее частый и типичный вид языкового заимствования — это заимствование слов, или лексическое заимствование. Лексические заимствования — один из способов пополнения словарного состава языка. Лексика всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Основной причиной заимствования иноязычной лексики считается отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора.

Интерес к проблеме заимствования сформировался в лингвистике в русле социолингвистических и психолингвистических исследований. В работах последних лет заимствование рассматривается как одно из важных последствий взаимодействия культур, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей.

Э. Сепир по этому поводу писал, что «когда есть налицо культурное заимствование — есть налицо основание ожидать соответствующего заимствования слов... Роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просачивалась в лексику других народов» [Сепир 1934: 152].

Изучение заимствованной лексики интересно тем, что каждое слово, входящее в состав этого лексического пласта, непосредственно связано с историей предмета, явления или понятия, им обозначенным. В связи с этим важно привлекать накопленный богатый фольклорный, исторический, археологический и этнографический материал.

Хотя монгольские языки начали изучаться в генетическом плане довольно давно, основное внимание исследователей привлекали главным образом фонетика и морфология. Лексика привлекалась в основном для установления фонетических соответствий между словами алтайских языков. Поэтому лексический состав монгольских языков, в том числе и калмыцкого, пока еще слабо изучен в интересующем нас ракурсе.

Остаются актуальными такие вопросы, как дефиниция заимствования; особенности процесса проникновения заимствованной лексики в калмыцкий язык; специфика функционирования слов иноязычного происхождения в фольклорном произведении; способы их адаптации в языке-рецепторе; причины лексических заимствований; их тематическая классификация.

Лексика современного калмыцкого языка неоднородна с точки зрения её происхождения. Калмыкам, как и их предкам, ойратам, на протяжении всей своей истории приходилось вступать в политические, экономические, торговые, языковые, культурные, религиозные и иные связи с другими народами, этносами, этническими группами. В результате подобных разносторонних контактов калмыцкая лексика пополнялась иноязычными заимствованиями.

Изучая заимствования, важно рассматривать их с точки зрения социально-исторических факторов, в том числе и с учетом ситуации заимствования. Различие условий заимствования проявляется,

прежде всего, в том, каким путем осуществляется заимствование: устным или посредством письменности.

На ранних этапах слова из других языков попадали устным путем, но после создания в 1648 г. знаменитым ойратским просветителем и буддийским деятелем Зая-пандитой Намкай Джамцо «тодо бичиг» в результате переводческой деятельности (причем переводилась не только религиозная, но и светская литература) большая часть слов иностранного происхождения (в основном, санскритизмы) попала в ойратский (калмыцкий) язык письменным путем и оказала огромное влияние на процесс складывания современного калмыцкого литературного языка.

В новых исторических условиях калмыцкий язык функционировал в иноэтническом и иноязычном (преимущественно русскоязычном и тюркоязычном) окружении, что не могло не отразиться на дальнейшем развитии его словарного состава. Первоначально новые слова проникали устным путем, а затем в результате постепенной адаптации к фонетическим, семантическим, грамматическим законам калмыцкого языка, оформлялись в письменном варианте.

Время проникновения тех или других заимствований установить довольно трудно. Причины появления лексического заимствования носят как внешний, экстралингвистический характер, так и внутренний, собственно языковой. Заимствование является естественным и закономерным процессом, сопровождающим языковые контакты. Первый случай можно рассматривать как следствие тесных культурно-исторических, политических, торгово-экономических связей между народами — носителями языков, когда заимствование слова было обусловлено заимствованием вещи или понятия. Так, напр., санскритизмы и тибетизмы, встречающиеся в эпическом тексте, обозначают в основном буддийские реалии.

Необходимость специализации наименований связана с внутриязыковой потребностью дифференциации семантики синонимичных языковых средств. В результате этой тенденции значение, выражаемое калмыцким словом, может «расщепиться» на два, и тогда одно из них получает иноязычную номинацию. Другая вну-

триязыковая причина заимствований — тенденция к замене описательных наименований однословными.

Процесс адаптации заимствований сопряжен со многими трудностями и характеризуется степенью усвоения заимствующим языком. На первом этапе заимствования осознаются и воспринимаются как чуждые, инородные вкрапления для данного языка. Затем происходит фонетическая, грамматическая и лексико-семантическая стабилизация слов в зависимости от закономерностей, правил орфографии и орфоэпии языка-реципиента.

В отношении калмыцкого эпического текста подобные исследования особенно актуальны, поскольку лексика эпоса отражает свою, фольклорную, реальность, свой мир, не совпадающий с обычной действительностью, эпическую картину мира, эпическую ситуацию, отличающуюся от денотативной ситуации [Тодаева 1976; Пюрбеев 1993; Омакаева 1997б, в].

Первое лингвистическое исследование по калмыцкому эпосу выполнено Б. Х. Тодаевой на материале цикла Ээлян Овла в ее известном труде «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» [1976], где самым ценным является словарь [Дарваев 2003: 212], который пока остается единственным в калмыковедении лексикографическим трудом, отражающим лексическое богатство калмыцкой версии Джангариады. О лексиконе синьцзянской версии можно судить по «Словарю языка ойратов Синьцзяна» [Тодаева 2001].

Книга Г. Ц. Пюрбеева «Эпос «Джангар: культура и язык» (1993) и ряд статей Э. У. Омакаевой [Омакаева 2009; 2013], А. А. Бурыкина [Бурыкин 2004] и др., посвященных проблемам эпической картины мира, знаменуют собой новое направление в изучении лексики эпоса — этнолингвистическое, в рамках которого весьма перспективным представляется создание этнолингвистического словаря на основе калмыцкой эпической традиции в общемонгольской перспективе на фоне других фольклорных жанров, направленного не только на толкование значения того или иного слова, но и на раскрытие семантики лексем, выполняющих в тексте культурные функции (символические, ритуальные).

В эпическом тексте, традиционно вызывающем интерес и скаитителей, и ученых [Омакаева 1997а; Омакаева, Манджиева 2003 и др.], имеется значительное количество слов иноязычного происхождения, заимствованных из санскрита, тибетского, тюркских, персидского, китайского, арабского и других восточных языков, проникновение которых обусловлено разными причинами, прежде всего языковыми контактами с народами определенного региона (в нашем случае — центральноазиатского).

Значительную часть иноязычной лексики языка эпоса составляют санскритизмы и тибетизмы, появление которых в монгольских языках, в том числе и в калмыцком языке, объяснимо религиозными и культурными контактами с восточными народами, исповедовавшими буддизм. Именно они продолжают привлекать особое внимание в связи с «возвращением» в активный лексический фонд калмыцкого языка слов санскритского и тибетского происхождения, которые по ряду причин в словарях калмыцкого языка советской эпохи идут с пометой *устар.* или даже вообще отсутствуют.

Заимствованная лексика из восточных языков (тюркизмы, санскритизмы, тибетизмы, китаизмы, иранизмы, арабизмы и др.) недостаточно исследована в калмыцком языкознании. В своих работах ее рассматривали Ц.-Д. Номинханов [1967], В. О. Поляев [1980], Э. Ч. Бардаев [1983; 1985], Г.Ц. Пюрбеев [1993], В.И. Рассадин [1983], С. С. Харьковова [1983], Н. Б. Бадгаев [2002; 2006; 2008; 2011] и др., но, к сожалению, пока нет монографических работ. До сих пор остаются открытыми вопросы, касающиеся критериев заимствования, условий вхождения иноязычной лексики в принимающий язык, типов классификации заимствований и т. д.

Нами сделана попытка выявить этот интересный пласт лексики в эпическом повествовании. По своему составу эпический лексикон представляет собой сложную систему, состоящую из классов или групп слов, различающихся по значению и происхождению, стилистической окрашенности и сфере употребления. Большой блок составляют заимствования из санскрита и тибетского языка.

Причем необходимо отметить, что санскритские слова, как и греческие, попали в ойратский язык через посредство другого языка (уйгурского, тибетского), а тибетские слова, как и русские, заимствовались непосредственно. «Например: греческое слово *ноомос* через согдийский язык попало в уйгурский, а затем в ойратский в форме *ном*. Другой пример: дифтэра — персидский язык (дафтаар), тибетский язык (дэб-тхэр), ойратский/калмыцкий (девтр–дегтр)» [Омакаева 2010: 386–387].

В современном калмыцком языке такие санскритизмы, как *шүлг* (шлока), *аршан*, *авъяс*, *махмуд*, *буйн*, *зандн*, *килнц*, *шажн*, настолько прижились, что обычному человеку кажутся не заимствованными, а «родными» словами.

«Конечно, пройдя такой путь, слово претерпевает изменения в своем произношении, с другой стороны, особенностью письменного ойратского языка того времени является то, что слова иностранного происхождения, в частности, тибетизмы и санскритизмы, на письме отображались в своем исконном виде, например: *блама*, *рашиян*, *рилбу*. Но поскольку такое написание не соответствовало фонетическим законам калмыцкого языка, в дальнейшем эти слова стали писать в соответствии с их произношением. Так, в калмыцком языке мы имеем такие слова, как *лам*, *аршан*, *ирл* и т. д.» [Омакаева 2010: 387].

Проникновение санскритизмов и тибетизмов в ойратский язык XVII в. связано с распространением тибетского буддизма. Поэтому большая часть заимствованной из этих языков лексики — это в тематическом отношении философские и буддийские термины, имена собственные, имеющие, как правило, религиозную семантику.

Приведем тибетские заимствования: *бум* (тиб. *бум*) ‘сто тысяч’, *гелң* (тиб. *дгэ-слонг*) ‘буддийский монах, принявший 253 обета’, *гецл* (тиб. *дгэ-цхул*) ‘буддийский монах, давший клятву верности трем драгоценностям и принявший 36 обетов’, *ханз* (тиб. *ганг-зан*) ‘курительная трубка’, *домб* (тиб. *донг-мо*) ‘сосуд’, *дуң* (тиб. *дунг*) ‘белая морская раковина’, *жува* (тиб. *бубеба*) ‘десять миллионов’, *йиртмжэ* (тиб. *джиртен*) ‘природа, мир,

вселенная', *лама* (тиб. *бла-ма*) 'высокий сан духовного лица', *манжэ* (тиб. *ман-ча* 'чай для лам') 'ученик веры', *сай* (тиб. *са-йа*) 'миллион', *тиг* (тиб. *тиг*) 'несметное количество (где-то свыше тысяча биллионов)', *хадг* (тиб. *кха-бТагс*) 'дарственный шарф', *шил* (тиб. *шел*) 'стекло', *шур* (тиб. *бий-ру*) 'коралл'. В тематическом отношении, конечно, это прежде всего буддийская лексика (наименования священнослужителей, ритуальных предметов и т.д.), но есть также нумеративы: *бум* (тиб. *бум*) – сто тысяч; *жува* (тиб. *буе-ба*) – десять миллионов.

Санскритизмы: *эс* (санскр. *адхистхита, адхистхана*) 'благословение', *агчм* (санскр. *киана* 'секунда') 'миг, мгновение', *аршан* (санскр. *рашаяна*) 'божественный напиток, нектар', *бадм* (санскр. *падма*) 'лотос', *буйн* (санскр. *пунья*) 'добродетель', *халв* (санскр. *калпа* — период мироздания) 'эра, века', *хард шовун* (санскр. *Гаруда* — владыка птиц; олицетворение света в древнеиндийской мифологии и эпосе) 'орел; мифическая царь-птица', *жиндмн* (*чиндмн*) (санскр. *чинта-мани*) 'мифический, драгоценный камень, исполняющий желания и олицетворение у монголов солнца', *замбтив* (санскр. *джамбудвипа* — древнее название Индии) 'вселенная, континент, мир', *зандн* (санскр. *сандана*) 'санда, чистый', *маань* (санскр. *мани* 'драгоценность') 'сакральный звук, род буддийского заклинания', *рагини*= *дагини* (санскр. *дакани*) 'небесная дева, фея', *сидтэ* (санскр. *сиддхи*) 'сверхъестественное могущество, магическая сила, волшебство', *Сумр уул* 'мифическая гора Сумеру, на вершине которой обитают тенгрии', *там* (санскр. *тамас*) 'ад', *кид* (санскр. *кхета*) 'монастырь, скит', *шажн* (санскр. *шасана*) 'учение, вера', *эрднь* (санскр. *ратна*) 'драгоценность', *ягц* (шулм) (санскр. *якши*) 'ведьма, женщина-демон'.

Эпические лексические заимствования неоднородны по времени появления. Одни из них являются ранними, относящимися к периоду пра- и общемонгольского языкового единства, развития западномонгольского, т. е. ойратского, языка, другие — более поздними (они пополнили уже собственно калмыцкую лексику). Многие слова и термины, обозначающие буддийские понятия, заимствовались из разных источников в разное время.

Интересной представляется история проникновения в калмыцкий язык санскритского слова *ваджра* ‘скипетр’. Первый раз оно попало в монгольские языки в форме *очр* через уйгурский язык в доюаньскую эпоху, когда буддийские тексты читались на уйгурском. Когда ойраты приняли тибетский буддизм, то в ойратском языке появилось 2 новых слова с одним значением ‘ваджра’, которые функционировали как имена собственные: санскритизм *Базр* и тибетизм *Дорж*. Так одно и то же слово попало в калмыцкий язык двумя разными путями в разные исторические периоды, в разной форме и с разными функциями.

Очр в современном калмыцком языке выступает и как имя собственное, и как имя нарицательное. Слово *Базр* встречается только как имя собственное. Поэтому возможны оба варианта теонимов (имен божеств Ваджрадара и Ваджрапани): 1) Очрдэр и Базрдэр; 2) Очрваань и Базрваань» [Омакаева 2010: 387]. Тибетское же слово *Дорж* активно функционирует как антропоним, встречаясь и самостоятельно как личное имя, так и в составе фамилий (например, *Дорджиев*).

Наиболее часто в эпосе встречаются имена существительные в фонетически освоенном виде, из других частей речи отметим числительные.

Интересными в плане изучения эпической лексики представляются заимствования из тюркских языков [Владимирцов 1911]. Тюркизмы в эпосе неоднородны.

Можно выделить тюркские лексические элементы двух типов: 1) общемонгольского характера: *зэңг* (кирг. *жаңы*, каз. *жаңа* ‘новый, свежий, обновленный’) ‘весть, известие’; *тагт* (тюрк., перс. *тахте* ‘доска, щит, фанера’) ‘мост’; 2) собственно калмыцкие тюркизмы: *азд* (ногайск. *азда* ‘мифический дракон’) ‘буян; дебошир, хулиган’, *алднд* (ср. тюрк. алдында ‘перед, впереди; прежде, раньше; около’) ‘почти; около; как раз в тот момент; перед (этим, тем), вблизи (этого, того)’, *алң* (ср. тюрк. *алаң* ‘рассеянный’) ‘удивление, изумление; удивительный, изумительный’, *аю* (ср. тюрк. *аю* ‘медведь’) ‘медведь’, *барг* (ср. др. тюрк. *барах* ‘охотничья собака с лохматой и длинной шерстью’) ‘стороже-

вой пес; дворняжка’, *бишмуд* (татар. *бишимит*, узбек. *бешимет*) ‘платье’, *булмг* (ср. тюрк. *буламык* ‘мучная похлебка’) ‘булмак, саламата’ (национальное кушанье калмыков — мука, смешанная с маслом, салом), *кишлг* (казах. *койлек* ‘рубашка, сорочка; женское платье’) ‘рубаша, рубашка, сорочка’, *кичг* (ср. тюрк. *кичик* ‘маленький, небольшой’, татар. *көчек* ‘щенок’) ‘щенок (собаки, волчицы, лисы)’, *көвцг* (ср. др. тюрк. *көрчк* ‘передняя и задняя подушка седла’) ‘седельная подушка’, *терз* (ср. тюрк. *тэрээз* ‘окно’) ‘окно, окошко’, *терм* (ср. киргиз., каз. *терме* ‘сборный’) ‘стенная решетка кибитки, клетчатый’, *тоһи* (каз. *тохаиш* ‘сушка, крендель, баранка’, киргиз. *токоч* ‘хлеб в виде лепешки, тонкая сдобная лепешка’) ‘крендель, круглый’, *шитм* (ног. *шетен* ‘плетень, изгородь’) ‘изгородь, плетень, овечий загон’, *яңһг* (уйг. *яңақ* «орех», каз. *жаңгақ* ‘орех’) ‘орех’.

Поскольку в определенный исторический период ойраты слушали буддийские проповеди на уйгурском, в калмыцком языке много терминов уйгурского происхождения. Их семантика разнообразна. Можно выделить следующие тематические группы:

- 1) теонимы (названия божеств): *Эрлг хан*, *Хурмст* (иранский Ахурамазда);
- 2) демонимы (названия злых духов, чудовищ и др.): *маһһс*;
- 3) номинации ритуальных предметов: *суврһн*, *титм*, *очр*;
- 4) наименования священнослужителей: *хуврг*;
- 5) номинации философских, психологических, этических, литературных понятий (*билг*, *шалтг*, *бөлг*).

Если до XVII в. в основном использовались уйгурские и санскритские слова, то в XVII в. благодаря переводам Зая-пандиты в ойратский язык хлынули тибетские термины, порой вытесняя прежние — санскритские.

В лексической структуре эпоса большая роль отводится и заимствованиям из китайского, арабского [Владимирцов 1930] и персидского языков.

Наиболее благоприятным периодом для китайских заимствований являлось время правления монгольских ханов от Хубилая до Тогон-Тэмур (1260–1368), так называемый «юаньский пе-

риод». В монгольских языках китаизмы давно прошли процесс адаптации и перестали восприниматься как иноязычная лексика [Хазуев 1978]. В эпическом тексте выделены следующие слова: *бу* (кит. *пао* «пушка») ‘ружье’, *зуух* (кит. *цао-хо* ‘железная печка’) ‘яма для разведения огня; глинобитный очаг’, *лу* ‘дракон’, *лан* (кит. *лян*) ‘мера веса, равная 37, 301г.’, *нойн* (кит. *лао-йе* ‘господин’) ‘нойон, князь’, *ца* (кит. *чха*) ‘чай’, *шаазн* (кит. *ча-чжун*) ‘чайная пиала’.

Э. Ч. Бардаев, анализируя слова арабско-персидского происхождения в эпосе «Джангар», пишет: «Как известно, в прошлом монголам очень редко приходилось иметь непосредственное отношение с арабским миром. Отсюда следует, что ряд арабских и персидских лексических элементов могли попасть в «Джангар» в основном через тюркоязычную среду...» [Бардаев 1980: 392].

В эпосе встречаются следующие арабизмы: *алмс* (араб. *алмас*) ‘ведьма’, *эрк* (араб. *араг* ‘испарина, испарение’) «кумысная водка», *ханжал* (араб. *ханжар*) ‘кинжал’.

Как отмечал в свое время академик Б. Я. Владимирцов, посредником при передаче монголам персидских слов был язык тибетский. В эпическом повествовании выявлены следующие заимствования из персидского: *арслнз* ‘лев’, *барс* ‘тигр’, *болд* ‘сталь’, *болр* ‘хрусталь, горный хрусталь’, *дэр* ‘порох’, *кевс* ‘ковер’, *тоһстн* ‘павлин’, *тоь* ‘попугай’, *хала* ‘жесть, жестяной’, *шалвр* ‘шаровары или штаны’, *шатр* ‘шахматы’, *шикр* ‘сладости’.

Изучение иноязычного пространства языка эпоса «Джангар» выявило широту и разнообразие входящих в него единиц и вместе с тем их неравномерную изученность, что объясняется, прежде всего, теоретической неразработанностью ряда вопросов, связанных с изучением заимствований.

Иноязычные слова в фольклорном тексте, хотя и представляют довольно многочисленный пласт лексики, но, тем не менее, не превышают определенного предела всего его словарного состава.

Важно подчеркнуть, что заимствованные слова, выявленные в тексте эпоса с учетом выполняемых функций в фольклорном дискурсе, представляют собой номинации, не имеющие аналогов

в заимствующем их языке. На примере калмыцкого языка мы убедились, что освоение иноязычной лексики в принимающем языке проходит в несколько этапов. На первом этапе заимствования осознаются и воспринимаются как чуждые вкрапления для данного языка; на втором они расцениваются как более-менее приемлемые, но все же инородные слова, и, наконец, на последнем этапе это уже полностью освоенные слова, поэтому их инородность на первый взгляд не всегда видна.

Выявленные в эпосе заимствования свидетельствуют о древних историко-культурных связях носителей алтайских языков, в частности праойратов, с другими народами. Очевидны ранние контакты с какими-то иранскими народами.

Таким образом, изучая лексические заимствования в языке эпоса, мы получаем представление и о заимствовании калмыцким народом культурных ценностей от других этносов в силу их культурно-исторических взаимосвязей и влияния. Тематическая классификация заимствований позволяет сделать вывод об изменении как концептуальной, так и языковой картины мира, о новых сегментах и фрагментах когнитивного опыта, требующего языковой фиксации.

Изложенные выводы носят предварительный характер. Их уточнение, как и создание полной классификации эпических заимствований, — дело будущего, когда будет полностью исследован и лексикографически описан словарный состав эпоса «Джангар».

Перспективы дальнейшего исследования затронутой в данной статье темы связаны с тем, что эпический текст дает возможность рассматривать заимствованные лексические единицы с разных точек зрения, в первую очередь в аспекте исторической лексикологии и современного словоупотребления. Диахронический взгляд на заимствования помогает понять, как формировались и трансформировались те лексические явления, которые характеризуют современное состояние калмыцкого языка, и культурные представления, стоящие «за текстом».

Литература

Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в ойратском письменном языке // Монголоведение. № 1. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 15–27.

Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в монгольских языках // IX Междунар. конгресс монголоведов, г. Улан-Батор, 8–12 авг. 2006 г. Улан-Батор, 2006. С. 16.

Бадгаев Н. Б. Фонетические особенности арабско-персидских заимствований в русском и монгольском языках (по материалам словаря Мукаддимат ал-Адаб) // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России: мат-лы Общерос. науч. конф., г. Элиста, 19–20 нояб. 2007 г. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 93–101.

Бадгаев Н. Б. Проблемы системного изучения заимствованной лексики монгольских языков сквозь призму культуры (на материале монгольского глоссария «Мукаддимат ал-адаб») // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл., г. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 495–496.

Бардаев Э. Ч. Заимствованная лексика в калмыцком языке // Монголоведные исследования. Элиста, 1983. С. 37–53.

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста, 1985.

Бурькин А. А. Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. № 3. Элиста, 2004. С. 103–109.

Владимирицов Б. Я. Арабские слова в монгольском // Записки Коллегии востоковедов. Вып. V. Л., 1930. Т. 5. С. 73–82.

Владимирицов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО). Вып. II–III. СПб., 1911. С. 153–184.

Номинханов Ц.-Д. Тибетские и санскритские лексические элементы в калмыцком языке // Ученые зап. КНИИЯЛИ. Вып. 5. Серия филологическая. Элиста, 1967. С. 155–160.

Омакаева Э. У. «Жангар» тууль түлхүүр үгийн толинд: XXI зууны орчуулга, тайлбарын асуудлууд // Төв Азийн тууль. Симпозиум, Наадам-II. Улаанбаатар, 2013. 111–113 х.

Омакаева Э. У. «Джангар» в центре внимания ученых и сказителей // Шамбала. 1997а. № 5–6. С. 40.

Омакаева Э. У. Калмыцкий эпос «Джангар»: язык, религия, картина мира // Шамбала. 1997б. № 5–6. С. 36–38.

Омакаева Э. У. Национальный эпос: язык, религия, картина мира // Бурят-монголы накануне III тысячелетия: опыт кочевой цивилизации. Россия – Восток

– Запад в судьбе народа: докл. и тез. Междунар. симпозиума, г. Улан-Удэ, 24–28 авг. 1997 г. Улан-Удэ, 1997в. С. 30–32.

Омакаева Э. У. Письменная традиция // Калмыки. Том серии «Народы и культуры». М.: Наука, 2010. С. 382–405.

Омакаева Э. У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность // Proceedings of the Second International Conference “Past and Present of the Mongolic peoples”. Токуо, 2009. Р. 342–352.

Омакаева Э. У., Манджиева Б. Б. Актуальные проблемы современного джангароведения // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 26–39.

Рассадин В. И. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов, Улан-Удэ, 1983. С. 70–89.

Поляев В. О. Тибетские и санскритские лексические элементы в языке эпоса «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М: Наука, 1980. С. 344–346.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста, 1993.

Сенир Э. Язык: Введение в изучение речи / пер. с англ. А. М. Сухотина. М.-Л., 1934. 224 с.

Хазуев Н. А. Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 96–107.

Харькова С. С. О некоторых тюркских лексических заимствованиях в калмыцком языке // Монголоведные исследования. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 90–93.

**ГИДРОНИМЫ В КАЛМЫЦКИХ И
ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
(на материале экспедиционных исследований 2007–2013 гг.)***

Обращение к названиям водного ландшафта на калмыцком ойратском (западномонгольском) песенном материале обусловлено интересом к поэтическому гидрониму «как носителю экстралингвистического знания (в том числе концептуально значимой информации), спецификой его функционирования в фольклорном дискурсе» [Убушиева, Омакаева 2013 б: 53]. В гидрографической терминологии как системе номинаций водных объектов отражены фундаментальные представления человека об особенностях ландшафта окружающей его среды.

У каждого названия водного объекта своя историческая судьба. Одни из них, возникнув в глубокой древности, дошли до настоящего времени практически без изменений. Другие, не выдержав испытания временем, исчезли с географической карты, и память о них осталась разве лишь в памяти людей старшего поколения, на страницах газет того времени и в архивных документах.

Вполне понятно, что географические названия, в том числе гидронимы, привлекали и привлекают внимание представителей разных гуманитарных и естественных наук, других областей знания [Бакаева 2009]. Но прежде всего они находятся в ведении лингвистов [Васильева 2009; Кичикова 2010; Омакаева 2012; 2013а].

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00436а)

Различные сведения о географии получают только тогда прочность и несомненность, когда будут проверены путем филологического изучения [Барсов 1885: 165]. Ономастика как наука о разных типах и видах имен собственных является неотъемлемой частью лексикологии, изучающей словарный состав языка, со своим предметом, теорией и методами исследования.

Выявление специфики употребления онимов в фольклорно-литературном контексте осуществляется в русле фольклорной (литературной), или поэтической, ономастики, ставшей сегодня одним из важных направлений современной филологической науки, но теоретическая разработка ее методов находится только в стадии становления.

Топонимика, будучи важнейшей частью ономастики, традиционно членится на разделы в соответствии с характером географических объектов, носящих собственные имена.

«Язык» водного ландшафта представляют гидронимы и гидрографические термины, структурирующие соответствующий сегмент пространственной картины мира в языковом сознании как коллектива в целом, так и отдельной личности. Совокупность названий водного ландшафта, встречающихся в данном жанре калмыцкого фольклора, образует в целом поэтическую песенную гидронимию. Именно этот спектр топонимического пространства рассматривается в данной статье.

Система гидрографических терминов занимает важное место в гидронимической системе калмыцкого языка. Термины-апеллятивы образуют значительное количество составных географических названий, сочетаясь с другими лексическими единицами. Исследование ареала распространения гидрографических единиц показывает, что основной массив таких слов известен практически всем монгольским языкам.

Гидронимические данные могут быть полезны при решении проблем этногенеза, истории заселения того или иного региона, установления этнической принадлежности народов, населявших ту или иную территорию, в выявлении путей миграций и т. д.

Как пишет Н. П. Барсов в своих «Очерках русской исторической географии», «главное значение в топографической номенклатуре имеют названия урочищ, т. е. гор, рек, озер, а не населенных местностей, так как судьба последних крайне изменчива, их существование и исчезновение с лица земли стоит в зависимости от множества случайностей, а между тем далеко не всегда новое поселение получает имя прежнего, хотя бы жители его были и старые. Но и новые пришельцы не изменили старых названий у природных урочищ» [Барсов 1885: 170]. Изыскания в области исторической географии основываются не только на летописных источниках, археологических и этнографических данных, но и на географической номенклатуре и топонимических сведениях. В ойратоязычных топонимах нашли отражение историко-культурные и пространственно-временные вехи истории контактировавших этносов и их языков.

Предлагаемый подход к описанию калмыцкой фольклорной гидронимии с содержательной и формальной стороны можно охарактеризовать как этнолингвистический. Вопросы, входящие в компетенцию чистой фольклористики, нами здесь не затрагиваются. Сюжетно-композиционная роль водных объектов, введенных в поэтическую ткань песенного текста, рассматривается в той мере, в какой она релевантна для топонимической номинации.

Основу включенных в круг рассмотрения фольклорных текстов составили песни из коллекций и сборников, аутентичность и репрезентативность которых общепризнаны. Исследование требует отбора текстов тематически и содержательно близких: оптимальный способ анализа функционирования имени собственного в фольклоре, на наш взгляд, это сопоставление вариантов одной песни. Вариантные формы песенного текста возникают благодаря вариативности самого фольклора. Исходя из этого, мы сочли необходимым привлечь к исследованию разные источники, содержащие песенные варианты классических текстов, как опубликованные, так и еще не введенные в научный оборот (архивные и полевые экспедиционные записи).

В целом изучение калмыцкой гидрографической номенклатуры, извлеченной нами из песенных источников, в том числе исто-

рических и лирических песен, способствует выявлению закономерностей номинационных процессов в рассматриваемом языке. Анализ лексем, обозначающих различные виды водных объектов, с точки зрения семантики, этимологии свидетельствует о том, что в прошлом судьба номада во многом зависела от водного ландшафта, гидрографического объекта, с учетом которого осуществлялись сезонные перекочевки, что и обусловило детализированность соответствующей терминологии. Разнообразие рельефа и климатических условий определило разный характер и режим рек (степные и горные).

Исследование лексической репрезентации водного ландшафта в калмыцких песенных текстах связано с моделированием лингвокультурологического образа реки, выявлением принципов номинации водных объектов, поиском коннотаций, выраженных в гидронимах. Для адекватной интерпретации гидронимического песенного образа необходимо описать историко-культурную «биографию» гидронима.

Представления калмыков о водном ландшафте сформировались под влиянием образно-эмпирического восприятия таких рек, как Волга, Урал, Дон и Кубань.

Чаще других в текстах песен мы находим упоминание гидронима *Ижл хол* 'река Волга'. Так, в песне «Маниг яһтха гисмб?» есть такие строки:

*Ховң Ижл хоорнд
Харгдх баран үзгдхи.
Между Кубанью и Волгой
Не видно никаких очертаний.*

В песне «Алтан Хаңхан теңгр» говорится о волжской воде, вкус которой напоминает сладкий виноград, в сравнении с уральской водой, напоминающей по вкусу сандал:

*Ижл мөрнэ уснь
Үзм шикрин амтта,
Зэ гидг холнь
Зандн халврин амтта.*

Тот или иной водный объект может использоваться в песне в качестве сравнения или демонстрации каких-то качеств, характеристик. Так, в песне «Инжрэ Жоока» есть такие строки:

*Ижлин гинэ холынла дүүрэнднь гинэлэ.
Иклэ гинэ, шарня хээкржлэ дуулна.
Иклэ гинэ, шарла гинэ Инжрэ Жоока
Ижлин хурвн захсн гинэд, өмэрэн зүткэд йовнала.*

В известной песне «Сэвр дендн» встречается образ реки Зэ (Урал):

*Зэ гидг холчнь
Заһсна гижэ санлав.*

Впервые река Урал упоминается в русских летописях XII в. под названием Яик (тюрк. 'широко разливающаяся река').

Кроме названных рек, в калмыцких песенных текстах встречается и такой гидроним, как Сал хол.

В песне «Сал гидг холнь» река Сал именуется «ветреной» и «прохладной»:

*Сал гидг холнь
Салькта болн серүн.*

Описание реки Сал дается в сравнении с другой рекой:

*Сал гидг холнь,
Эй, сээхниг болн серүкн.
Эргнэ гидг холнь,
Эй, эргүтэ болн серүкн.*

В песнях красота реки Сал ассоциируется с добрыми родителями:

*Сала-ала гидг холнь
Сарул сээхн хол,
Сээхн седклтэ аав-эээжнь
Сард хурв сангдна.*

В песне «Байда» говорится о том, что герой приехал не для того, чтобы посмотреть на воды реки:

*Уста холычн
Үзхэр ирсн угав.*

Как в калмыцких, так и в западномонгольских песнях встречаются такие гидронимы, как *Уласт хол, Ил хол, Нэрн хол.*

Так, в песне «Маниг яһтха гисмб?» есть такие строки:

*Уласт гидг холыг,
Услур муута гисмб?
Нэрн гидг холыг
Намржң муута гисмб?*

В песне «Самбурын хурвн толһаднь» объясняются причины перекочевки с берегов реки Или на берега Волги:

*Уласт гидг холнь
Услвр муута бәәжл.
Ил гидг холаснь
Ицж нааран нүүләв.
Ицәд нааран нүүвчн,
Ижл мөрндән буулав.*

В тексте говорится о том, что воды реки Уласты плохо пригодны для питья.

Песня «Дожатн» содержит образную характеристику реки Уласта: хотя она и неширокая, но течение у нее хорошее.

*Уласт гидг холнь
Уутьхн болчкад урсхулта-ла.*

В песне «Нэрн холын бурһсн» река Нарин ассоциируется с молодым ивняком:

*Нэрн холын бурһснь
Нәәтг болн уйхн.*

Сему ‘молодости’ содержат прилагательные *нәәтг* и *уйхн*, выполняющие функцию эпитета к флорониму *бурһсн*.

Одной из любимых песен калмыков является «Актюбин холын усн». В тексте отмечается, что вода реки хороша для приготовления вкусного калмыцкого чая. Герой сетует на то, что не смог переправиться через Ахтубу и увидеть любимую:

*Актюбин холын усн, уан
Агта-яла цээднь зокамжта, зокамжта.
Актюбин холычн хатлж ядлав,
Амрг иньгтэн күрч ядлав.*

Таким образом, ключевым методом исследования водного ландшафта сквозь призму гидронимической и гидрографической лексики калмыцкого и западномонгольского песенного текста является моделирование поэтического образа реки, требующее выявления принципов номинации речных объектов, поиска культурных коннотаций, выраженных в поэтических гидронимах.

Литература

Бакаева Э. П. Речная тематика в верованиях и ритуалах калмыков: древние представления о пространстве и проблема прародины // Мат-лы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г. Часть II. Элиста, 2009. С. 297–301.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885 374 с.

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста / Отв. ред. Н. К. Рябцева; Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.

Грумм-Гржимайло Г. Описание путешествия в Западный Китай. М.: ОГИЗ, 1948.

Кичикова Н. А. Гидронимия Республики Калмыкия // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 48–52.

Омакаева Э. У. Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 4. С. 162–179.

Омакаева Э. У. Лексикографирование географических названий в топонимическом словаре Республики Калмыкия: к проблеме адекватной передачи калмыцких топонимов в русскоязычных текстах // Культура русской речи в условиях многоязычия: Мат-лы Междунар. научно-практ. конф-ции (Махачкала, 21–22 мая 2013 г.). Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013а. С. 166–168.

Убушиева Б. Э., Омакаева Э. У. К вопросу о роли и функциях поэтических топонимов (на материале калмыцких народных песен) // Вестник КИГИ РАН. 2013б. № 4. С. 53–55.

**О КАЛМЫЦКИХ ЗАГАДКАХ: К ПРОБЛЕМЕ
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ВАРИАТИВНОСТИ ЧИСЛОВЫХ ЗАГАДОК
В ФОЛЬКЛОРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ**

Феномен иносказательной речи в фольклоре содержит тексты, обладающие несколькими смыслами — загадки, задачи, притчи. Загадка — это небольшое поэтическое иносказательное описание предмета или явления реальной действительности, выраженное в форме скрытого вопроса, испытывающее сообразительность человека и раскрывающее особенности народного видения предметно-вещественного мира.

Загадки достаточно полно изучены в рамках традиционной фольклористики и лингвистики, но недостаточно исследованы на современном этапе развития когнитивного направления. Когнитивный подход дает возможность изучения загадок как актуализаторов специфики национального сознания, через которые можно проникнуть в образ мышления этноса, а также взглянуть на мир глазами носителей национальной культуры.

Загадки монгольских народов имеют ярко выраженное национальное своеобразие и сходство, обусловленное тесными историческими, генетическими, культурно-языковыми и хозяйственно-экономическими связями. Благодаря устойчивости фольклорной традиции монгольских народов в загадках сохранились общие элементы, дословные совпадения, прямые параллели и варианты. В калмыцком языке загадка называется «*тээлвртэ тууль*» —

«сказка с отгадкой», в бурятском языке – *«таабари»*, образовано от глагольной основы *таа* — «загадывать» и аффикса — *бари*, в халха-монгольском — *оньсго*, образованное от именной основы *оньс*, означающей «сложный, загадочный, замысловатый, искусный», на старописьменном монгольском языке загадка называлась *онисха*.

Собиранием и публикацией загадок монгольских народов занимались отечественные и зарубежные ученые, путешественники, миссионеры Н. Н. Страхов, Н. А. Нефедьев, Г. Балинт, Г. И. Рамстедт, В. Л. Котвич, И. Чистохин, А. Д. Руднев, А. М. Позднеев, Г. Н. Потанин, Ц.-Д. Номинханов, Н. Очиров, Ш. Л. Базаров, Н. Бадмаев и др.

Настоящая статья посвящена числовым загадкам — сверхфразовым паремиям, воспроизводимым двумя участниками диалога, суть которых заключается в умении выявить содержание чисел от одного до десяти, причем в ответе должна содержаться начальная рифма к названному числу. Нередки случаи, когда возможными ответами к одной и той же загадке могут служить различные денотаты. Но специфика загадки в том и заключается, что от отгадывающего требуется один единственный ответ, и именно тот, который предусмотрен загадывающим.

Подобные тексты А. Н. Журинский называет «вопросами о числах 1, 2,...10» и указывает на связь между такими абстрактными объектами, как числа, и важными для определенной культуры предметами. Сначала называется некое число, а потом вещь или ситуация, которая сильнее всего связана с этим числом [Журинский 2007: 18]. Г. Л. Пермяков относит такого рода тексты к загадкам, загадочным вопросам, счетным и логическим задачам, так называемым «деловым» клише, сочетающим вопросы и ответы в форме диалога [Пермяков 1988: 35]. В фольклоре монгольских народов терминологическое обозначение данных текстов различно, чаще всего встречаются определения *«тоолцүхүд оньс үг»* или *«тооһин тээлвртэ туульс»* — «числовые загадки» [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116; Котвич 1905: 56; Хабунова 2005: 156], наряду с этим общеупотребительным является

обозначение сути текста словом «*тоолдг*» — «читалки» [Тодаева 2007: 797].

В качестве основного материала в данной статье рассматриваются числовые загадки астраханских калмыков из собрания В. Л. Котвича и в записи А. Д. Руднева, опубликованные в сборнике «Калмыцкие загадки и пословицы» [Котвич 1905: 58–64], а также довольно обширный материал калмыцких паремий из сборника Б. Х. Тодаевой [Тодаева 2007: 797–802], включающий тексты из ранее опубликованных источников.

Для выявления основных черт семантической структуры и сравнительно-типологической вариативности числовых загадок привлекается сопоставительный материал, представленный рядом монгольских, бурятских и синьцзян-ойратским вариантами — переводные монгольские и бурятские тексты из собрания А. Н. Журина «Загадки народов Востока» [Журинский 2007: 95], синьцзян-ойратские образцы из собрания Б. Х. Тодаевой [Тодаева 2007: 797–802]. Особо подчеркнем, что в научный оборот впервые вводятся тексты монгольских числовых загадок, записанные А. В. Бурдуковым в 1910 г. в Западной Монголии. Мы располагаем материалом рукописных копий текстов загадок, сделанных Т. А. Бурдуковой, хранящихся в научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН [НА КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 116]. В комментариях Т. А. Бурдуковой указывается, что оригинальные записи текстов хранятся в Санкт-Петербурге [Лен. Отдел. Архива АН СССР. Ф. 761. Оп. 2. Д. 24], там же отмечается, что А. В. Бурдуков «записал текст числовых загадок, дал перевод и пояснения к ним, где привел существовавшее тогда среди населения их растолкование, а также дал и свое их понимание» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 116]. Записи копий сделаны в тонкой зеленой тетради и имеют заглавие «О числовых загадках у монголов (черновики)». Сами тексты образцов загадок даются нами без изменений, в авторской транскрипции А. В. Бурдукова.

Следует отметить, что А. В. Бурдукова неизменно влекли темы, связанные с глубинами народного сознания, его нравственно-этическими основами. Так, им был собран и подготовлен к из-

данию обширный материал текстов пословиц, поговорок и загадок монгольских народов, состоящий из опубликованных источников и собственных записей [НА КИГИ РАН. Ф. 21. П экз. Оп. 1. Д. 3]. Привлекали внимание А. В. Бурдукова, как отмечает в своих комментариях Т. А. Бурдукова, и такие оригинальные произведения устного творчества, как состязания в красноречии и мудрости или философские раздумья, выраженные в форме беседы человека с каким-нибудь предметом живой природы. Такого рода произведения монголы называли термином «үг» – «слово», согласно их представлениям, они выражали веру в перерождение людских душ, воплощавшихся вновь на земле, после физической смерти, в зависимости от меры совершенного человеком добра или зла, в виде животного, растения, снега, и разговаривавших с людьми. Данный феномен уподоблялся вере в духов природы — гор, рек и лесов, которые когда-то были сами людьми и совершали подвиги, воспетые затем потомками в героических сказаниях. По объяснениям байтов, которых записал А. В. Бурдуков, слушавший известного сказителя Парчена вместе с ними, «присутствовать при исполнении эпических сказаний не только интересно, но и полезно, потому что духи вместе с людьми с не меньшим, чем они, удовольствием слушают и делаются от этого к людям добрее. Будучи владыками природы, они сокращают зиму, летом даруют обилие кормов и вообще способствуют счастливой жизни людей» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 67].

Не менее интересным для собирателя был и такой, весьма распространенный вид устного творчества монгольских народов, как диспут двух подростков, состязавшихся в красноречии и находчивости. Данный жанр А. В. Бурдуков в своих записях определяет как «ц+ц (цецн. — Ц. С.) булаалдах» и трактует выражением «состязаться в мудрости», в верхнем правом углу рукописи дает дополнительное обозначение — «дидактика». Видимо, название «Числовые загадки» было условным, скорее, это состязание в сообразительности и находчивости. По всей вероятности, данная игра под названием «Разговор двух подростков, пасущих овец, состязующихся в мудрости», была распространена именно в воз-

растной среде подростков. Суть в том, что два подростка, пасущие овец, играют в отгадки: один задает вопрос, второй отвечает, причем ответ должен быть остроумным. Один из играющих спрашивает, например: «В чем суть единицы?» — и так до десяти. Второй, например, отвечает: «Увиденное однажды не забуду», — или дает ответ на 7-й вопрос: «Если над головой взойдет Большая Медведица, то почему же не рассветает?», — на 8-й вопрос отвечает: «Если дождик пройдет, то почему же не расцветут цветы и не распусться листья?» [НА КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 116].

Исследование паремий в контекстах их живого бытования необходимо для выявления реальных структурно-семиотических признаков жанровых образований. Так, вышеуказанный монгольский вариант в записи А. В. Бурдукова имеет определенную ситуационно-смысловую и функциональную обусловленность, когда числовые загадки встроены в формат игры и являются ее содержательной составляющей. Отличительной чертой данных числовых загадок является также наличие вступительной части, предваряющей основной текст и отсутствующей у всех остальных вариантов.

Предваряя сравнительно-типологическое рассмотрение отобранных вариантов числовых загадок монголоязычной фольклорной традиции, следует отметить, что вариативность является объективным и неизбежным следствием развития языка, которая разнообразит, оживляет новую форму [Макаев 1962: 47]. Все рассматриваемые варианты образцов числовых загадок монгольских народов наглядно представлены в следующей таблице, где тексты сгруппированы по национальному признаку: сначала даются монгольские, бурятские, затем калмыцкие и синьцзян-ойратские.

Таблица вариантов числовых загадок

Монгольский вариант – запись А.В. Бурдукова	Монгольский вариант – сборник А. Н. Журина	Бурятский вариант – сборник А. Н. Журина
1	2	3
<p><i>Вступительная часть.</i> Хоер хүүдийн хонь харлулж цэцэй булаалдаж хэлэлцсэн үг гэлэ. Нэг хүүжэд нэгэсээ асужээ: — Чи мэргэн үү? — Би мэргэн! Чиний асуулгад бөөгдхх уга. — Жа, тэсвэл би чамас арав хүртэл тоогын учир утга булааж авья. — Жа, тэг! <i>Состязание в красноречии и мудрости происходило будто бы в степи, где два подростка пасли овец. Вот один подросток и спрашивает другого:</i> — Скажи, парень, а ты смекалистый? — Соображаю, — говорит второй. — Тогда давай-ка растолкуй смысл чисел от единицы до десяти. — Давай разьясню. [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p>—</p>	<p>—</p>
<p>— Нэг юу би? — Нэг үзэнийг юунд алдхв. — <i>Что значит единица?</i> — <i>Что увижу единожды, вовек не забуду.</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай первое!</i> — <i>Можно ли забыть то, что видел однажды?</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое один?</i> — <i>Однажды увиденное, почему бы забыть?</i> В.1. <i>Если увидел человека раз, почему бы его в другой раз не узнать?</i> [Журинский 2007: 95]</p>

Калмыцкий вариант – сборник В.Л. Котвича	Калмыцкий вариант – запись А. Д. Руднева	Калмыцкий вариант — сборник Б.Х. Тодаевой	Синьцзян-ойратский вариант – сборник Б.Х. Тодаевой
4	5	6	7
—	—	—	—
<p>Негн. <i>Один</i>. Нег үзгдсн юмн темдгтә. <i>Предмет, один раз виданный, известен.</i> [Котвич 1972: 56]</p>	<p>Негн. <i>Один</i>. Нег үзсн күүһән мартхий? <i>Можно ли забыть человека, виденного один раз?</i> [Котвич 1972: 57; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Негн юн ви? <i>Что есть (такое) один?</i> Нег үзсән алдхш. <i>Что увидел один раз – не спутаешь ни с чем, Не ошибешься.</i> [Тодаева 2007: 797] В.1. Негн юн ви? <i>Что есть (такое) один?</i> Нег үзгдсн юмн темдгтә. <i>Предмет, увиденный один раз, становится известным, приметным.</i> [Тодаева 2007: 797] В.2. Негн юн ви? <i>Что есть (такое) один?</i> Нег үзсн күүһән мартхий? <i>Можно ли забыть человека, которого видел один раз?</i> [Тодаева 2007: 798]</p>	—

1	2	3
<p>— Хоер юу би? — Хоер гараар барьсной юунд тавьхв. — Двойка? — <i>Что держу двумя руками, не упуцу.</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай второе! — Можно ли выронить то, что держишь обеими руками?</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое два?</i> — <i>На что не может смотреть человек с двумя глазами?</i> В.1. <i>Если держишь что-то обеими руками, то, конечно, не выпустишь.</i> [Журинский 2007: 95]</p>
<p>— Гурав юу би? — Гурав хаатай чөдөрөөр морь чөдөрлөвөл юунд алдхав. — <i>Тройка?</i> — <i>Если стреножу коня треногой, то чего ради его отпуцу.</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай третье!</i> — <i>Если лошадь стреножена путами, сделанными из трех скрученных веревок, сможет ли она перепрыгнуть через три холма?</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое три?</i> — <i>Как сможет лошадь, стреноженная треногой с тремя застезками перевалить через три хребта?</i> В.1. — <i>Как сможет стреноженный конь, перевалить через три хребта?</i> [Журинский 2007: 95]</p>
<p>— Дөрөв юу би? — Дөнөн үхрээр тара таривал жимийн күнэс юунд эс болхов. — <i>Четверка?</i> — <i>Если вспашу пашню на 4-х летнем быке и посею хлеб, то почему бы ни собрать его для пропитания на год.</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай четвертое!</i> — <i>Если мы пашем на черном быке, нос которого проткнут кольцом, то нам хватит еды на четыре года.</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое четыре?</i> — <i>Как может быть далеким расстояние для коня, имеющего четыре ноги?</i> В.1. <i>Если поставлено четыре столба, почему бы юрту ни достроить?</i> [Журинский 2007: 95]</p>

4	5	6	7
<p>Хойр. <i>Два.</i> Хойр харган атхсн юман тэвш уга. <i>Предмет,</i> <i>который</i> <i>держат двумя</i> <i>руками, не</i> <i>упустят.</i> [Котвич 1972: 56]</p>	<p>Хойр. <i>Два.</i> Хойр харган атхсн юман тэвхий? <i>Можно ли</i> <i>упустить</i> <i>вещь, которую</i> <i>держат двумя</i> <i>руками?</i> [Котвич 1972: 57; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Хойр юн ви? <i>Что есть (такое) два?</i> Хойр харган атхсн юман тэвш уга. <i>Предмет, который держат двумя</i> <i>руками не упустят.</i> [Тодаева 2007: 798] В.1. Хойр юн ви? <i>Что есть (такое) два?</i> Хойр харган атхсн юман тэвхий? <i>Можно ли упустить вещь,</i> <i>которую держат двумя руками?</i> [Тодаева 2007: 798]</p>	<p>Хойр юн ви? <i>Что</i> <i>есть (такое) два?</i> Хойр харган алдхш. <i>Что в двух руках,</i> <i>не опустит, не</i> <i>упустит.</i> [Тодаева 2007: 798]</p>
<p>Һурвн. <i>Три.</i> Һурвн көльн чөдрлэгэ мөрн юмнд одх уга. <i>Стреноженная</i> <i>(по трем ногам)</i> <i>лошадь никуда</i> <i>не уйдет.</i> [Котвич 1972: 56]</p>	<p>Һурвн. <i>Три.</i> Һурвн көльн чөдрлэгэ мөрн юмнд одх уга. <i>Куда зайти</i> <i>стреноженной</i> <i>лошади.</i> [Котвич 1972: 57; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Һурвн юн ви? <i>Что есть (такое) три?</i> Һурвн көльн чөдрлэгэ мөрн юмнд одх уга. <i>Стреноженная (по трем ногам) лошадь никуда</i> <i>не уйдет.</i> [Тодаева 2007: 798] В.1. Һурвн юн ви? <i>Что есть (такое) три?</i> Һурвн альхта чөдрэр мөр чөдрлхлэ Хамаран цаад одх? <i>Если стреножить коня треногой</i> <i>В три ладони шириной, то куда далее уйдет?</i> [Тодаева 2007: 798] В.2. Һурвн юн ви? <i>Что есть (такое) три?</i> Һурмсн чөдрэрн чөдрлүлн Һурвн далгин цаад одхви? <i>Стреноженная треногой лошадь разве может</i> <i>уйти далее трех увалов?</i> [Тодаева 2007: 798]</p>	<p>—</p>
<p>Дөрвн. <i>Четыре.</i> Дөнтэ хар царан алж идсн күн Үвлин идштэ. <i>Человек,</i> <i>убивший</i> <i>четырёхлет-</i> <i>него</i> <i>Черного</i> <i>быка, име-</i> <i>ет на зиму</i> <i>пищу.</i> [Котвич 1972: 56]</p>	<p>Дөрвн. <i>Четыре.</i> Дөнтэ хар царан алж авсн күн. Күүнэс мах хээл уга бээх. <i>Человек, ко-</i> <i>торый убил</i> <i>четырёхлет-</i> <i>него</i> <i>Черного быка,</i> <i>не станет</i> <i>искать мяса у</i> <i>другого.</i> [Кот- вич 1972: 58; зап. А. Д. Руд- нев]</p>	<p>Дөрвн юн ви? <i>Что есть (такое) четыре?</i> Дөрвн үкрэр тара тэрхлэ, жилин күнсэн олна. <i>Если пахать на четырех быках,</i> <i>Можно найти пропитание на целый год.</i> [Тодаева 2007: 799] В.1. Дөрвн юн ви? <i>Что есть (такое) четыре?</i> Дөнтэ хар царан алж авсн күн. Күүнэс мах хээл уга бээх. <i>Человек, который заколол четырехлетнего</i> <i>Черного быка, не станет искать мяса у другого.</i> [Тодаева 2007: 799] В.2. Дөрвн юн ви? <i>Что есть (такое) четыре?</i> Дөнтэ хар царан алж идсн күн Үвлин идштэ. <i>Человек, забивший четырехлетнего</i> <i>Черного быка, имеет на зиму пищу.</i> [Тодаева 2007: 799]</p>	<p>Дөрвн юн ви? <i>Что</i> <i>есть (такое)</i> <i>четыре?</i> Дөрвн бу- харн тэрвл Дөрвн жилин күмсн эс манай? <i>Если па-</i> <i>хать—сеять</i> <i>на четырех</i> <i>быках,</i> <i>Не запасем</i> <i>ли пропита-</i> <i>ние на че-</i> <i>тыре года?</i> [Тодаева 2007: 799]</p>

1	2	3
<p>—Тав юу би? — Тас бүргэд алаад тайж нанндан барьхалая. Төлтэй юунд эс болхв. — <i>Пятерка?</i> — <i>Если убью орла и преподнесу его перья своему властителю князю, то почему же не удостоюсь его покровительства?</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай пятое! — Если мы выпустим наших пятерых ястребов, все дикие звери равнины будут в нашей власти.</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое пять?</i> — <i>Чего бояться человеку, имеющему пятерых сыновей?</i> В.1. <i>Если в тайгу вышел с ружьем, почему бы и пятерню не испачкать в крови?</i> [Журинский 2007: 95]</p>
<p>— Зургаа юу би? —Зургаа намыг сурхала эрдэмүтэй юунд эс болхов. — <i>Шестерка?</i> — <i>Если изучу астрологию, то почему бы и не быть ученым!</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай шестое!</i> — <i>Если мы посмотрим в наши гадательные таблички, мы узнаем все.</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое шесть?</i> — <i>Как не быть лету, если не видно шести звезд?</i>¹ В.1. <i>Если дожить до 66 лет, то ничего не увидать невозможно.</i> [Журинский 2007: 95]</p>

¹ Название Плеяд, которые не видны летом, 1^я Большая Медведица.

4	5	6	7
<p>Тавн. <i>Пять</i>. Тавта кеерэн унсн күн Аль сан- сндан күрх. <i>Человек, отправив- шийся вер- хом на пятилет- нем гнедк,е доедет куда желает.</i> [Котвич 1972: 56]</p>	<p>Тавн. <i>Пять</i>. Тав тавта туулн сэн мөрэн унсн күн Сансн hazртан күрх. <i>Человек, отправившийся на хорошей выдержан- ной пятилетней лошади, достигнет места, о ко- тором мечтал (думал).</i> [Котвич 1972: 58; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Тавн юн ви? <i>Что есть (такое) пять?</i> Тавн йисн дүүрхлэ, Тавгта махн көрхш <i>Когда заканчивается пятая девятка зимы, Мясо в корытце уже не замерзает.</i> [Тодаева 2007: 799] В.1. Тавн юн ви? <i>Что есть (такое) пять?</i> Тээһн нохаһан тэвхлэ, Талын гөрөсн мана биз? <i>Если спустить охотничью собаку, Не станут ли нашей добычей степные звери?</i> [Тодаева 2007: 799] В.2. Тавн юн ви? <i>Что есть (такое) пять?</i> Тавта кеерэн унсн күн Аль сансндан күрх. <i>Человек, отправившийся верхом на пятилетнем гнедке, доедет куда желает.</i> [Тодаева 2007: 800] В.3. Тавн юн ви? <i>Что есть (такое) пять?</i> Тавта туулн сэн мөрэн унсн күн Сансн hazртан күрх. <i>Человек, отправившийся на хорошей выдержанной пятилетней лошади, достигнет места, о котором мечтал (думал).</i> [Тодаева 2007: 800]</p>	<p>—</p>
<p>Зурһан. <i>Шесть</i>. Зусмл гүүһан саасн күн Ээрг кимрэн буслһх. <i>Человек, который доит заезженную кобылу, вынужден кипятить кумыс и воду с молоком.</i> [Котвич 1972: 56]</p>	<p>Зурһан. <i>Шесть</i>. Зурһан гүүг саасн күн Зуни цагт эрк нерж ууна. <i>Человек, у которого доится шесть кобыл, Летом гонит араку и пьет.</i> [Котвич 1972: 58; зап. А. Д. Руднев] В.1. Зурһан. <i>Шесть</i>. Зурһан Зу болгсн Зункван ора деерэн залгсн күн зовлңг уга бээх. Человек, положивший себе на темя (изображение) Зунхавы, ставшего шестым Зу, не будет знать страданий. [Котвич 1972: 59; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Зурһан юн ви? <i>Что есть (такое) шесть?</i> Зусмл гүүһан саасн күн Ээрг кимрэн буслһх. <i>Человек, который доит заезженную кобылу, вынужден кипятить кумыс и воду с молоком.</i> [Тодаева 2007: 800] В.1. Зурһан юн ви? <i>Что есть (такое) шесть?</i> Зурһан гүүг саасн күн Зуни цагт эрк нерж ууна. <i>Человек, у которого доится шесть кобыл, Летом гонит араку и пьет.</i> [Тодаева 2007: 800]</p>	<p>—</p>

1	2	3
<p>—Долоо юу би? —Онторгон долоо бурхан орой дээр ирхэлэ өөр юунд эс цайхав. — Семерка? — Когда над головой взойдет Большая Медведица, то непременно рассветет (почему бы и не рассветать). [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай седьмое!</i> — Когда Большая Медведица стоит над головой, погода бывает ясной. [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое семь?</i> — Как не быть рассвету, когда семь небесных стариков¹ перейдут на зенит? [Журинский 2007: 95]</p>
<p>—Найм юу би? —Нарни хуур арвал навч цэцэг юунд эс дэлгэрхв. — Восьмерка? — Если прольется дождь, то почему бы не распуститься листьям и зацвести цветам? [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай восьмое!</i> — Когда приходит восьмая луна², раскрываются листья и цветы. [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое восемь?</i> — Как не засохнуть листьям и траве, когда придет восьмой месяц года? В.1. Зачем голодать человеку, если зелень кругом? [Журинский 2007: 95]</p>

¹ Небесные области, также боги.

² Пятый месяц китайского лунного календаря.

4	5	6		7
<p>Долан. Семь. Долан бурхн ора деер хархла, оln жил хаһцх. Когда Большая Медведица («семь будд») покажется над головой («теменем»), годы разделяются. [Котвич 1972: 57]</p>	<p>Долан. Семь. Долан бурхн ора деер ирхлэ, оln жил хаһцна. Когда над головой взойдет Большая Медведица, годы разлучаются. [Котвич 1972: 58; зап. А. Д. Руднев] В.2. Долан. Семь. Долан темэһэн ачсн күн күүнэ нутгт үлдхн уга. Человек, навьючивший семь своих верблюдов, не останется в чужом кочевье. [Котвич 1972: 59; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Долан юн ви? <i>Что есть (такое) семь?</i> Долан одн оралдж доһлэ эмгн кецэлдхлэ, Өр цээхин темдг. <i>Когда семь звезд сойдутся вместе, когда созвездие хромой старухи начнет снижаться – это признак того, что начинается рассветать.</i> [Тодаева 2007: 800] В.2. Долан юн ви? <i>Что есть (такое) семь?</i> Долан бурхд ора деер хархла, Өр цээснь терв? <i>Когда Большая Медведица покажется Над головой, не настало ли время рассвета?</i> [Тодаева 2007: 801] В.3. Долан юн ви? <i>Что есть (такое) семь?</i> Долан бурхн ора деер хархла, оln жил хаһцх. <i>Когда Большая Медведица покажется над головой, годы разделяются.</i> [Тодаева 2007: 801]</p>		<p>—</p>
<p>Нээмн. Восемь. Нээмн күүкдтэ өлгчн кичгэн тежэнэ. Сука, имеющая восемь детенышей, кормит своих щенков. [Котвич 1972: 57]</p>	<p>Нээмн. Восемь. Нээмн гүүһэн саасн күн Чигэһэри делгрнү бээх. Человек, доящий восемь кобыл, Имеет вдоволь кумыса. [Котвич 1972: 58; зап. А. Д. Руднев] В.1. Нээмн. Восемь. Нээмн термтэ гер бэрсн күн Хотна өмн бүүрд буудг. Человек, построивший юрту с восемью решетками, Расположится впереди хотона. [Котвич 1972: 59; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Нээмн юн ви? <i>Что есть (такое) восемь?</i> Нэри боран орвл, Навч цецг делгрдг. <i>Если идет мелкий дождь, То распускаются листья и цветы.</i> [Тодаева 2007: 801] В.1. Нээмн юн ви? <i>Что есть (такое) восемь?</i> Нээмн гүүһэн саасн күн Чигэһэри делгрнү бээх. Человек, доящий восемь кобыл, Имеет вдоволь кумыса. [Тодаева 2007: 801]</p>	<p>Нээмн юн ви? <i>Что есть (такое) восемь?</i> Нээмн сар болвл, Навч цецг делгрснь терви? <i>Это когда настает восьмой месяц и распускаются листья и цветы?</i> [Тодаева 2007: 801]</p>	

1	2	3
<p>— Ес юу би? —Есө тэнгэр сайн шүтвэл байн юунд эс болхов. — <i>Десятка.</i> — <i>Если усердно потирать девять тенгриев, то почему бы и не стать богатым.</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай девятое!</i> — <i>Я — отец всего в этом мире.</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое девять?</i> — <i>Как не разбогатеет, если принесешь жертву девяности девяти тенгринам.</i> В.1. <i>Если помолился девяности владыкам?</i> [Журинский 2007: 95]</p>
<p>— Арван юу би? — Арван салаатай буга алххла ах-дүүгийн ганзац юунд эс улалчах. — <i>Десятка?</i> — <i>Если убью марала с 10-ю рогами, то почему бы ни дать в торока своим родным братьям по куску мяса?</i> [Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай десятое!</i> — <i>Если тебе нечего делать, подними и растопырь свои десять пальцев.</i> [Журинский 2007: 95]</p>	<p><i>Что такое десять?</i> — <i>Как не освятить (?) тороков отцовского седла, когда убьешь изюбря с десятью ветвистыми рогами?</i> В.1. <i>Зачем же бояться людей, если у тебя десять старших и четверо (?) младших братьев?</i> [Журинский 2007: 95]</p>

4	5	6	7
<p>Йисн. <i>Десять.</i> Йисн көвүтэ күн хотна ах. <i>Человек,</i> <i>имеющий</i> <i>девять</i> <i>сыновей,</i> <i>хотонный</i> <i>(сельский)</i> <i>староста.</i> [Котвич 1972: 57]</p>	<p>Йисн. <i>Десять.</i> Йисн көвүтэ күн аль сансарн бээх. <i>Человек, имеющий</i> <i>девять сыновей</i> <i>живет, как пожелает.</i> [Котвич 1972: 58; зап. А. Д. Руднев] В.1. Йисн. <i>Десять.</i> Йисн Көвү һарһсн баавһа Ик герин деед биид сууна. <i>Женщина, родившая</i> <i>девять сыновей,</i> <i>Сидит на почетном</i> <i>месте в большой юрте.</i> [Котвич 1972: 59; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Йисн юн ви? <i>Что есть (такое)</i> <i>девять?</i> Йисн көвүтэ күн аль сансарн бээх. <i>Человек, имеющий девять</i> <i>сыновей</i> <i>живет, как пожелает.</i> [Тодаева 2007: 802] В.1. Йисн юн ви? <i>Что есть</i> <i>(такое) девять?</i> Йисн көвүтэ күн хотна ах. <i>Человек, имеющий девять</i> <i>сыновей, хотонный (сельский)</i> <i>староста.</i> [Тодаева 2007: 802]</p>	<p>Йисн юн ви? <i>Что есть</i> <i>(такое) девять?</i> Йисн йисн найн негн белгэн бэрвл, Йосни деед. <i>Если</i> <i>преподнести</i> <i>девятью девять</i> <i>восемьдесят</i> <i>один подарок,</i> <i>то это верх</i> <i>приличия.</i> [Тодаева 2007: 801]</p>
<p>Арвн. <i>Десять.</i> Арвн цөгц эрк уусн күүнэ аминь ноха долах. <i>Рот</i> <i>человека,</i> <i>выпившего</i> <i>десять</i> <i>чашек вина,</i> <i>лизет</i> <i>собака.</i> [Котвич 1972: 57]</p>	<p>Арвн. <i>Десять.</i> Арвн цөгц эрк уусн күүнэ аминь ноха долав чигн медхн уга. <i>Хотя бы собака и лизала</i> <i>рот человека, который</i> <i>выпил десять чашек</i> <i>водки, он этого не</i> <i>заметит.</i> [Котвич 1972: 58; зап. А. Д. Руднев] В.1. Арвн. <i>Десять.</i> Арвн бурхна зэрлгт шүтхлэ, Ээс тамас гетлх. <i>Если будут полагаться</i> <i>на слова десяти будд,</i> <i>То избегнут страшного</i> <i>ада.</i> [Котвич 1972: 59; зап. А. Д. Руднев]</p>	<p>Арвн юн ви? <i>Что есть (такое)</i> <i>десять?</i> Арвн наста арзагсн му көвүлнэ күндхшв. <i>Не стану разговаривать с</i> <i>грубым малым десяти лет.</i> [Тодаева 2007: 802] В.1. Арвн юн ви? <i>Что есть</i> <i>(такое) десять?</i> Арвн цөгц эрк уусн күүнэ аминь ноха долах. <i>Рот человека, выпившего</i> <i>десять чашек вина, лизет</i> <i>собака.</i> [Тодаева 2007: 802] В.2. Арвн юн ви? <i>Что есть</i> <i>(такое) десять?</i> Арвн цөгц эрк уусн күн Аминь ноха долав чигн медхн уга. <i>Хоть собака облизала бы рот</i> <i>человека, выпившего десять</i> <i>чашек водки, он этого не</i> <i>заметит.</i> [Тодаева 2007: 802]</p>	<p>Арвн юн ви? <i>Что есть</i> <i>(такое) десять</i> Арһан бархдан арвн хурһан арзалгхв би? <i>В момент</i> <i>отчаяния разве</i> <i>не растопыришь</i> <i>десять пальцев?</i> [Тодаева 2007: 802]</p>

1	2	3
<p>— Арван нэг юу би?</p> <p>— Адгийн му атхар хар чамтай хэлэлцэн чөлөө уга. Цаа чинь хонь нийлж байна гээд гүүгээдэ явж салав.</p> <p>— <i>Одиннадцать?</i></p> <p>— <i>То, что нет у меня времени разговаривать с таким бестолковым коротышкой как ты. Вон видишь, твои бараны спутались с чужими – сказал он и подростки разбежались.</i></p> <p>[Бурдуков 1910: НА КИГИ РАН Ф. № 21 Оп. 1. Д. 116]</p>	<p><i>Отгадай одиннадцатое!</i></p> <p>— <i>Ты — ребенок, не знающий, как тебе поступить.</i></p> <p>[Журинский 2007: 95]</p>	<p>—</p>
	<p><i>Отгадай двенадцатое!</i></p> <p>— <i>Когда кончается двенадцатый месяц, мы вступаем в Новый год.</i></p> <p>[Журинский 2007: 95]</p>	<p>—</p>

4	5	6	7
—	—	—	—
—	—	—	—

При рассмотрении композиционной структуры числовых загадок спецификой жанра предусматривается учет ее компонентного состава. Так, наибольшее количество компонентов — двенадцать чисел — включает монгольский вариант из собрания А. Н. Журина, одиннадцать — монгольский вариант в записи А. В. Бурдукова. Большая же часть вариантов, представленная бурятскими из собрания А. Н. Журина, калмыцкими в публикациях В. Л. Котвича, Б. Х. Тодаевой и в записи А. Д. Руднева, содержит трактовку первого десятка чисел. В синьцзян-ойратском варианте в краткой форме дается трактовка пяти чисел — два, четыре, восемь, девять, десять.

Структурно-семантический состав содержательной части текста числовых загадок определяется логической структурой вопросительной части и варианта конкретного ответа. Вопросительная часть в представленных вариантах может иметь полную форму, например: — *Найм юу би?* — Восьмерка? (монг., А. В. Бурдуков); — *Нээмн юн ви?* — Что есть (такое) восемь? (калм., синьцз.-ойрат. Б. Х. Тодаева); — Что такое восемь? (бур., А. Н. Журина); — Отгадай восьмое? (монг., А. Н. Журина). Очевидно типологическое сходство вопросительной части числовых загадок калмыцких, синьцзян-ойратских оригинальных текстов, монгольского в записи А. В. Бурдукова и бурятских в переводе А. Н. Журина. Отметим не совсем верный и неполный перевод А. В. Бурдукова в монгольском варианте (— Восьмерка?) и отсутствие оригинального текста вопросительной части монгольского варианта из собрания А. Н. Журина (перевод — Отгадай восьмое?). Небольшая часть вариантов — калмыцкие тексты в записи А. Д. Руднева и из собрания В. Л. Котвича — в вопросительной своей части имеют краткую форму из одного слова, обозначающего определенное числительное, например: *Нээмн*. Восемь.

Рассматривая проблемы сравнительно-типологической вариативности структурно-семантических компонентов паремий в отдельно взятой традиции, следует учесть и такой важный признак, как замкнутость формы клише. Это положение было сформулировано Г. Л. Пермяковым [Пермяков 1970], однако он позднее от-

мечал, что наличие искажений традиционных вариантов лишний раз подчеркивает устойчивость паремий, так как видоизменение возможно только тогда, когда есть понимание текстовой нормы [Пермяков 2001]. Современные исследования различных модификаций и трансформаций паремий позволяют сформулировать корректирующий тезис об относительной замкнутости форм паремиологических клише. В рассматриваемых нами вариантах отгадок из фольклора монгольских народов на содержательном и семантическом уровне сохранена относительно устойчивая форма, также для них характерна смысловая стабильность текста.

Например, в отгадке числа «два» представлены следующие варианты:

Хоер гараар барьсной юунд тавьхв.

Что держу двумя руками, не упущу. (монг., А. В. Бурдуков)

Можно ли выронить то, что держишь обеими руками?

(монг., А. Н. Журинский)

Если держишь что-то обеими руками, то, конечно, не выпустишь.

(бур., А. Н. Журинский)

Хоёр хартан атхсн юман тэвш уга.

Предмет, который держат двумя руками, не упустят.

(калм., В. Л. Котвич, Б. Х. Тодаева)

Хоёр хартан атхсн юман тэвхий?

Можно ли упустить вещь, которую держат двумя руками?

(калм., А. Д. Руднев, Б. Х. Тодаева)

Хоёр харткан алдхи.

Что в двух руках, не отпустит, не упустит.

(синьцз.-ойрат., Б. Х. Тодаева)

Очевидно, что варианты числовых отгадок в монголоязычной традиции, претерпевая изменения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, сохраняют ассоциативно-смысловую связь с исходной узуальной формой: например, «два» — «что-то, удерживаемое двумя руками человека, которое нельзя упустить».

Еще одной важной типологической особенностью семантической вариативности являются корреляции смысловых единиц разных уровней абстракции.

Например, в отгадке числа «один» представлены следующие варианты:

Нэг үзсэнийг юунд алдхв.

Что увижу единожды, вовек не забуду.

(монг., А. В. Бурдуков)

Можно ли забыть то, что видел однажды?

(монг., А. Н. Журинский)

Однажды увиденное, почему бы забыть?

(бур., А. Н. Журинский)

Нег үзснэн алдхи.

Что увидел один раз — не спутаешь ни с чем, не ошибешься.

(калм., Б. Х. Тодаева)

Нег үзгдсн юмн темдгтэ.

Предмет, увиденный один раз, становится известным, приметным.

(калм., В. Л. Котвич, Б. Х. Тодаева)

Если увидел человека раз, почему бы его в другой раз не узнать?

(бур., А. Н. Журинский)

Нег үзсн күүһэн мартхий?

Можно ли забыть человека, виденного один раз?

(калм., А. Д. Руднев, Б. Х. Тодаева)

Из вышеприведенных примеров выстраивается следующая цепочка смысловых ассоциаций числа «один» — от конкретного к абстрактному уровням: *человек, увиденный один раз и узнаваемый впоследствии — предмет, увиденный один раз и узнаваемый впоследствии — что-то, увиденное один раз, запомнившееся и распознаваемое впоследствии — что-то, однажды увиденное и забываемое*. Но смысловая основа в приведенных вариантах числовых загадок остается общей и неизменной — «что-то, увиденное однажды (предмет, человек и т.д.), запомнившееся и узнаваемое впоследствии».

Как правило, загадываемый предмет предстает в плане сравнения с другими предметами, явлениями, состояниями по основным и второстепенным признакам, что обуславливает вариативный разброс отгадок. Например, в отгадке числа «восемь» представлены следующие примеры ассоциативной вариативности у монгольских народов:

Нээмн күүхдтэ өлгчн кичгэн тежэна.

Сука, имеющая восемь детенышей, кормит своих щенков.

(калм., В. Л. Котвич)

Нээмн гүүһэн саасн кун

Чигэһэрн делгрңгү бээх.

Человек, доящий восемь кобыл,

Имеет вдоволь кумыса.

(калм., В. Л. Котвич, Б. Х. Тодаева)

Нээмн термтэ гер барсн кун

Хотна өмн бүүрд буудг.

Человек, построивший юрту с восьмью решетчатыми стенами,

Расположится впереди хотона.

(калм., А. Д. Руднев)

Нээмн сар болвл,

Навч цецг делгрснь терви?

Это когда настает восьмой месяц

и распускаются листья и цветы?

(синьцз.-ойрат., Б. Х. Тодаева)

Простейшие числовые отгадки состоят в подыскании слова с начальной рифмой, в сложных же, помимо рифмы, обязательно присутствует глубокое и разнообразное содержание, зависящее от степени одаренности и находчивости отгадчика. Из приведенного примера очевидно, что ответами к одной загадке могут служить различные денотаты: *имеющая восемь детенышей сука; человек, доящий восемь кобыл; человек, построивший юрту с восьмью решетчатыми стенами; наступление восьмого месяца* и т.д.

Сравнительно-типологическое изучение числовых загадок позволяет сделать вывод, что каждый вариант в каждом отдельном воспроизведении актуализирует наиболее устоявшуюся его форму. Анализ композиционной структуры числовых загадок монгольских народов выявил различия компонентного состава от неполных пяти в синьцзян-ойратском варианте до одиннадцати-двенадцати в монгольском и десяти компонентов в бурятских и во всех калмыцких вариантах. В ходе исследования к разряду типовых была отнесена вопросительная часть текста числовых загадок, которая имеет сходную развернутую форму в монгольских, бурятских, синьцзян-ойратском, некоторых калмыцких вариантах, и краткую — в одном из калмыцких вариантов.

Рассматриваемые нами варианты отгадок на содержательном и семантическом уровне сохраняют в фольклоре монгольских народов устойчивую форму и характеризуются стабильностью текста, подверженной смысловой корреляции на разных уровнях абстракции. Вариативные различия обусловлены смысловыми ассоциациями по основным и второстепенным признакам загадываемого числа.

Условные сокращения

бур. — бурятский; калм. — калмыцкий; монг. — монгольский; синьц.-ойрат. — синьцзян-ойратский.

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН)

Ленинградское Отделение Архива АН СССР.

Литература

Журинский А. Н. Загадки народов Востока: Систематизированное собрание / А. Н. Журинский: Сост. А. В. Козьмин. М. ОГИ, 2007. 536 с.

Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Изд-во фак-та Восточных языков СПб. ун-та, 1905. 111 с.

Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1972. 96 с.

Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц / Э. А. Макаев // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 47-53.

Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. 239 с.

Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 237 с.

Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Лабиринт, 2001. 624 с.

Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост., пер. Б.Х. Тодаевой. Элиста, ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Хабунова Е. Э. Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков. Элиста, АОр «НПП “Джангар”», 2005. 206 с.

ӨӨРДИН ДОМГ ШИНЖЛЛТИН ТОЙМ БЭЭДЛ

Эрт цагас авн моңһл туурһтн улс эврэ келн улсин өвэрц хадһлсн заң-үүлтэ, шажна сүзгтэ, байн сээхн амн үгин сойлын зөөртэ бээсмн. Түүнэ заагт өөрд улсин амн үгин зөөр ниит моңһлын амн урн үгин зөөрин негнь кесг болсн деерэн бас эврэ өөрдин өвэрц шинжэРН йилһрн ут удан цагин эргцд делгрж ирсн болдг. Тиим өвэрц шинжтэ үүдэврмүдиг авч үзхлэ, йөрэлмүд, магтал, дуд, үлгүрмүд, келнэ ээдрэ һарһдг үгмүд, харал, йиртмжнн хурвнтс, домгуд, домг үлгүрмүд, сидтэ үлгүрмүд, баатрин тууль, амн үгин туужс болн нань чигн ардын амн урн үгин үүдэврмүдт эн өвэрц шинж тодрха шиңгрэд эн цагт мана сойлын өв болсн бээдг.

Өөрд улсин заң-үүл шиңгэсн ардын амн үүдэврмүд, өөрд нутгт нутглсн оһн эмтнэ жирһл бээдл, санан седкл, авьяс бэрц болн йиртмжнн туск оһн үзгдлд тээлвр кеж, йиртмжд болсн күүнэ танһлтыг үзүлдг бээсмн болжана. Эн таларн өөрднрин амн урн үүдэврмүд, ниит моңһлын амн урн үүдэврлэ ирлцэтэ болчкад нигт залһлдата гидгнь марһан уга гиж үзж болна.

Урн зокьялын онлын үүднэс хэлэхлэ, урн санан, келнэ билг хойр амн урн үүдэврмүдт зергдөн бээдг учрта. Кесг түүкин цаг үй давулад ирсн амн урн үүдэврмүдин урн санан болхла, келнэ билгэр сээхрэд, урлгжад, кев янзнь батрад бээсмн. Сойлдан дурта, келнэ билг эрдмтэ улсин ач тусар, урн санан, амн үүдэврмүдт байн аһуһ, келнэ чимг немгдсэр йовж сонһн үлгдкүнтэ болж, түүнэ үглмжиг шинжлхд эк сурвлж болн ашглгдх болсн мөн. Эн мет сонһн үлгдкүнтэ үүдэврмүд ниит моңһлын амн урн үүдэврн

үндсн шинжлэ эдлэр, тер зергэр өөрднрин амн урн үүдэвр чигн төрл зүүлэрн олн, аһулһарн байн, заң-үүлин залһлда хадһлсн үүдэвр гисн үнллт олж бээнэ.

Эрдмтдин шинжлсн дүнгэс үзхлэ, «амн үгин сидэр йиртмжиг тээлврлх гисн санан домгин үүслт» болсн бээж. Домг үүдэгдсн хөөн үгин күчн сидд күүг иткүлх, йиртмжин олн үзгдлд эм орулж дүрслдг кев-янз йовандан домгин өвөц болсмн. Үлгүрнь, Моңһл туурһтна хамг аңхн экн йозуриг «Моңһлын нууц товчан»-д темдглгдсн «өвк деедсин ирлт» гидг домгт иижж бичгджэнэ: «Чиңгс хаана деедс болхла, теңгрин заяһар төрсн Бөрд Чон, түүнэ гергн Хо Марл хойр теңгс нууриг һатлж онон һолын экн бурхн халднд Батцаһан көвүн төрж», — гисн бээнэ. Эннь домг болхас биш үнн тиим гисн бэрмт бээдг уга. Эннь сэкүсн сүлд шүтэн болгч аң аһрусна нернд эм орулж дүрслсн үгин күчнэ ид. Эн бээдлтәһэр аңхн түрүнд домг үүдэгдсн гиж номтнр тоолжана.

Ниитин он тооллын 13-гч зуунас эклэд бурхн шажн моңһл орнд делгрэд, 16-гч зун болхд ниит олн түмн дунд тарсн мөн. Эн үймүдэр шажн шүтлһтэ нигт залһлдата домг үүдэгдх болж. Бурхн шажна домг гисэр моңһлын, өөрднрин, эндкгин, түвдин, бурх шүтдг болн бурхн шажна сойлын күртэмж күртсн ондан келн улсин домгудла бас чигн залһлдата болсн бээдг. «Юван улсин үйд, моңһлын ламнр «Бурхна арвн хойр зокъцңһу» мет ном судриг моңһл келнд орчулсна хамт эртнэ эндкгин домг үлгүр болн шакмуниин домг, домг үлгүрнь моңһл домг болн домг үлгүрин нөлөлж бээв» [1. Г. Намжл. X. 4].

Бүк моңһл туурһтна амн урн үүдэврмүдиг моңһл келтнрин эрдмтд болн һазадын орн нутгин моңһлч эрдмтнр оньган өгч шинжллт кесн йовдл өрнлтэ болж бээнэ. Үлгүрнь, Б. Я. Владимирцов, А. Моста-ерт, Н. Н. Поппе, М. Н. Хангалов, Һалсанг. Орс орн нутгт, хамгин түрүн болж хальмг фольклорт оньган өгсн күн Иван Лепехин. 1768–1769 жилмүдт эн күн хальмг теегэр йовад 13 тууль бичж авад, теднэн барт белдэд һарһсмн. Дарань, В. Л. Котвич., Г. Н. Потанин, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, Б. Я. Владимирцов, А. В. Бурдуков хальмг фольклор цуглуулх болн номин шинжллт кесн мөн.

Орс орн нутгт, өөрднрин амн урн үгин үүдэвриг темдглин авч цуглуулн диглх көдлмшиг 19-гч зун жилин чилгчэр орсин эрдмтн болн зуулчд түрүн болж кесн болдг. Үлгүрнь, Г.Н. Потанин, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. В. Бурдуков мет улсин нериг зааж болна. Амн урн үүдэвр цуглуулхд Г.Т. Потанин йир ик ач туста көдлмш кесмн. «Тер 1876–1880 жилин хоорнд хоорнд моңһл нутгар зуулчлн йовсн цагтан йир олн амн урн үгин материал цуглуулсн бээнэ. Тегэд, 1881–1883 жилд «барун хөөт» гисн нертэ дөрвн дегтр болһн барлулж. Тер дегтрмүдин хойрдгч болн дөрвдгч ботьд өөрд моңһлын заң-заңшал болн амн урн үүдэврлэ залһлдата зүүлмүд орсн бээдг. Үүнд 187 үлгүриг орс келнд товчлн орчулсмн» [2. Б. Дэмринжав. Х. 4].

А. М. Позднеев болхла, 19-гч зууна 80-гч жилмүдэс эклн тод бичгэр өөрдин тууж, «Жаңһр» барлгдсн мөн [3. Позднеев А. М. 1911]. болн амн урн үүдэврмүд цуглуулж барлад ик гидг күч көлсөн орулсмн [4. Позднеев А. М. 1892]. А. М. Позднеев бичсн «Моңһл овгтна ардын утх зокъялын жишэ» болн «Моңһл ардын дун» гидг ном 1880 жилд барас һарсн болад үүнд халх, өөрд, буряд нутгас 65 дууна үгиг худм болн тод бичгэр барлгсн бээв.

Нертэ моңһлч эрдмтн Б. Я. Владимирцов «Панзатантраһас авсн моңһл үлгүрин хураңһу», (Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Пр., 1921, «Сб. МАЭ». Т. V. Вып. 2 л, 1925) «Моңһл өөрдин баатрлг тууль» [5. Владимирцов Б. Я.], «моңһл ардын амн зокъялын дееж» [6. Владимирцов Б. Я.], «Моңһл өөрдин баатрлг тууль» гидг номд өөрдин нертэ туульч Парчн (1855–1926) ахлсн туульчдас темдглж авсн «Бум эрднь», «Дайни күрл», «Киигин киитн көк төмр зев», «Эргл мергн», «Эргил – төргл», «Шар будн» мет зурһан туульг орс келнд орчулад оршлтаһинь номт барлулж. 1926 жил бичсн «Моңһл ардын амн зокъялын жишэ» гисн номд өөрдин Байд, дөрвд, захчн, миңһд, торһуд, ураңхан дун, домг, үлгүр орв.

Хальмгт октябрьск революцас урд хальмг олн эмтнэ урн үгд кен чигн оньг өгч йовсн уга бээж. Эн төрт хальмг теегт ирсн номтнр цаг зуур баахн болзгт оньг өгдг бээж. Хальмгт «революцас урд хальмг улс делгүдэн харңһу бээсм... 1911 жилд бичгтэ улснь 2.3 % бээж», — гиж темдглэтэ. [7. Ц. О. Леджинов, Г. М. Шалбуров. Х, 6].

Октябрьск революцин дара, Ц. О. Леджинов, Г. М. Шалбууров, Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, А. Ц. Бембеева, Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова, Корсункиев Ц.К., Кичиков А.Ш., Овалов Э. Б., Биткеев Н. Ц., Пюрвеева (Сангаджиева) Н. Б., Басангова Т.Г., Хабунова Е. Э., Сарангов В. Т., Басаев Д. Э мет эрдмтнр харсн мөн. Сүл жилмүдт болхла, Манджиева Б.Б., Селеева Ц.Б., Горяева Б.Б., Убушиева Д. В., Надбитова И. С., Борлыкова Б. Х мет идр насна эрдмтнр амн зокъялыг шинжлхд көдлжэнэ.

Хальмгин амн зокъялыг цуглуулн диглж бичгт буулһн барлулх үүлд, Хальмгас Чехословак орнд хорһдхар одсн цөн кедүн хальмгуд сурһуль эрдмән делгрүлхэр 1925–1927 жилд Прага балһснд «Хонх» гидг нертэ 5 боть ном тод бичгэр харсн. Эн номд хальмгин амн зокъял, заң-заңшал, тууж болн нань чигн төрмүд орсн бээдг. Түүнэ дарань, 1941 жилд Ц. О. Леджинов болн Г. М. Шалбууров белдсн «Хальмг фольклор» Элстд барлгдв. Эн ном тавн энгтэ болад, негдгч энгд дуд, хойрдгч энгнь йөрөлмүд, һурвдгч энгнь ут туульс, дөрвдгч энгнь баатрлг дуулвр тавдгч энгнь фольклорин үүрмг энгс гиж хуваж. Ут туульс гисн энгд домгуд орж.

1961–1974 жилмүдт «Хальмг туульс» гисн дөрвн боть ном хальмгт хальмг бичгэр барлгдсн бээдг. Түүнэ хөөн барлгдсн амн урн үүдэврин туск ном медэг жигсавл: Е. Э. Хабунова бичсн «Һулмт»[8], Б. Б. Манджиева белдсн «Алтн чеежтэ келмрч — Боктан Шаня» (Энд 82 экн үүдэврмүд орсн болад түүн дотр 12 домг болн амн үгин туужис йовна) [9], Б. Х. Борлыкова белдсн «Буутан Санжин туульс» (33 экн үүдэврмүд орсн болад түүн дотр 5 домг болн амн үгин туужс орж) [10]. Очра Номтын «Мөңк дееж». Бард белдсн Б.А. Бичеев [11], Б. П. Амбекова «Цецн булг» [12] мет үүдэврмүдин нер зааж болна.

Моңһлын амн зокъял шинжлһтин үүлст Ш. Гадмба, Ц. Дамдинсүрн, С. Дулма, Кату, П. Хорлоһар ахлсн ик оln эрдмтнр бээдг. Теднэ үүдэсн зэрм бүтэлиг хэлэхнь:

Ц. Дамдинсүрнгин «Моңһл урн зокъялын дееж зун билг оршв» (1959 ж), Х. Сампил-дандавин «Моңһл ардын заң-үүлин амн зокъял (1)» (1978 ж), «Малчн ардын заң-үүлин улмжлл (2)»

(1985 ж), Ш. Гадмба, Х. Сампил-дандавин «Моңһл ардын амн зокъял (3)» (1988 ж), С. Дулмана «Моңһл домг зүүһин дүр» [13] болн үүнэс талдан бас чигн олн ном һарсн болжана.

Шинжэнэ болн Хальмгин зэрм домгудын барлгдсн цаг хуһцаг хэрцүлвл, Шинжанд амр келгдж бээсн «Һалдмбан домг», «Амрсанана домг», «Сээрм нуурин домг» (Сартгтан домг гиж бас келнэ), «Тенгр нуурин домг», «Богдын һурвн шовһрин домг» мет домгуд 1980-гч жилмүдин эклцэр бичгт буулһгдсн болжана. Хальмгт келгддг «Мазн Тоол-Мала гидг һаһцхан яһж алсна тускар», «Мазн яһж көвүһән таньж авсна тускар», «Миитр нойна туск тууж», «Ончхан Жирһлин тускар», «Эрэн сән Эдг», «Собсид» мет домгуд хэрин 1941 жилд барлгдсн мөн.

Шинжэнэ өөрднрин эрдмтд дунд амн зокъял шинжлсн улс бас идвкэтэ бээһэ. Эн тоха Т. Жамца, На. Басң, Б. Дэмринжав, Т. Намжл, Х. Бада, Т. Бадм, К. Дорва, Н. Батбайр, Ч. Эрнцэ, Т. Жамца, Т. Байнбат, Н. Бууваһар ахлсн күмсн нер зааж болхмн. 1981 жилэс хөөш барлгдсн Шинжэнэ домг, домг үлгүрин бээдлиг үзхлэ:

1. 1981–1993 жилд барлгдсн «Хан тенгр» нертэ амн зокъялын цуврл бичг.
2. Ба. Дэмринжав белдсн «Зурһада мергн», «Сааль Мергн болн Саадг Мергн», «Хар арңһ», «Алтуһа мергн» [14].
3. Т. Намжл бичсн «Өөрдин заң-үүл болн амн зокъялын хэрцэ холвана судлл» [15].
4. Бада, Алтноргл, Эрднь «Өөрд түүкин сурвлж бичг» [16].
5. Ч. Эрнцэ болн Т. Намжл. «Өөрдин заң-заншал» (тод) [17].
6. Т. Намжл «Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл» [18].
7. Н. Басң. «Шинжэнэ өөрдин үлгүрт дун» [19].
8. «Өөрдин судлл» гисн нертэ эрдм шинжлнэ седкүл.
9. Н. Зөргтэ белдсн «Ховг Сээрин моңһл ардын амн зокъялын дееж» [20].
10. Н. Буува бичсн «Негн үзгин сүг сүнс (Ховг-Сээрин түүкт күн, түүкин кергүд)» [21] мет номмуд.

Өвр моңһлд болхла, Мандх, Цеңн-мөңк, Буйн-кишг, Төгс-байр, Г. Намжлын бүтэл олна оныг тусхагдна. Ш. Гадамба,

Д. Церенсодмн бичсн «моңһл ардын амн зокъялын дееж бичг» [22], Көк Буйна «Моңһлын заң-үүлин мөрдл», Бадрңһу Һомбу хойр тод үзгэс буулһсн «Өөрд моңһл домг үлгүр» Пекинд Үндстнэ кевллин хорад 1987 жилд барлулж һарһсмн. [23], Дәмби-Пелжд бичсн «Өөрд моңһлын эртнэ урн зокъялын товча» [24], Алтн-Од белдсн «Эзнэ торһудын йос заңшалын үүлдвр» [25], Г. Намжл бичсн «Моңһл домгин хэрцүлсн судлл» [26], Күрлша бичсн «Моңһл домгин сойл судлл» [27].

Деед моңһлд, Сарн-Герл белдсн «Деед моңһлын заң-ааль» [28], Раш, Товчн бичсн «Субеһин моңһлчудын амн үлгүр» [29] мет номмуд.

Шинжәнэ өөрднр, хальмгудла орн нутг сундлсн бээдг болвчн нег үндстн болсар теднэ домг, домг үлгүр, амн үгин туужиг хэрцүлн шинжлх домгин хэрцүлсн судллын күрә кемжәнд ач холвгдлта болх юм.

Бүк өөрднрин амн зокъялын күрә кемжән болн тархлт өргн болх учрас өөрдин заң-үүлтә холвгдлта амн урн үүдәвриг шинжлхнхь деер заагдсн орн нутгин күрәнд биш, хәрин түүкин ут удан цаг үйин йовцдк сойлын үүслт, делгрлтин мөриг толь болһн үзж, цаг үй, орн зә, шилтән мет бүрлдкүнә учр йовдлыг хам авч үзхд болмжин чинртә болсмн.

Зүүлт

Алтн-Од. Эзнэ торһудын йос заңшалын үүлдвр. Көк-Хот: Өвр моңһлын ардын кевллин хора, 2004. 224 х.

Алтүжә мергн. Дәмринжав Б. белдв. Үрмч: Шинжәнэ ардын кевллин хора, 1997. 538 х.

Алтн чегежтә келмрч – Боктан Шаня. Сост. Вступит. ст. коммент. и приложения Манджиева Б. Б. Элиста: Учреждение Российской академии наук Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2010. 171 х.

Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А. М. Позднеев ординар. Проф. СПб. ун-та, 1892.

Буутан Санжин туульс. Сост., вступит. ст., коммент. и прилож. Борлыковой Б. Х. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 308 х.

Һулмт (Хальмгудын әмдрин эргцин заң-үүл болн амн үүдәвр). Хабунова Е. Э. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2005. 206 х.

Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности. С.-З. Монголия. СПб., 1926.

Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. // пер., вступит. ст., примеч. СПб.; М., 1923.

Дулма С. «Моңһл домг зүүһин дүр». Сөйгө, Дүңяр хойр Моңһл бичгэс худм бичгт буулһв. Көкхот: Өвр Моңһлын сойлын кевллин хора, 1999 .

Дэмринжав Б. Өөрдин баатрлг үлгүрин судлл. Пекин: Үндстнэ кевллин хора. 2006. 358 х.

Дэмби-Пелжэд. Өөрд моңһлын эртнэ урн зокъялын товча. Көк-Хот: Өвр моңһлын сойлын кевллин хора, 1999.

Курлиа. Моңһл домгин сойл судлл. Пекин: Үндстнэ кевллин хора, 2004. 507 х.

Моңһл ардын амн зокъялын дееж бичг. Гаадамба Ш. болн Цэрэнсодмон Д. белдв. Көк Хот: Өвр моңһлын ардын кевллин хора, 1984.

Намжл Г. Моңһл домгин хэрцүлсн судлл. Пекин: Үндстнэ кевллин хора. 2001. 389 х.

Намжл Т. Өөрдин заң-үүл болн амн зокъялын хэрцэ холвана судлл. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2004. 346 х.

Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. (4 боть) Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 .

Негн үзгин суг-сүнс (Ховг-Сээрин түүкт күн, түүкин кергүд). Буува Н. белдв. Уланхад: Өвр моңһлын кевллин бөлгллин Өвр моңһлын сойлын кевллин хора, 2012. 219 х.

Очра Номтын «Мөңк дееж». Бард белдснь Бичеев Б. А. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2006. 398 х.

Өөрд түүкин сурвлж бичг. Бада, Алтноргл, Эрднь барт белдв. Көк Хот: Өвр моңһлын сойлын кевллин хора, 1985. 496 х.

Өөрдин заң-заңиал. (тод) Эрнцэ Ч. болн Намжл Т. белдв. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1995.

Өөрд моңһл домг үлгүр. Бадрңу болн Һомбу белдв. Пекин: Үндстнэ кевллин хора, 1987.

Хальмг фольклор. Леджинов Ц. О., Шалбууров Г. М. Элст: 1941. 446 х.

Позднеев А. М. Джангар. Героическая поэма калмыков, с приложением вновь открытой и впервые издаваемой третьей главы, в оригинальном калмыцком тексте. С П б, 1911.

Позднеев А. М. Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях *Сааль Мергн* болн Саадг Мергн. Дэмринжав Б. белдв. Пекин: Үндстнэ кевллин хора. 1996. 667 х.

Сарн-Герл. Деед моңһлын заң-ааль. Пекин: Үндстнэ кевллин хора, 1992.

Субеһин моңһлчудын амн үлгүр. Раш болн Товчн белдв. Көк Хот: Өвр моңһлын сойлын кевллин хора, 1984.

Хар арһн. Дэмринжав Б. белдв. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1983.

Ховг Сээрин моңһл ардын амн зокъялын дееж. Зөргтэ Н. белдв. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2004. 384 х.

Амбекова Б. П. Цецн булг. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 318 х.

Шинжэнэ өөрдн үлгүрт дун. Басң Н. белдв. Өвр моңһлын шинжлх ухана техник мергжлин кевллин хора. Уланхад, 1999. 519 х.

ИССЛЕДОВАНИЯ БУДДИЙСКОГО ПАНТЕОНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

В последние десятилетия в отечественной гуманитарной науке наметились изменения в методологических подходах к исследованию пантеона буддизма, одной из мировых религий, которая является традиционным вероисповеданием для ряда народов Российской Федерации (бурят, калмыков, тувинцев). Это отчасти связано с возрождением буддийской традиции у этих народов, начиная с конца 1980-х гг. [*История буддизма в СССР 2011*], с другой стороны, обусловлено реальной свободой для исследования духовной литературы, культовых практик, атрибутов. Поэтому сегодня актуально обращение к опыту прошлого столетия.

В данной статье на основе анализа литературы по проблемам изучения и описания буддийского пантеона в целом и исследований, посвященных отдельным персонажам буддийского пантеона, в историческом ракурсе проводится анализ трудов отечественных и зарубежных ученых по широкой проблематике изучения буддийского пантеона, дается их краткая характеристика.

Исследования буддийского пантеона в рамках изучения буддизма как религиозной системы, предпринятые отечественными востоковедами в дореволюционный период, содержат разноплановые исчерпывающие сведения, в том числе и сведения о составе пантеона божеств. Среди них следует указать труды таких ученых, как О. М. Ковалевский (1800–1878), И. М. Минаев (1840–1890), С. Ф. Ольденбург (1863–1934), И. А. Подгорбунский (1862–1913),

А. М. Позднеев (1850–1920) и др. Не случайно, что работы российских буддологов, наряду с зарубежными исследованиями ученых, в последующем послужили источником для создания целого ряда словарей, справочных изданий и буддийских энциклопедий, о которых будет сказано далее.

Помимо вышеупомянутых работ следует остановиться на таких широко известных и популярных изданиях, включающих сведения о буддийском вероучении, такие, как «Большая Энциклопедия» под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова [Большая энциклопедия, IV 1896] и «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона [Энциклопедический словарь, IV 1891]. Оба эти издания включают словарные статьи о буддизме. Каждая из статей, занимающая по нескольку страниц, содержит обзор основных направлений изучения буддизма, а также основную отечественную и зарубежную научную литературу по буддологической проблематике. Анализ свидетельствует, что ведущее место в изучении буддизма в XIX в. заслуженно принадлежало английским ученым. Историография российской буддологии XIX – начала XX в. представляет интереснейшую тему для дальнейших исследований.

Традиция описания и исследования представлений монгольских народов о картине мира, системе верований, пантеоне божеств и т. п. была положена классиками российского монголоведения и тибетологии. Примером такого описания является ценная работа О. М. Ковалевского «Буддийская космология» [Ковалевский 1837].

После установления советской власти изучение буддизма, а, следовательно, и его пантеона, по целому ряду понятных причин начало специализироваться в тех компонентах, которые внешне были далекими от буддизма, как одной из мировых религий. Неудивительно, что в публикациях ученых-буддологов того периода на разных этапах буддизм рассматривался в первую очередь как философское учение (А. Доржиев), проводились параллели между основными положениями буддийской доктрины с философией западных мыслителей (Б. Дандарон) [Островская], в отдельных случаях публикации носили полемический характер, на что об-

ращали внимание более поздние исследователи [Герасимова 2006] [Жамсуева 2006: 4–5]. Интересным в этом плане являются работы Б. Б. Барадийна (Барадина) (1878–1937) [Барадин 1924], Б. Дандарона (1914–1974) [Дандарон 1968].

Деятельность ученых-буддологов в СССР в 1920-е–1930-е гг., в особенности после 1937 г., не утратила своего предмета, но сосредоточилась на тех аспектах, которые по крайней мере внешне были далеки от религиозной проблематики — на изучении буддийской литературы, издании ценных рукописей и отдельных письменных памятников, а также на изобразительной стороне буддизма, включая его символику. Достаточно вспомнить, что и в 1970-е гг. издание образцов живописи и скульптуры, вывезенных в Ленинград, в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) из Агинского дацана, подготовленное Л. Н. Гумилевым, было выпущено в свет с заголовком «Старобурятская живопись» [Гумилев 1975].

Видимая борьба с буддизмом в рамках официально провозглашенной политики атеизации велась в первую очередь с его манифестацией, т. е. с духовенством и предметами их собственности — культовыми учреждениями, школами и академиями, а также собраниями рукописей и культовых предметов. При этом если собрания книг, рукописей, скульптур, находившиеся в городах, передавались в фонды музеев и в архивы, то на периферии, в местах проживания верующих, они едва ли не публично предавались уничтожению.

Таким образом, собственно религиозное учение буддизма долгое время оставалось в стороне. Это не было случайным подходом — подобные исследования должны были вестись с позиций научного атеизма. Следует констатировать, что работы советских ученых не были свободны от влияния и диктата официальной (советской) методологии науки [Жамсуева 2006: 4–5]. Лишь в 1990-е гг. положение дел радикально изменилось, и работы Е. А. Торчинова, В. Б. Касевича и других ученых не только получили «зеленую улицу» для издания, но и оказались востребованы широким кругом ученых-гуманитариев.

Заметный вклад в изучение культовых систем бурят, калмыков и тувинцев представлен в ряде историко-этнографических трудов обобщающего характера (Н. Л. Жуковская [1977], К. М. Герасимова, Г. Р. Галданова, Д. Б. Дашиев и др. [Ламаизм 1983], Э. П. Бакаева [1994], М. В. Монгуш [2001] и др.).

Лишь в постперестроечное время, когда наметилась тенденция возрождения традиционных конфессий в Российской Федерации, буддологические исследования получают новый импульс. Появляется целый ряд энциклопедических трудов, словарей и справочников буддизма, равно как и специальные труды, посвященные божествам буддийского пантеона [Сыртыпова 2003, Батырева 2005, Герасимова 2006].

Можно отметить, что диапазон современных исследований, посвященных буддийскому пантеону, достаточно широк. Среди этих работ и культурологические, и религиоведческие работы.

Особо хотелось бы остановиться на целом ряде справочных изданий и энциклопедий, в которых в той или иной мере раскрываются особенности персонажей пантеона, описываются отдельные культы. Среди них словарь «Буддизм», вышедший под общей редакцией Н. Л. Жуковской [Буддизм 1992], «Словарь индо-тибетского и российского буддизма: главные имена, основные термины и доктринальные понятия» В. П. Андросова [Андросов 2000]. Сведения о божествах буддийского пантеона мы можем почерпнуть также в «Популярном словаре по буддизму и близким к нему учениям» [Буддизм. Популярный словарь... 2003], а также в двухтомном издании «Религиозные традиции мира» [Религиозные традиции ...1996], «Ойратский словарь поэтических выражений», подготовленный к изданию Н. С. Яхонтовой [Ойратский словарь...2010] и др.

Литература

Андросов В. П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма: главные имена, основные термины и доктринальные понятия. М.: Вестком, 2000. 200 с.

Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Барадин Б. Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. Пг., 1924.

Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVIII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 141 с.

Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милокова. Т. IV. СПб.: Книгоиздательство. Т-во «Провещение», 1896.

Буддизм. Популярный словарь по буддизму и близким к нему учениям. М.: Хроникер, 2003. 334 с.

Буддизм: Словарь / Под общ. ред. Н. Л. Жуковской. М.: Республика, 1992.

Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.

Гумилёв Л. Н. Старобурятская живопись: Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М.: Искусство, 1975.

Дандарон Б. Буддийская теория индивидуального Я // Материалы по истории и философии Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, 1968. С. 34–52.

Жамсуева Д. С. Вопросы методологии и исследования культуры Центральной Азии в работах К. М. Герасимовой // Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.

Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.

История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки Республики Калмыкия, 2011. 392 с.

Ковалевский О. М. Буддийская космология. Казань: Типография Казанского ун-та, 1837. 165 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г.Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.

Монгуш М. В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). Новосибирск, 2001. 200 с.

Ойратский словарь поэтических выражений / факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой; ИВР РАН. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.

Островская Е. Судьбы буддизма и буддологии в России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.buddhism.ru/sudbyi-buddizma-i-buddologii-v-rossii/> (дата обращения: 10.12.2013).

Религиозные традиции мира. В 2-х т. М.: Крон-Пресс, 1996. Т. 1. 576 с., Т. 2. 640 с.

Сыртыпова С.-Х. Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письм. источники) / С.-Х. Сыртыпова; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. М.: Вост. лит., 2003. 238 с.

Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Т. IV. СПб.: Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1891.

ТАРАНАТХА – ТИБЕТСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ИСТОРИК

Джецун Таранатха родился в Караг (тиб. *jo mo kha rag*) в наследственной линии великого тибетского переводчика Ра Лоцава Дордже Драк (тиб. *rwa lo tswa ba rdo rje drag*). Отца звали Намгьял Пунцог (тиб. *rnam rgyal phun tshogs*), мать — Дорджи Буга (тиб. *rdo rje bu dga'*). Таранатха родился в год дерева-свиньи 10-го цикла (1575 г.) Его называли Кунга Ньингпо (тиб. *kun dga' snying po*), но он больше известен под именем Таранатха, которое он получил в своем видении от великого индийского адепта Бадзанатха (санскр. *badzan'atha*) [Dungkar 2002].

Таранатха в прошлых своих рождениях был известен в традиции Гелуг как Джамьян Чодже (тиб. *'jam dbyang chos rje*), основавший монастырь Дрепунг около Лхасы, в традиции Ниньгма — как Ронгзонг Лоцава Чокья Гьлцен (тиб. *rong zong lo tswa ba chos kyi rgyal mtsan*), в традиции Кагью — Баромба Дхарма Вангчуг (тиб. *b'a rom pa dharma dbang phyug*). В традиции Сакья он был известен как мастер Кунга Долчог (тиб. *kun dga' sgröl mchog*), после этого воплощения он должен был переродиться как Таранатха, но поскольку в это время мать Таранатхи была еще очень молода (ей было 14 лет), он родился сыном индийского короля. Так он жил до 14 лет. Как-то раз, стоя на крыше дворца, он увидел свою мать, которая была Дакини по имени Кхадома Юм Дорже Буга. Она появилась в небе и предложила ему отправиться с ней. После этого он переродился как Таранатха.

Когда ему было около года, он заявил: «Я мастер Кунга Долчога!». Такое проявление держалось в секрете до тех пор, пока мальчику не исполнилось 4 года. В этом возрасте он был доставлен в монастырь Кунга Долчога в Чангдзе Чолунг (тиб. *byang rtse chos lung*), где официально был признан в качестве воплощения Кунга Долчога. В возрасте восьми лет он принял обеты гецула у Таглунгва Таши Гьялцена (тиб. *stag lung ba bkra shis rgyal mtsan*) и получил имя Кунга Ньингпо. В течение многих лет интенсивно обучался и совершенствовался в различных практиках под руководством ряда великих мастеров, многие из которых были основными учениками Кунга Долчога. В возрасте семнадцати лет (в 1591 г.) принял полные монашеские обеты.

Под руководством Джампы Лхундуба (тиб. *chams pa lhun grub*) ученика Кунга Долчога, Таранатха изучал и осваивал различные предметы, сутры и тантры. В этот период он получил огромное количество тантрических учений и посвящений традиции Сакья Лам-Де (тиб. *lam 'bre* — традиция Сакья передачи учения «Путь — результат»), в т.ч. — от ученика своего предшественника, Доринг Кунга Гьялцена (тиб. *rdo ring kun dga' rgyal mtshan*).

Дагтопа Лхаванг Дагпа (тиб. *grags to pa lha dbang grags pa*), ученик Кунга Долчога, передал Таранатхе множество эзотерических инструкций, касательно Шести йог и Махамудры, что способствовало возвышению изначального осознания в уме молодого Кунга Ньингпо.

Жетунг Палсанг Кунга (тиб. *rje drung dpal bzang kun dga'*), племянник Кунга Долчога и блюститель трона традиции Джонанг (тиб. *jo nang*), передал Таранатхе учения Калачакры и защитника Дхармы Махакалы, которые он получил от своего дяди.

От учителя Лунриг Гьяцо (тиб. *lung rigs rgya mtso*) Таранатха получил множество передач: посвящения Калачакры, комментарии Калачакра-тантры, эзотерические указания по совершению Шести йог по традиции Джонанг и наставления, собранные в трудах Владыки Дхармы Долпопы Шераб Гьялцена (тиб. *rdol po pa shes rab rgyal mtsan*). Он получил специальный опыт реализации, когда практиковал Шесть йог. Одним из основных учителей Та-

ранатхи стал индийский адепт Буддхагуптанатха (санскр. *Buddh-agubthanaatha*) который прибыл в Тибет, когда Таранатха достиг четырнадцати лет.

Таранатха не раз упоминал, что его понимание тайных учений мантры связано только с добротой Буддхагуптанатха. Таранатха был современником индийских йогов и ученых (как буддистов, так и не-буддистов, пришедших в Тибет) — как Сунирбадашри, Балабхадры, Нирванашири, Пурнананды, Пурнаваджры и Кришнабхадры, которые передали ему инструкции, касающиеся тайных тем, и помогли ему в переводе санскритских рукописей на тибетский язык.

Несколько переводов Таранатхи включены в тибетской канонической свод Ганжура и Данжура. В 1588 г. Жедунг Кунга Палзанг, блюститель трона традиции Джонанг, передал трон Джонанг Таранатхе, хотя официальная церемония введения в должность произошла позже, в 1595 г. Таранатха, осознавая, что линия передачи Владыки Дхармы Долпопы может быть утрачена, взял на себя ответственность возродить ее. В 1590-х гг. руководства по совершению Дхармы наследника Долпопы Чогде Намгьяла (тиб. *mtshog sde rnam rgyal*) использовались Джонанг в преподавании шести йог, но мало кто понимал философские принципы Долпопа и его духовных сыновей. Таранатха был обеспокоен тем, что некоторые из предыдущих блюстителей трона традиции Джонанг, давая посвящения и инструкции в соответствии с традицией, также критиковали и опровергали воззрения Долпопа касательно Шентонг (тиб. *gzhan stong* — теория парашуныты, которая отличает традицию Джонанг от других тибетских буддийских школ), которые, по мнению Таранатхи, были секретом учения всех будд и бодхисаттв. Имея возможность опровергнуть взгляды другой системы, он чувствовал необходимость защитить оригинальные взгляды Долпопа через опровержение ошибочных мнений, а также установить правильную интерпретацию в соответствии с его происхождением.

Учитель Джампа Лхундруб посоветовал Таранатхе восстановить Великую Ступу Джонанг Долпопа, которая была построена

260 лет назад. Как раз перед завершением восстановительных работ он имел чудесное видение под утро. Земля и небо, казалось, были наполнены бесчисленным количеством разных людей, идущих в одном направлении. Он последовал с ними и прибыл в красную, треугольную по форме долину с невероятной хрустальной горой в центре. Гора была полностью наполнена удивительными ступами разных размеров, и в каждой ступе бесконечное количество будд и бодхисаттв говорили о прошлом и будущем Дхармы. Шел дождь из цветов, а также было много других чудесных, знаков. Все люди делали подношения хрустальной горе, заполненной ступами, и осуществляли песнопения молитв в унисон. С благоговением Таранатха спросил о горе, и ему было сказано, что это была Ступа Дханьякатака, где Будда впервые дал Учение Калачакра-тантры. Таранатха позже почувствовал, что, возможно, это видение произошло потому, что все работали так напряженно для завершения реставрации Великой Ступы в Джонанг.

В 1604 году, после десяти лет усилий по возрождению первоначального учения Джонанг, работы Таранатхи вызвали серьезные политические конфликты между регионами Чанг (тиб. *byang*) и Цанг (тиб. *tsang*) [Огнева 1986]. Джонанг угрожала непосредственная опасность подвергнуться нападению враждебных армий.

Во время медитации на большой ступе Долпопы Таранатху одолело уныние, и, видя что, возможно, все усилия вот-вот будут уничтожены, как и сама традиция, он хотел лишь удалиться от всех. Но Долпопа затем явился ему в видении и заверил его, как и прежде, что его усилия не будут напрасными. Следующей ночью Таранатха молился Долпопе и ему было видение бодхисаттвы, который произнес четверостишие. В результате Таранатха достиг реализации истинных намерений Долпопы, высказанных в учении Шентонг, и его неопределенность и сомнения были полностью устранены. Он ощущал, что ключ от дверей всех доктрин Будды был подан в его руки и написал стихотворное сочинение «Украшение мадхьямики-шентонг», которое является одной из его наиболее важных работ и предназначено исключительно для экспликации шентонг зрения». Таранатха признался, что он получил несколько

пророчеств от Долпопы. За период своей жизни Таранатха имел бесчисленное количество видений. Например, много раз в течение 1618–1619 гг. он пережил видения суда Калапы, императоров Шамбалы, видел правителей и слышал их учения. Он чувствовал, что эти видения были результатом его веры, итогом постижения всех сутр и тантр путем познания мадхьямики-шентонг.

В 1615 г. правитель Цанг Деги Пунцог Намгьял (тиб. *sde srid phun tshogs rnam rgyal*) выделил специальный участок земли недалеко от Шигадзе, необходимые материалы и рабочих для строительства монастыря, который стал центром обучения учению Будды. Монастырь был возведен в 1628 г., стал главной резиденцией Таранатхи и был известен как Тактен Дамчо Линг (тиб. *rtag brtan dam chos gling*), где Таранатха давал по 2–3 посвящения Калачакры в год. Таранатха посещал монгольские степи, где проповедовал учение Будды и учредил множество монастырей. Там он стал известен под именем Джецун Дамба (тиб. *rje btsun dam pa*).

Считается, что Халха Джецун Дамба (тиб. *khal kha rje btsun dam pa*) является воплощением Таранатхи. В свои зрелые годы Таранатха, известный как человек очень остроумный и веселый, часто шутил во время учений о том, где бы он мог переродиться в следующий раз. Говорят, что один из присутствующих монгольских учеников взмолился тогда: «О, пожалуйста, Учитель, переродитесь в Монголии в следующий раз!» Возможно, это послужило решающим условием следующего перерождения Таранатхи.

Незадолго до своей смерти Таранатха назначил своего ученика Сангье Гьяцо (тиб. *sangs rgyas rgya mtsho*) в качестве преемника на монастырский трон Тактен Дамчо Линг и сделал много пророчеств о традиции Джонанг и о великих политических потрясениях, которые вскоре произойдут в Тибете.

В одиннадцатом цикле года дерева-собаки (1634 г.) Таранатха оставил брненное тело в монастыре Тактен Дамчо Линг. К сожалению, Сангье Гьяцо скончался вскоре после ухода Таранатхи. В результате другой ученик великого мастера, Ринчен Гьяцо (тиб. *rin chen rgya mtsho*), стал блюстителем традиции Джонанг (в течение следующих пятнадцати лет).

Тактен Дамчо Линг был закрыт Пятым Далай-ламой после смерти Таранатхи и преобразован в диалектический колледж традиции Гелугпа — Пунцог Линг (тиб. *phun tshogs gling*) в 1658 г., главным образом из-за политических проблем между провинциями У (тиб. *dbus*) и Цанг (тиб. *tsang*). Ситу Панчен отмечает в своих дневниках, что в момент его посещения в 1723 г., это был гелугпинский диалектический колледж, хотя некоторые старые монахи так и оставались там. Школа Джонанг стала жертвой политики, но ее теологические представления не играли никакой роли в ее крушении [Templemann 1981].

Исторические и биографические труды Таранатхи являются одним из важных источников изучения развития буддизма в Индии. Среди обширной ритуальной и литургической буддийской литературы его работа, известная ученым под коротким названием «*Sungdui*» (тиб. *gzungs bsdus*) («Свод дхарани») занимает важное место. Разнообразие интересов Таранатхи, обилие жанров и сюжетов обнаружили после предварительного анализа его собрания сочинений, выполненного итальянским ученым Дж. Туччи в компендиуме по тибетской культуре [Tucci 1949]. В котором автор указывает на наличие в собрании сочинений Таранатхи светской исторической хроники, содержащей краткие данные по клану Ринбупа, аристократическому роду — покровителю школы Джонанг; кратко излагает содержание «Автобиографии» Таранатхи. Итальянский ученый также с достаточной полнотой пересказывает содержание географического сочинения Таранатхи, описывающего основанный им монастырь Тагтанлинг, довольно подробно останавливается на тантрических и философских трактатах Таранатхи.

Таким образом, Таранатха предстает не только как историк, но и как литератор, теоретик изобразительного искусства, ученый-энциклопедист средневекового Тибета. Однако пока опубликовано только три перевода его сочинений, относящихся к исторической литературе. Другие же его произведения пока ещё не получили должного внимания исследователей.

Литература

Dungkar Losang Khrinley *Dungkar Tibetological Great Dictionary* (Tibetan Language). Beijing: China Tibetology Publishing House, Beijing, 2002. P. 905–906.

Огнева Е. Д. Таранатха Гунга Ньинбо (материалы к биографии) // Источниковедение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 28–43.

Templemann D. Taranatha the Historian // *The Tibet J.* 1981. V. 6. Pt. 2.

Tucci D. Tibetan Painted Scrolls. Roma. 1949. V. 1, 2.

**БАИТЫ МОНГОЛИИ:
НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТЕРРИТОРИИ
РАССЕЛЕНИЯ И САКРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ¹**

В 2013 г. состоялась Международная научная экспедиция, посвященная 130-летию известного монголоведа А. В. Бурдукова (1883–1943 гг.), в которой приняли участие ученые России (из Калмыкии и Тувы), Монголии, КНР. Маршрут экспедиции пролегал по сомонам Малчин, Хяргас, Наранбулаг, Сагил, Тургэн Убсунурского аймака Монголии, где проживают в основном дербеты, байты и хотоны. В статье на основе материалов, собранных во время экспедиции, предпринимается попытка дать сведения о территории расселения байтов и основных сакральных объектах, почитаемых ими.

Байты (баяты) — один из ойратских народов Монголии. По мнению А. Очира, первые сведения о предках байтов можно датировать временем хунну, когда шаньюй Маодунь присоединил к своему государству племя баян, занимавшее территорию у горы Баян ула [Очир 1992: 8–9]. Исследователи отмечают, что в XII–XIII вв. предки байтов были известны как племена джидай баягуд, баягуд дуклас, хээрийн баяд, вошедшие в период Монгольской империи в состав союза дербен-ойратов [Эрдэнэболд 2012: 9]. А. Очир, основываясь на анализе источников, считает, что название «хээрийн баядууд» («степные байты») закрепилось за байта-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–21–03003

ми, заселявшими места вдоль реки Селенга близ нынешней Кяхты и горы Бурэн-хан; название «жидийн баядууд» («джидинские байты») — за байтами, проживавшими по притоку Селенги, реке Джида [Очир 1992: 9]. Ученый перечисляет также племена байтов «баяудайн булан», «баяд-дуклад», «баяд-горлос», «чаншиуд-баяд» и «баяд-хият» [Очир 1992: 9].

В XVIII в. байты, как и дербеты, были расселены на территориях близ озера Убсу-нур. Согласно одной из легенд, перед перекочевкой ойратов в местность около Убсу-нура прибыли предок Зоригту хана Авджи нойон с двумя зайсанами (Гончиком и Дугаром), Далай-хан Джанджин, а также нойон байтов. Благодаря уловке Авджи нойона территория между ними была поделена по его желанию (как гласит легенда, по его «предсказанию»), при этом Далай-хану Джанджину досталась западная сторона, а байтскому нойону, у которого было много подвластных, — восточная сторона свободной до перекочевки ойратов территории, предку Зоригту-хана же остались земли между байтами и дербетами Далай-хана [Номинханов 2008: 194–196]. Таким образом, в XVIII в. территории, занимаемые байтами, находились восточнее основного ареала расселения дербетов.

В настоящее время байты компактно расселены в Убсунурском аймаке (Западная Монголия) в пяти сомонах (административных единицах): Малчин, Хяргас, Тэс, Зунговь, Наранбулаг [ПМА: Ц.Цэцэнхуу; Очир 1992: 8]. Кроме того, байты проживают в сомонах Айраг, Даланжаргалан, Иххэт, Алтанширэ, Мандах, Хубсугул Восточно-Гобийского (Дорноговь) аймака; сомонах Матад, Халх гол Восточного (Дорнод) аймака; сомонах Баянжаргалан, Ундуршил, Улзийт, Хулд, Дэрэн, Сайнцаган Средне-Гобийского (Дундговь) аймака; сомонах Мандал-Обо, Цогт-Обо, Цогтцэций, Манлай Южно-Гобийского (Өмнөговь) аймака; сомонах Сухэ-Батор, Эрдэнэцаган Сухэ-Баторского (Сүхбаатар) аймака; сомонах Баянжаргалан, Баян Центрального (Төв) аймака; сомонах Норовлин, Батноров, Баянхутаг, Морон Хэнтэйского (Хэнтий) аймака и в сомонах Гоби-Сумбэрского (Говьсумбэр) аймака [Очир, Сэржээ 1998: 18–26, 32–35, 38–42, 49–50].

Сомоны Малчин, Хяргас, Зунговь и Тэс образованы в 1931 г. Сомон Наранбулаг основан в 1952 г., включал 6,7,8-й баги (административные подразделения) Омноговь сомона, 6 и 8-й баги Тариалан сомона, 2-й баг Малчин сомона. В 1956 г. баги этого сомона были включены в другие административные образования, а в 1957 г. он вновь образован, и в 1959 г. в составе этой административной единицы были произведены преобразования [Дэмбэрэляньям 2012: 12; Мөнх-Очир 2012: 69]. В четырех из пяти указанных сомонов баиты составляют большинство населения; в Наранбулаге, основанном позже, население состоит преимущественно из дербетов и баитов.

Среди баитского населения до настоящего времени используется понятие «десять баитских хошунов», связанное с административным устройством прежнего времени.

В период маньчжурского господства (до 1911 г.) в два аймака дербетского Далай-хана входили: в Зюн аймак — 23 сомона, включавшие 12 хошунов, в Барун аймак — 16 сомонов, включавших 4 хошуна [Дэмбэрэляньям 2012: 10]. По данным, приводимым Ч. Дэмбэрэляньямом, в 1912 г. в Зюн аймак Далай-хана были включены 12 хошунов, а в Барун аймаке к 4 хошунам были присоединены 11 хошунов олетов, мянгатов, захчинов, урянхайцев, и всего здесь было образовано 15 хошунов [Дэмбэрэляньям 2012: 11]; из 11 хошунов 8 были урянхайскими, по одному имели мянгаты, олеты, захчины [Мөнх-Очир 2012: 20].

Ц.-Д. Номинханов на основе данных, полученных им лично от дербетского Далай-хана, описал административное устройство его аймаков: «В Зюн аймаке (Далай-хана) имеются 12 хошунов следующих:

- 1) Далай-хан (гол хош[ун]).
- 2) Дячин-Ван Санду Джамца (председатель сейма).
- 3) Джанджин Шонхор Дзорикту Джонон-Бейле, Сенге Бадзар (10 баитов²).

---

² В этом месте в рукописи, опубликованной Институтом языка и литературы Академии наук Монголии, стоит вопросительный знак. В рукописи, хранящейся в Научной архиве КИГИ РАН, имеется пояснение «Следующие 10 хошунов называются Арбан-Баит».

- 4) Бейле Пандя Джугня.
- 5) Сарул Тушия Гун Томин-Баир.
- 6) Цецен Тушия Гун Тютюиб.
- 7) Хурцу-Гун Дандар.
- 8) Ийтя-гун Джаджамбал.
- 9) Батор гун Бадма.
- 10) Мерген гун Араши.
- 11) Эрдне гун Минджур Даржи.
- 12) Эрхе чин Ван Дуван Джиб.

В Барун аймаке (Дзорикту-хан) имеются 7 хошунов³, следующие:

- 1) Дзорикту-хан (гол хошун).
- 2) Джанджин Сюджикту Засак-хош[ун] Дамрин Сурун.
- 3) Биширлту Джун-Ван Тюмен Джиргал.
- 4) Джанджин Ёрjalты Бейс-Батор.
- 5) Дячин-Гун Санджиджап (председатель сейма Мингитского Коко-улаан хош[уна]).
- 6). Олетский Уйдзин-Гун Аюрджап.
- 7) Захачинский Цецен-Дзюткюлту Тушия-Гун Самбу [Номинханов 2008: 24–25].

Баиты сохраняют память о последних нойонах, возглавлявших «10 баитских хошунов»:

1. Хошун Сарул гуна — нойон Тумэнбаяр гун.
2. Хошун Саа вана — нойон Самданжамц ван.
3. Хошун Баатар бэйсэ — нойон Баатар бэйсэ.
4. Хошун Эрхэ вана — нойон Түгээмэл ван.
5. Хошун Түшээ гуна — нойон Түвдэндорж гун.
6. Хошун Жонон бэйлэ — нойон Сэнгэбазар бэйлэ.

---

³ По данным, приводимым Ц.-Д. Номихановым, видно, что из 7 хошунов 4 были дербетскими, пятый хошун — мянгатским, шестой — олетским, седьмой — захчинским. Автор не включил в список 8 урянхайских хошунов, названия которых приводятся Д. Мөнх-Очиром: «Дархан засаг улсад туслагч гүнгийн нэгэн хошуу, Саруул засаг улсад туслагч гүн нэгэн хошуу, Итгэмжит засаг улсад туслагч гүн нэгэн хошуу, Зоригт засаг улсад туслагч гүн нэгэн хошуу, Ёст засаг улсад туслагч гүн нэгэн хошуу, Эетэй засаг улсад туслагч гүн нэгэн хошуу, Зүтгэлт засаг улсад туслагч гүн нэгэн хошуу, Жүн ванн нэгэн хошуу» [Мөнх-Очир 2012: 20].

7. Хошун Ра гуна — нойон Раши гун.
8. Хошун Эрдэнэ гуна — нойон Эрдэнэ гун.
9. Хошун Пандия бэйлэ — нойон Пандя гун.
10. Хошун Жажин гуна — нойон Жажинбал гун [Бямбажав 2012: 4].

Знатоки хранят и более подробную информацию о своих нойонах. Так, в Малчин сомоне Ц. Дамдинсүрэн рассказал о том, что в состав этой административной единицы при ее создании вошли хошуны Эрхэ вана и Жонон бэйлэ. В Зюн аймаке дербетского Далай-хана, по его сведениям, Жонон бэйлэ нойоны были следующими: Маш Бат (1753–1765), Буян Жаргал (1765–1774), Хотлох (1774–1781), Өлзий Бүтэх (1781–1803), Содномпил (1803–1808), Радна Базар (1809–1841), Нам Бадрах (1841–1854), Чагдыр Жав (1854–1900) Нацаг Дорж (1901–1919), Сенге Базыр (1919–1924). Нойоны Эрхэ вангийн хошуна в этот период были следующими: Цэрэн Мөнх (1753–1756), Баяндалай (1757–1758), Босхол (1759–1781), Наван Сенги (1781–1804), Мандир (1805–1866), Насан Тогтох (1869–1898), Бурал Нойон Бужу Түгэмэл (1899–1924) [ПМА: Ц. Дамдинсүрэн].

Таким образом, в годы после революции 1911 г. население современных Зунговь, Малчин, Тэс и Хяргас сомонов было включено в аймак дербетского Далай-хана и относилось к баитским хошунам. В «Справочнике монгольских аймаков, хошунов и сомонов» приводятся названия хошунов, составивших основу вышеперечисленных сомонов: «Сэцэн тушээ гүн Дондовын хошуу, Хурц улсад туслагч гүн Дандарын хошуу, Эрдэнэ засаг улсад туслагч гүнгийн хошуу, Мэргэн засаг улсад туслагч улсад туслагч гүнгийн хошуу, Эрх закаг хошой чин вангийн хошуу, Жонон бэйл Сагабазарын хошуу, Үйзэн бэйл Пандийжунайн хошуу, Эетэй засгийн хошуу, Дайчин жүн ван Самданжамын хошуу, Саруул засаг улсын түшээ гүн [хошуу], Баатар засгийн хошуу» [Мөнх-Очир 2012: 70]. Первые 4 хошуна вошли позднее в состав Зунговь сомона, следующие хошуны по два были включены соответственно в Малчин, Тэс сомоны; в Хяргас сомон были включены три хошуна, перечисленные в списке последними [Мөнх-Очир 2012: 19, 70]. С 1924

по 1931 г. вышеназванные хошуны баитов составляли Баянмандал уулын хошун и входили в аймак Чандмань уул [Мөнх-Очир 2012: 70]. А. Очир отмечает также, что в 1931 г. при образовании на основе Чандмань ула аймака Убсунурского аймака вместо прежних хошунов были образованы сомоны: из баитских хошунов Мэргэн гуна, Түшээ гуна, Эрдэнэ гуна, Хурц гуна был образован Зунговь сомон, из хошунов Эрхэ вана, Жонон бэйлэ — Малчин сомон; из хошунов Уйзэн (Пандиа) бэйлэ, Эетэй (жажин) гуна — Тэс сомон; из хошунов Сарул гуна, Еролт (Батар) бэйсэ, Дайчин вана — Хяргас сомон, и в 1952 г. одно из подразделений баитов было передано из Малчин сомона во вновь образованный Наранбулаг сомон [Очир 1992: 16].

Интересно, что в списке, приводимом Ц.-Д. Номинхановым, один из хошунов баитов числится в Барун аймаке Далай-хана. По данным же «Справочника монгольских аймаков, хошунов, сомонов» [Мөнх-Очир 2012: 70] число хошунов, составивших основу четырех баитских по составу сомонов Малчин, Зунговь, Тэс, Хяргас, на один больше. Хотя в устной традиции сохраняется представление о «десяти баитских хошунах», известно, что в 1754 г. дербеты и баиты были поделены между двумя чулганами (сеймами), и баитов, вошедших в этот период в Зюнгарский чулган «Сайн заяата», поделили на 11 хошунов [Очир 1992: 12–13]. В 80-х гг. XVIII в. в Зюнгарском чулгане «Сайн заяата» было 14 хошунов, в Барун чулгане — 2 хошуна. В результате административной реформы хошун Батар бэйсэ (Ерөөлт бэйсэ) был переведен в Барун чулган. С тех пор в Зюнгарском чулгане (Зюн аймаке Далай-хана) стали числиться 10 хошунов баитов, в связи с чем и появились понятия «арван баяд» (десять баитов), «баядын арван хошуу» (баитские десять хошунов). В 1750 г. всего в 11 баитских хошунах числились 586 семей баитов и 114 семей дербетов [Очир 1992: 14].

Численность баитов по данным последней переписи населения — 52 тыс. чел. [ПМА: Ш. Эрдэнэцэцэг]. Среди баитов встречаются представители большого количества обочков: «цорос, борлууд, харнууд, цагаагчуд, хошууд, тайджиуд, шарнууд, шарайд, харагчууд,

галвад, баарин, баргамууд, цамхад, монголмууд, хойд, их хойд, бага хойд, цагаан туг, ногоон туг, хотгойд, шангас, урианхан, өөлд, булгадар, савар, заамуд, бурдууд, бүрд, хасагууд, хотдууд, такаа (тахиа) нар, шаварнууд, нураанхан, хөхнүүд, цоохор, халиудууд, адуучин, шангас, шариуд, барга, долоон, саргажин долоон, бага долоон, нур долоон, сайн долоон, савсаг долоон, их мэйрэн долоон, бага мэйрэн долоон, чоно долоон, элдэн долоон, хойд долоон, нугас долоон, муу долоон, их долоон, солон долоон, шаазгай долоон, салбан долоон, салдан долоон, долоонууд, сонгод, ноён, хоноцууд, торгууд, тугтан, баяуд, шарагчид, борнууд, загтаамал, барлагууд, ноёныхан, тонгорууд, тугчин, жасынхан, харчин, шимшигид, хуургад, шигчид, хүйцэлэг, чоноохон, чонод, хоноцууд, хоривлой, булгад, байлзуурынхан, авгас, тайжнар, жиснар» [Очир 1992: 17; ПМА: Сүкэ, Ц. Дамдинсүрэн]. В том числе среди баитов Малчин сомона: «болдуд, харнуд, харагчуд, монголмуд, чонохон, салдангуд, булгадар, хойд, нуранхан, савар, галзад, шаазгай, тайж, цорол, мээрэнгуд, бүлчин, цагаачин, шангас, саргажин» [ПМА: Ц. Дамдинсүрэн].

Сакральные объекты баитов Монголии связаны с основной территорией их традиционного расселения. В каждом из сомонов имеются культовые места поклонения предкам — обо, которые представляют собой насыпи из камней либо сооружения из веток типа шалаша.

Культ обо включил разновременные пласты верований. Наиболее ранний пласт связан с почитанием территории и «хозяев местности», эти сакральные места также являются символами родовых территорий, на которых почитаются предки. С проникновением буддизма в обрядность были включены компоненты, связанные с буддийским культом.

«Западные монголы родовое обо воздвигали вблизи зимовки, на которой проживали из поколения в поколение, — единственном месте кочевого маршрута, которое закреплялось за семьей и передавалось по наследству. И в настоящее время монголы поклоняются своим родовым обо, выражая этим любовь и уважение к своим предкам» [Эрдэнэболд 2012: 33]. Обряды жертвоприноше-

ний на обо совершаются обычно один раз в году, дата проведения указывается буддийским ламой. Как отмечают байты [ПМА: Ч. Өнөрбат, Ц. Дамдинсүрэн и др.], обряд на обо может проводиться в начале теплого времени года или осенью. Во время «овоо тахилган» совершаются подношения частями сваренной туши барана, молочными продуктами, сладостями.

Овоо различаются по 4 категориям: «хий морины овоо», «адун овоо», «хонины овоо», «цагаан идээни овоо». Как отмечают информанты, различие состоит в буддийских текстах, читаемых на этих овоо во время обрядов жертвоприношений [ПМА: Ч. Өнөрбат].

В Малчин сомоне совершаются обряды жертвоприношения на следующих обо: Баянхайрхан, Яргайт, Хар азарга, Дүмбэрэл, Хөх өндөр, Эрдэнэ толгой, Хэц, среди которых наивысшей точкой является Яргайт овоо, расположенное на горе, достигающей более 2300 м. На территории данного сомона расположен ряд высоких гор: Баянхайрхан, Дүмбэрэл, Яргайт, Баянмандал, Хүрэн морь, Дарцагт, Давст, Хагийн Улан, Бор өндөр уул, Хойд тэрэм, Бөөмийн хар, здесь находятся высокогорные перевалы Марц, Хар хэм, Дархад, Далт, Өл, Хүрэн морьт.

Байты особенно почитают ряд гор: в Хяргас сомоне — Борхайрхан, Цаганхайрхан, Цэцэнхайрхан, Цогтхайрхан, Бугат, Булганхайрхан, Өвгөн, Тахилт, Буурал хайрхан, Салхит, Алаг, Ашир [ПМА: Ч. Онорбат]; в Малчин сомоне — Баянхайрхан, Дүмбэрэл, Яргайт [ПМА: Ц. Цэцэнхуу]; в Зунговь сомоне — Өгөөмөр, Шар толгой [ПМА: Ч. Өнөрбат]. На каждой из больших гор обычно воздвигают овоо.

Природные условия обусловили возникновение в культуре ойратских народов традиции почитания деревьев, особенно одиноко стоящих. Л. Эрдэнэболд отмечает, что «в каждой местности имелись свои священные деревья: у олётгов это покосившаяся ива в местности Наранбулаг, одинокая осина около реки Ховд, красивая осина у перевала Улан Дава, лиственница в местности Хонгион Гол, Сухайт Хайрхан, Таван Булаг, Хусны Гол» [Эрдэнэболд 2012: 48]. Как и другие монгольские народы, байты с древности почитали деревья, обычно одиноко растущие или имевшие при-

чудливые формы. Особо почитаются две причудливо изогнутые лиственницы в местности примерно в 70 км от центра Хяргас сомона, у которых, по преданию, стал делать жертвоприношения даянчи лама Тувшингийн Тувэндовдон (1865–1933), удалявшийся для медитации в расположенную рядом пещеру (названной позднее Даянчин агуй) [ПМА: Х. Цогтбаяр, Ч. Өнөрбат, Ж. Делек]. Этим деревьям приписывается особое свойство исполнять желания, а местности, где они растут, знаменитой пещере даянчи ламы, — особая энергетика [ПМА: Х. Цогтбаяр]. На растущие деревья запрещается повязывать ленты, поэтому рядом с сакральным объектом установлен высокий столб («сарагчин мод»), подпираемый большими камнями. Этот столб (изготавливаемый из лиственницы) почитается как «шүтээн» и называется «жамц (или жанцын⁴) модон». Верующие, пришедшие с хадаками, должны их повязать на «жамц модон», выступающий в данном случае как сакральный центр, на который возлагаются функции, приписываемые священному дереву, около которого установлен столб.

Местами поклонения буддистов-баитов являлись три монастыря. На карте, датированной 1931 г., которая выставлена в музее г. Улангом, обозначены два монастыря: Цалгарын Раш Даржалин хийд и Дэжээлингийн хийд, а также один дуган [ПМА: О.Батболд].

Первым по времени основания монастырем в десяти баитских хошунах был Цалгарын Раш Даржалин хийд [ПМА: Ц. Цэцэнхуу], основанный в 1814 г. Общая площадь монастыря составляла 1500 кв. метров, в его состав входили 4 дацана, 5 дуганов, 5 джас (самостоятельных хозяйств в монастыре) [Очир 1992: 15].

---

⁴ К сожалению, нами не выяснена этимология данного термина. Вероятно, что термин жанцын и его вариант жамц восходят к понятию жанцан, который в монгольской культуре означает знамя победы (санскр. dhvaja, тиб. gyal mtshan — джалцан) и символизирует победу дхармы над неведением. Знамя установлено на вершине горы Меру (Сумеру), центра мира, которая, считается, нерушима, пока существует наша Вселенная. Термин «джалцан» также обозначает эмблему в виде цилиндра, в буддийской традиции символизирующую полноту учения и устанавливаемую на крышах буддийского храма (в цилиндр помещаются печатные тексты молитв). Таким образом, «жанцын модон» подобен знамени на вершине священной горы, в качестве которой выступает ее символ — обо.

В баитской песне прославляется «белый дуган» — буддийский храм, множество духовных лиц, служащих в нем и прославляющих учение, а также горы Алтая и Хангая, с которыми связано представление о родном нутуке и предках:⁵

«Эср цаһан дуган Алтн сээхн ганжрта. Ач төгс ламнь Арьябалын дүрстэ. Дүнгәһэд деер һархд Дуңган татна. Дүүргсн улан шевнр	Необыкновенный белый дуган С красивым золотым ганджуром. Ламы его, преисполненные заслуг, Имеют облик Арьябалы. Когда всходят с достоинством наверх, Играют на дунге (раковине). Наполнившие [дуган] ученики в красном одеянии,
Даншг өргэд мөргнэ. Баһ харһан экнд Баядын дацң байрлна. Багшрсн оln шевнр	Поднося жертвоприношения, молятся. На окраине соснового леса Радует [взгляд] дацан баитов. Множество учеников, преподающих [учение],
Даншг өргэд мөргнэ. Чөтгр зеткриг эрлгэгч Чойжин ламын сәкүстэ Чөмжрсн оln шевнр	Поднося жертвоприношения, молятся. Изгоняющие чертей и напасти, Имеющие покровителем Чойжи ламу, Преклонившие [колени] множество учеников,
Даншг өргэд мөргнэ. Һә-зеткриг эрлгэгч Гачин Гавж ламин сәкүстэ Һәэхүлсн оln шевнр	Поднося жертвоприношения, молятся. Изгоняющие беды-напасти Имеющие покровителем Гачин Гавджи, Достойные удивления множество учеников,
Даншг өргэд мөргнэ. Барцад-зеткриг эрлгэгч Багш ламын сәкустэ Багшрсн оln шевнр	Поднося жертвоприношения, молятся. Изгоняющие беды-напасти, Имеющие покровителем Багши ламу Множество учеников, преподающих [учение],
Даншг өргэд мөргнэ.	Поднося жертвоприношения, молятся.

---

⁵ Текст песни мы представляем в современной калмыцкой графике.

Алтай деер хархла
Алгн делкэ үзгднэ.
Ардан эргэд хэлэхд
Аав ээж сангдна.
Хангай деер хархла
Хамг делкэ хэлэгднэ.
Хэрү эргэд хэлэхлэ
Хатн ээж сангдна».

Когда взойдешь на вершины Алтая,
Видится вся золотая Вселенная.
Если посмотришь назад, обернувшись,
Вспоминаются отец с матерью⁶.
Когда взойдешь на вершины Хангая,
Вся Вселенная видится.
Если посмотришь, обернувшись,
Мать, подобная госпоже,
вспоминается

[ПМА: Ц. Дамдинсүрэн]

В Малчин сомоне в настоящее время действует Цалгарын хийд — буддийский храм, который построен по инициативе и участию гелюнга Бандийн Санж в 1993 г. В этом буддийском храме Гандан Раш Даржалин хийд в настоящее время проводят службы хамба лама Цэвэн гэцэл (Ц.Цэцэнхуу), Оюун гэцэл (О. Батболд), Цэвэл гэцэл (Ш. Ширчин), Од-Гэрэл гэцэл (О. Од-гэрэл). Во время богослужений обычно читаются молитвы на тибетском языке, однако сутры на ойратском «ясном письме» также читаются в храме: так, одну из рукописей для членов экспедиции, побывавших в этом храме, прочитал сутру Оюун гэцэл. В 2013 г. состоялись мероприятия, приуроченные к 20-летию Цалгарын Раш Даржалин хийда.

Наиболее известный из баитских монастырей, самый крупный из них — Дэжэлингийн хийд — основан в 1875 г. в местности Төвд, где был построен из дерева и глины храм. Его образование связано с отделением одного из храмов от Цалгарын Рааш Даржалин хийд (монастыря Цалгарын Раши Даржалинг). Верующие аймака являлись прихожанами данного храма, среди монахов были как баиты, так и дербеты, однако прежде всего в ученики шли представители местного населения. Как отмечают жители Хяргас сомона, Дэжэлингийн хурэ являлся главной святыней («гол шүтэн») для десяти баитских хошунов. Во всей Западной Монголии только в этом хра-

---

⁶ В языке ойратов Монголии, в отличие от современного калмыцкого языка, слово ээж означает «мать», слово аав — «отец».

ме проводился Жахир цам, здесь проводилось большое торжество — праздник «Круговращение Майдари». Кроме того, здесь работала печатня, в которой ксилографическим способом издавались книги, календари [ПМА: Ц. Цэцэнхуу]. В библиотеке монастыря имелись полные собрания Ганджура и Данджура.

В 1937 г., в период атеистической пропаганды, Дэжэлингийн хурээ был закрыт и вновь открылся только в 1991 г. По сведениям А. Очира, в состав Дэжэлингийн хийда входили 9 дацанов, 11 дуганов, 10 джас [Очир 1992: 15]. По другим данным, в Дэжэлингийн хурээ имелись: Цогчин дуган, Чойр дуган, Жүд дуган, Дуйнхэрийн дуган, Зуугийн сүм⁷, Сахиусын сүм, Зонховын сүм, Данжуурын сүм, Майдар сүм, Едам сүм. Кроме того, в монастыре был возведен субурган, здесь располагались молитвенные барабаны — хурдэ, а также стояли юрты монахов. В Данжуурын сүм летом проводили службу Жахин, осенью — Цаган Шукурту, весной — Дуйнхор. В Чойр дугане проводили службу Дагсал. В сюме Едам располагалась джаса. В сюме, посвященном божеству-покровителю (Сахиусан сүм), проводили службы в честь сахиусана. В главном — Цогчин дугане — проводили большие собрания, весной — службы ёрөөл, летом — службу мани, а осенью и зимой — докшитские богослужения. Байты представляют хозяина почитаемого ими места Дэжэлийн хурээ с многоглавой змеиной головой, а хозяйку хребта Хан Хөхий — девушкой [Эрдэнэболд 2012: 38]. В Хяргяс сомоне близ места, где стоял Дэжэлингийн хурээ, установлен субурган, надпись на котором гласит, что его установили служившие в монастыре гавджи Дожоо и другие ламы.

Среди других сакральных мест байтов следует отметить также дуган Даянчи Мэгзэма, располагавшийся у Булган ула близ Хяргяс сомона.

Таковы предварительные итоги изучения сакрального наследия байтов — одного из наиболее многочисленных ойратских народов Монголии.

---

⁷ Сүм (сюме) — храм.

Литература

Эрдэнэболд Лхагвасурэн. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / пер. на рус. яз. Ганбат Нямбаг, С.Б. Миягашева, Ж.Б. Бадагаров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. 196 с.

Дэмбэрэляньм Ч. Нар тоссон нутаг. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 317 с.

Мөнх-Очир Д. Монгол улсын аймаг. Хошуу, сумын лавлах. Хошуны ноёдын жагсаалт. Улаанбаатар: [б.и.], 2012. 125 с.

Номинханов Ц.-Д. Баруун Монголын дөрвөдийн зан үйлийн аман зохиолоос. Улаанбаатар: ШУА, Хэл зохиолын хүрээлэн, 2008. 216 с.

Очир А. Монголын Ойрадуудын түүхийн товч. Улаанбаатар: Ойрад монголын соёл, иргэншил нийгэмлэг, 1992. 94 с.

Очир Аюудайн Тайжиуд, Сэржээ Жамбалдоржийн Бэсүд. Монголчуудын овгийн лавлах. Улаанбаатар: ШУА-н Информатикийн Хурээлэнгийн хэвлэх хэсэг, 1998. 67 с.

Бямбажав П. Бурханаас заяатай Булган Хангай нутаг минь. Улаанбаатар: Мөнхийн Үсэг, 2012. 43 с.

Полевые материалы автора, собранные во время экспедиции 2013 г. (ПМА)

Список информантов

Ц. Батцогт — Хяргас сомон, баит, булгадар овогта, 1971 г.р.

Ж. Дэлэг — г. Улангом, джангарчи, дербет.

Ц. Дамдинсүрэн — Малчин сомон, баит, ик цаган тайджи овогта, 1939 г.р.

Г. Мигмир — Хяргас сомон, баит, борлуд овогта, 1963 г.р.

Оюун гэцэл (О. Батболд) Гандан Раш Даржалин хийда — Малчин сомон, баит, 1974 г.р.

Ч.Өнөрбат — Хяргас сомон, баит, тугут овогта, 1950 г.р.

Сүкэ — Хяргас сомон, баит, таканр овогта, 1939 г.р.

Х.Цогтбаяр — Хяргас сомон, баит, бутадар овогта, 1981 г.р.

Ц.Цэцэнхуу Цэвэн гэцэл — хамбо лама Гандан Рааш Доржалин хийда — Малчин сомон, баит, салтгуд овогта, 1974 г.р.

Ш.Эрдэнэцэцэг — г. Улан-Батор, баитка, 1964 г.р.

МОНАСТЫРЬ ДЭЖЭЛИН В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ (по материалам экспедиции в Убсунурский аймак в 2013 г.)*

Среди старинных монастырей Западной Монголии выделяется Дэжэлин (Дэжайлин хийд), расположенный в Хяргас сомоне Убсунурского аймака. Хяргас сомон основан в 1931 г., его население — 80,5 тыс. человек по состоянию на 2009 г. [Очерки Западной Монголии 2012: 75]. Территория аймака богата железной и медной рудой. Крупнейшее озеро — Хяргас (монг. Хяргяс нуур) — бессточное, соленое, расположено в Котловине Больших озер [www.uvsnutag.mn].

Монастырь основан в 1875 г. [ПМА] (по другим данным — в 1814 г. [Майдар 1970: 215]) на реке Байца, в кочевьях баитов.

Покровитель монастыря — божество Балдан Лхамо, которая считается защитницей всех монастырей аймака [ПМА]. В буддийском пантеоне этот персонаж ранга дхармапал (монг. догшид) считается охранителем веры и учения и связан с древним культом божества-праматери. Как определяет А. М. Позднеев, докшиты — это собственно будды и бодхисаттвы, «хранители внешнего мира», их насчитывается немалое число, среди которых есть и «Ухин-тэнгри (монг. Охин тэнгри, тиб. Лхамо)» [Позднеев 1993: 307]. В изображениях на живописных иконах — танка — ее можно встретить в свите Джамсрана (монг. Эгэчи Дуу), она, согласно описанию А. М. Позднеева, стоит «по правую сторону этого бурхана», трехликая, с «зубами белыми, как раковина, с изумрудными бровями и огненными волосами, украшенными яшмою и лазуриком <...>

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-21-03003.

в правой руке находится поднятый на врагов веры медный меч, а в левой — железный гвоздь, приколачивающий к одному месту препятствия (к спасению)» [Позднеев 1993: 330]. Надо сказать, что «отправление докшитских хуралов <...> началось в Монголии собственно не ранее 70-х годов прошлого столетия (XVIII в. — К.О.) <...> С тех пор докшитское служение совершается в Халхе всегда в первой половине дня, хотя может продолжаться и до глубокой ночи» [Позднеев 1993: 320, 322]. Исследователи указывают на ряд ее форм (Мачид Бэл Лхамо, Барджи Лхамо, Дуйши Лхамо и др.) и определяют как «Великая хозяйка жизни», «Сиятельная богиня воительница», «защитница Учения» и др. [Жуковская 1977: 19; Сыртыпова 2003: 78, 171].

Калмыки почитают Лхамо (калм. Окн тенгр) как «хозяйку домашнего очага; богиню, спасающую род человеческий от исчезновения; покровительницу плодородия и возрождения жизни» [Бакаева 2004: 184; Батырева 1991: 13]. Также эта небесная дева (или Дева-Небо) ассоциируется с культом огня и с праздником Цаган сар [Бакаева 2003: 182–183]. В канун Цаган сара ее торжественно встречают, читаются молитвы. В Монголии на 15-й лунный день Цаган сара читаются гимны докшитам, в частности Охин тенгри [Позднеев 1993: 282]. Существуют разные сюжеты об освобождении небесной девы от мангусов и ее возвращении домой [Бакаева 2003: 183, 184]. Надо отметить, что «в добуддийской мифологии западных бурят <...> она может вызывать болезни, падеж скота, смерть и бесплодие, особенно опасна для беременных женщин», хотя сейчас подобное понимание этого образа практически не встречается [Сыртыпова 2003: 129]. У калмыков же она еще имеет и «образ милостивой богини» [Бакаева 2003: 183].

Судьба монастыря, по большей части трагичная, заслуживает углубленного исследования. В 1911 г., согласно описаниям А. В. Бурдукова, именно в Дэжэлин монастыре нашли укрытие китайские чиновники и торговцы, подвергшиеся изгнанию из страны. Повстанцы «разогнали скот, отобрали товары и сожгли книги», китайские торговцы в панике бежали, укрывшись временно в Дэжээлин монастыре. Погромы китайских факторий (Да Шэн-ху,

Тянь И-дэ, Юань Шэн-дэ), часть которых располагалась в низовьях реки Тэс, начали урянхайцы, затем к ним присоединились байты. Укрывшимся в монастыре китайцам повстанцы выдвинули ультиматум — «выдать торговые книги, угрожая, в случае отказа, разгромить монастырь» [Бурдуков 1969: 54]. Дело заключалось в том, что китайские лавочники, агенты крупных фирм, мелкие торговцы сбывали местному населению шелковые и хлопчатобумажные ткани, чай, табак, глиняные изделия, предметы домашнего обихода в долг, а сумму долга записывали в торговые книги. Причем погашать долг араты должны были под высокий процент (обычно он устанавливался под 36%) «определенным видом сырья или скота». Если кредит не погашался в установленное время, «сумма процента прибавлялась к общему долгу, и начислялся новый процент на общую сумму» [История МНР 1967: 205]. В конечном счете представители местного населения становились должниками, а как результат — «нищими и пастухами чужих стад» [История МНР, 1967: 205]. Вот почему повстанцы требовали торговые книги, а получив их, сжигали. Так действовали араты практически во всех аймаках Западной Монголии. Все это выразительно показывает А. В. Бурдуков: «под вечер подъезжали несколько монголов, начинали кричать, ругаться, требовать, чтобы китайцы скорее уходили <...> Китайцы убегали, добро их растаскивалось, конторские книги, как правило, сжигались». А вот как автор описывает разгром фактории Да Шэн-ху: «<...> помещения сожжены, у кладовых крыши провалились, двери выломаны, пшеница, ячмень, немного муки рассыпаны, очевидно их не успели растащить. Жуткое впечатление усиливали два огромных черных цепных пса, погибавших, видимо, голодной смертью. Услышав наши шаги, они едва-едва залаяли, пытаясь охранять разрушенное пепелище. Громить эту факторию приходили большой ватагой урянхайцы и байты, конечно, не без участия и местных сартульцев» [Бурдуков 1969: 54, 55, 63].

Другой интересный факт из жизни описываемого байтского монастыря также представлен А. В. Бурдуковым, и связан он с Джа-ламой (Дамби-Джалцаном) и Джалханза-гэгэном. В феврале

1911 г. по дороге на Хангельцикскую факторию (т. е. к себе на зимку) Бурдуков познакомился с двумя ламами, один из которых явно заинтересовал его как «человек бывалый, знающий не только Монголию, но также и Китай, осведомленный о России». Он-то и оказался Джа-ламой, тесное общение с которым продолжалось около двух лет. Джа-лама оказался грамотным человеком, знал китайский, тибетский языки, довольно посредственно говорил по-русски. По мнению Бурдукова, в нем наблюдались следы русофильства: он любил хлеб, масло, «вообще русский стол, жену Бурдукова попросил сшить русскую рубаху, ходил в русскую баню» [Бурдуков 1969: 66]. Его любовь ко всему русскому выразилась однажды и в том, что на представление цама баитские князья прибыли «кто в русских сапогах, кто в русской шляпе или фуражке» [Бурдуков 1969: 98]. Со временем Дамби-Джамцан построил перед своей ставкой искусственный водоем: баитские ламы из Дэжэлин монастыря после молебствий помогали ему в строительстве. Что интересно — чистота в ставке Дамби-Джамцана послужила примером и для монастыря Дэжэлин, «узкие улочки и площадь которого приняли необычайно чистый вид» [Бурдуков 1969: 97]. Тогда же в присутствии Джа-ламы в Дэжэлин монастыре тибетец Гачин-лама устроил мистерию цам, на который собрались местные жители, знатные баитские князья и чиновники.

Неоднократно в Дэжэлин монастыре останавливался Джалханза-гэгэн, перерожденец, один из влиятельнейших иерархов буддийской церкви в Монголии, особо чтимый в Западной Монголии. Там же неоднократно Бурдуков встречался с гэгэном, фотографировал его. Во время приезда его очень радостно приветствовали и местные жители, а в «монастыре царило большое оживление, какое бывает обычно на ярмарке <...> на юго-восток от монастыря на пригорке у ключика стояло несколько шатров, палаток, прекрасных войлочных юрт», в одной из которых и поселился гэгэн [Бурдуков 1969: 75].

Дальнейшие события в Монголии самым трагичным образом сказались и на буддийской церкви. В 1938 г. унзад Дамбий в последний раз провел службу, после чего на долгие годы монастырь

был закрыт [Арван баядын гал 2012:34]. Какое-то время в монастыре располагался склад, затем магазин. Закрытие монастырей проходило в Монголии повсеместно и было связано с «левым уклоном».

В том же, 1938 г., Дэжэлин монастырь был разрушен. Начало массового уничтожения монастырей было положено в середине 20-х гг. XX столетия, когда лам насильственно обращали в мирян, личное и монастырское имущество (скот, храмы) облагалось налогом. В 1925 г. начала проводиться борьба с «левыми уклонистами», которые, по мнению руководства Монгольской народно-революционной партии (МНРП), «извращали политику партии в отношении религии» [История 1967: 336]. Основная мотивация проводимой государственной политики состояла в том, что простое, или «низшее», звено ламства нещадно эксплуатировалось его верхушкой. С 1932 г. по 1939 г. общее число арестованных лам составляло свыше 50 тыс., примерно половина из них были расстреляны. В период с 1929 по 1932 г. в Западной Монголии было выявлено несколько групп лам, организовавших мятежи (впоследствии они были ликвидированы). Самым крупным восстанием стал мятеж в монастыре Тугс буянтын хурэ (основан в 1745 г.), располагавшемся в сомоне Тургэн (местность Дэлгэр мурэн) Убсунурского аймака [Майдар1970: 215]. Мятеж распространился и на другие аймаки Монголии. Это событие послужило поводом к полному запрету буддийской религии в стране.

В 1990-е гг. началось восстановление монастыря Дэжэлин верующими, которые обратились к старейшему ламе Ганболдын Сид с просьбой указать место строительства. Г. Сид в шестилетнем возрасте начал обучаться в Дэжэлин монастыре, в 15 лет был направлен в Их хурэ (Урга, Улан-Батор) в дацан Идгай Чойзолин монастыря Гандантэгчинлин для изучения буддийской философии. В 1937 г. был арестован, в 1940 г. освобожден, в 1960 г. — реабилитирован [Арван баядын гал 2012: 84]. Судьба еще раз свела Г. Сиду с местом обучения, дацаном Идгай Чойзолин: в начале 1990-х гг. он занимался его возрождением, проводил богослужения в качестве ламы. Когда пришло время возрождать Дэжэлин

монастырь, Г. Сид осмотрел несколько мест и указал на территорию рядом с музеем [Арван баядын гал 2012: 34]. Многие жители участвовали в строительстве, помогали кто чем мог — деньгами, строительными материалами и др. В день открытия монастыря собрались жители из близлежащих сомонов (Наранбулаг, Цагаанхайхан, Тэс), из аймачного центра г. Улангома, ламы читали священные буддийские тексты «Алтан гэрэл», «Сундуй». Возглавил Дэжэлин монастырь Б. Алдар, в настоящее время хамбо-лама — Довдоны Сухэ (74 года) [ПИМА]. Ныне в штате монастыря семь лам и пять учеников. Возрождение Дэжэлин монастыря продолжается.

Литература

- Арван баядын гал* голомт. Хяргасынхан-П. Дэлгэр, 2012. 227 с.
- Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство: Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М.: ГРВЛ, 1977. 199 с.
- История Монгольской Народной Республики.* Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1967. 537 с.
- Майдар Д.* Архитектура и градостроительство Монголии. М.: Стройиздат, 1970. 216 с.
- Очерки Западной Монголии. Традиции и современность.* Т. 1. Кемерово: Примула, 2012. 206 с.
- Сыртыпова С.-Х.* Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники). М.: Издат. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2003. 238 с.
- Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 512 с.
- Увс аймак [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uvsnutag.mn> Дата обращения: 25.08.2013.

ДОМАШНИЙ АЛТАРЬ В СОВРЕМЕННОМ БУРЯТСКОМ ЖИЛИЩЕ: ТРАДИЦИЯ И ОБНОВЛЕНИЕ*

Национальное возрождение, включающее и религиозное возрождение, затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. В определенной степени процесс восстановления религиозной традиции касается и организации жилого пространства в соответствии с необходимостью размещения в современном доме алтаря. Исследование этого важного элемента культовой системы буддизма или шаманизма — конфессий, в равной степени претендующих на статус этнонациональной религии бурят, является особенно актуальным и эффективным в анализе развития процесса религиозного возрождения. Алтарь в современном жилище бурят устраивается в соответствии с традициями шаманизма или буддизма, которым следует та или иная бурятская семья. Его расположение в жилище, включение в систему религиозных практик (повседневное, ocasionальное), комплектация, запреты, соблюдаемые по отношению к алтарю, являются показателями степени религиозности населения, уровня трансформации норм и устоев религиозного сознания, религиозной культуры населения.

Расположение в жилище. Приступая к рассмотрению устройства алтарей в современном бурятском доме, например, в квартире, необходимо знать, как был устроен алтарь и где он располагался

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 33 «Взаимодействие религиозных институтов и общин Бурятии в условиях социокультурной модернизации»

в бурятской юрте. Алтарь в традиционном бурятском жилище располагался в наиболее почетной части юрты — хойморе, напротив входа. В соответствии с вероисповеданием бурят, алтари различались как буддийские и шаманские, специфика которых состояла в их расположении внутри жилища, в форме алтаря и его наполнении. Шаманский алтарь, как правило, находился в северо-западном секторе юрты, буддийский — напротив входа. Шаманский алтарь у западных бурят, проживавших в деревянной юрте или доме, организовывался в виде полок, которые прикреплялись к стене. На полках расставлялись культовые атрибуты — *онгоны*, специальная посуда, священные камни, на которых преподносили жертвы духам. Алтарь, который никто из посторонних не должен был видеть, по обычаю закрывали специальными шторками. Только глава семейства имел право ухаживать за алтарем, чистить культовые атрибуты, совершать необходимые обряды. Буддийский алтарь имел форму деревянного шкафчика, устанавливался на специальный столик *ширээ*. Эти предметы расписывались в едином стиле традиционными узорами с буддийской символикой. Культовые атрибуты — скульптуры божеств, раковины каури и другие предметы устанавливались внутри шкафчика. Рядом или сверху на шкафчик помещали буддийские религиозные книги, лампадки. В этой же части юрты в дни религиозных праздников развешивались буддийские иконы с изображениями божеств. Ежедневно божествам подносили чай, чистую воду, молоко, кусочки пищи — сахар, конфеты, печенье.

По отношению к домашнему алтарю у бурят соблюдался ряд запретов. В традиции всех монгольских народов в юрте строго возбранялось сидеть, вытянув ноги в направлении алтаря. Посторонним (представителям чужого рода), женщинам запрещалось проходить в ту часть жилища, где находился алтарь.

Особенно строгими были запреты в традиции западных бурят-шаманистов, в жилище которых помимо самого алтаря в священной части юрты находились и другие конструктивные элементы дома, связанные с культовыми предметами, например священный столб *хоймор тээни/ тэнги*, к которому также прикреплялись *онгоны*. Женщины избегали проходить вблизи сакрального столба,

опасаясь гнева *онгона*, который мог наслать болезни. По этой же причине женщины никогда не подходили к *хоймору* и с внешней стороны дома (со стороны двора). Такого рода запреты осложняли жизнь женщинам-невесткам в больших бурятских патриархальных семьях. Невестка только после особого обряда, совершавшегося пожилыми женщинами улуса по просьбе свекрови, получала право проходить на сакральную часть жилища свекра и производить там уборку.

Культовые предметы, которых не должна была касаться женщина, могли находиться и других частях мужской половины жилища. Что касается культовых предметов женской хозяйственной сферы, то запреты, подобные упомянутым выше, внутри семьи не отмечаются.

Каким образом решаются вопрос расположения алтаря, непростые задачи соблюдения особых правил и ограничений, сопутствующих функционированию алтаря в традиционной бурятской культуре в современном жилище, как правило, многоквартирном доме? Относительно устройства алтаря в квартире можно сказать, что во внимание принимаются разные маркеры пространства традиционного жилища. Для многих бурят одним из основных ориентиров при устройстве домашнего алтаря является его расположение у северной стены в юрте. Как известно, юрты монгольских народов традиционно ориентированы входом на юг. При этом алтарь занимает противоположную входу стену жилища, т.е. северную. Опираясь на этот ориентир, домашний алтарь устраивают у северной стены главной комнаты — зала (гостиной).

Другим важным условием может стать позиция алтаря по отношению к входной двери в комнату. В соответствии с этим условием алтарь располагают напротив входа в комнату. Следуя традициям шаманизма, согласно которым домашний алтарь не должны видеть посторонние, в некоторых бурятских семьях шаманские культовые атрибуты не находятся в общественных комнатах. Их хранят в укромном месте, в спальне.

Для пожилых членов бурятской семьи может быть чрезвычайно важным вопрос, каким образом устроена комната квар-

тиры, расположенной на верхнем этаже, т. е. комната, которая находится над алтарем. Как считают старики, крайне нежелательно, чтобы над тем местом, где расположен домашний алтарь, находилась кровать соседей, проживающих в верхней квартире, и особенно кровать женщины, которая согласно традиционным представлениям бурят, считалась *бузаар* — «нечистой». *«В моей памяти сохранились запреты бабушки забираться на чердак главного дома, где находился домашний алтарь. Если нужно было достать с чердака хранившиеся там вещи, просили мужчин. Гнев бабушки вызывали и кошки, которые гуляли по крышам домов»* [ПМА: Галданова А. Р.]. Кошка в представлениях монгольских народов, в противоположность собаке, считалась плохим животным, «нечистым», которое навлекает на человека беды. В мировоззрении кочевников, в хозяйстве которых кошке не нашлось применения, позитивный образ этого животного так и не сложился. Следует отметить, что и другие представители семейства кошачьих, такие как рысь, ирбис у многих этнических групп монголов считаются животными с «черным следом», т.е. приносящими несчастье. Таким образом, считалось, что кошка, приблизившаяся к алтарю, могла его осквернить и навлечь на хозяев дома гнев божеств.

В современных бурятских семьях, не обремененных знаниями о традиционной культуре, кошкам, ставшими домашними любимцами, даже разрешается спать на верхней полке шкафа, где находится домашний алтарь.

Наполнение алтаря. Обязательным атрибутом современного буддийского алтаря в семьях верующих является иконографическое изображение божества богатства «Намсарая». Часто встречаются иконографические и скульптурные изображения Белой Тары «божество жизни» и Зеленой Тары. В семьях, где есть школьники и студенты можно найти изображение «Очирвани» — божества, которое, как считается, покровительствует образованию. Ламы рекомендуют иметь и изображение Белого старца «Сагаан уругуна» — в целях сохранения благоденствия в доме. Согласно преданию о появлении этого божества, Сагаан уругун в своей ипостаси хо-

зияина горы Жимэсту в Индии поклялся Будде распространять благоденствие среди живых существ земли, вселенной и исполнять повеление, проповеданное Буддой. В силу того, что Белый старец связан таким обетом, данным Будде, он дает людям долголетие, молодым дарует богатство, силу, счастье, благополучие, ограждает от различных ссор и драк, болезней ... поэтому его очень почитают, говорят: «Белый старец — умножающий хорошее» [Нацов 1995]. В юртах монголов-скотоводов иконографические изображения Белого старца и поныне являются наиболее распространенными, так как именно это божество считается покровителем домашнего скота и всей природы в целом.

Часто, особенно в сельской местности, в домах бурят встречаются религиозные книги — наследие предков, которые сохранились в домах верующих, избежав участи уничтожения в период антирелигиозной пропаганды и борьбы с религией. Сегодня функция буддийской религиозной книги — пассивная. Однако, по убеждению верующих, само физическое присутствие священной книги оказывает некий благотворный или защитный эффект. Некоторые верующие осведомлены о том, какое значение для семьи, хозяйства имеет та или иная книга [Цыремпилов, Базаров 2009]. В ритуальный комплект алтаря входят разнообразные чашечки для подношений — *сугсэ*, свечи, благовония, раковины каури, четки, хадаки, опахало из павлиньих перьев.

В доме верующих-буддистов помимо алтаря есть и другая зона, которая маркируется изображением божества, в чьи обязанности входит защита входа в дом от злых духов, приносящих болезни, ссоры и другие несчастья или буддийских атрибутов, обладающих такими же функциями. Обычно изображение этого божества сопровождается специальными текстами. Его помещают над дверью. Предполагаем, что это могут быть изображения божеств-охранителей жилища, наподобие домашних божеств бонской ритуальной традиции, священных предметов-оберегов, в частности изображение Пурба Дамдина, руйбал, приведенные в монографии К. М. Герасимовой «Обряды защиты жизни» [Герасимова 1999]. В домах бурят-шаманистов аналогичные функции выполняют пред-

меты, на которые традиционно возлагаются функции защиты дома от проникновения злых духов. Это ветки колючих растений, например шиповника, медвежья лапа, березовый деготь, острые режущие и колющие предметы — нож, игла, шило.

Относительно шаманского алтаря в современном доме можно сказать, что сакральных мест, предназначенных для размещения атрибутов шаманского культа, так же как и в традиционной бурятской юрте, может быть несколько. Например, в доме бурят-шаманистов выделяется локус «монгол-бурхана», духа, покровительствующего данному дому, иными словами, выполняющего функции «домового». Место «обитания» *монгол-бурхана* в квартире помогает обнаружить шаман, совершив специальный обряд. Он дает рекомендацию семье, где следует разместить специальную полочку или уголок для духа. На ней устанавливают ритуальную посуду, в которой преподносят духу угощение — конфеты, печенье.

Семья, имеющая в роду предков, занимавшихся кузнечным ремеслом, может почитать алтарь своих предков и покровителей кузнечного ремесла. Атрибутами такого алтаря могут быть миниатюрные орудия кузнеца — клещи, наковальня, молоток и другие предметы.

Правила обращения с алтарем. В современных бурятских семьях мало кто знает и соблюдает порядки, ограничения, касающиеся обслуживания алтаря. Одним из главных ежедневных ритуалов является подношение божествам первого утреннего чая, молока. Ритуальную посуду в связи с этим необходимо ежедневно очищать. Такую посуду нельзя смешивать с обычной, для нее используется отдельный инвентарь, который не используется для «мирской» посуды. Желательно ежедневно очищать и сам алтарь — в прошлом это действие входило в круг домашних обязанностей каждой бурятской женщины, что отмечает в своих наблюдениях Г.-Д. Нацов: «Женщина вставала утром раньше всех, разжигала огонь в очаге, делала уборку в доме, освежала домашний алтарь, готовила утреннюю пищу, доила коров...» [Нацов 1995: 27]. Сегодня соблюдать эти требования удается не всем. Обычно

ритуальную часть повседневного быта семьи исполняют старшие члены семьи, чьи «жреческие» функции регламентированы возрастом и социальным статусом. Как правило, они же располагают свободным временем.

В непростой ситуации оказываются молодые семьи, в составе которых нет пожилых членов семьи. Несоблюдение определенных требований, которые сопутствуют наличию в доме алтаря, может привести к негативным последствиям. Непочтительное отношение к божествам и месту, где они располагаются, может вызвать болезни, неудачи, ссоры и другие неприятности. В разные деструктивные для бурятской веры (и шаманской и буддийской) периоды, отмеченные борьбой буддийского духовенства с шаманизмом, революцией, войнами, длительным периодом воинствующего атеизма, старики–шаманисты, опасаясь, что со стороны потомков *онгонам* семьи не будет оказываться должное внимание и боясь гнева духов, совершали специальный обряд отправления *онгонов* в страну предков. *Онгоны* сжигали, отправляли на плотике вниз по течению реки¹, прятали в лесу. Аналогичным образом поступали с буддийскими иконами, скульптурами божеств, книгами буряты-буддисты.

Как показывают современные исследования буддийской книжной культуры в бурятских семьях, исповедующих буддизм и проживающих в сельской местности, в мировоззрении людей сохранились рудиментарные знания о содержании религиозных книг, их функциях, правилах обращения с книгами. При этом исследователи отмечают двойственное отношение к наличию подобных сакральных атрибутов в доме — одни респонденты придерживаются мнения, что наличие в доме религиозных книг обязательно — если книги покинут дом, семью могут постигнуть несчастья, другие выражают готовность расстаться с книгами и пере-

---

¹ В мировоззрении бурят, в частности, присутствовал образ реки как «дороги» в иной мир. Рудиментарно существование данного образа реки проявляется в способе вынужденного избавления от семейных покровителей — онгонов. Если в семье по определенным причинам некому было почитать онгонов, старики были вынуждены избавляться от них. Прощаясь с онгонами, старики сплавляли их на плотике по течению реки — так онгоны возвращались к предкам.

дать их безвозмездно в буддийский храм из этих же соображений [Цыремпилов, Базаров 2009]. Аналогичная ситуация складывается и по отношению к другим культовым атрибутам. И все же опасение разгневать божеств и священные книги из-за собственного невежества, неправильного обращения с культовыми атрибутами, преобладает над опасностью навлечь гнев божеств, передав их в ведение священнослужителей при буддийском храме.

Понимая такого рода проблемы, буддийские священнослужители предлагают таким семьям возложить бремя ухода за алтарем на лам. Люди могут преподнести изображения божеств, буддийские книги и другие культовые атрибуты в качестве дара любому буддийскому храму, где им будет обеспечено правильное содержание. Имеют место и другие предложения со стороны буддийской церкви. Так, например, в Бурятии впервые священнослужителями дацана Тункинского землячества был предложен верующим чрезвычайно интересный и устраивающий как верующих, так и лам выход из данного положения. Верующие, желающие находиться под покровительством своего *сахуисана*, могут приобрести изображение (скульптуру) божества в храме за определенную сумму. Скульптура божества-покровителя впоследствии устанавливается в храме, на обряд его посвящения приглашается вся семья. С этого времени у семьи появляется свой покровитель, который будет оберегать людей от опасностей, болезней. Верующие в любое время могут приходить в храм и молиться своему *сахуисану*.

Многогранный процесс возрождения религиозной культуры среди бурят, в настоящее время преимущественно городских жителей, демонстрирует своеобразные пути эволюции бытовой обрядности свойственной буддийской и шаманской традициям, трансформацию религиозных представлений. Интерпретация религиозных истин в новых версиях, адаптированных к современным условиям, отмечается как в сознании народных масс, так и в популярном вероучении, распространяемом буддийской церковью.

Литература

Герасимова К. М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии. Улан-Удэ, 1999.

Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. I. Улан-Удэ, 1995.

Цыремпилов Н. В., Базаров А. А. «Ординарный человек» и буддийская книжность // От Дуньхуана до Бурятии. По следам тибетских текстов. Улан-Удэ, 2009. С. 41–49.

Список источников /Полевой материал автора:

Информатор Галданова А.Р., 1932 г. Закаменский район, Республика Бурятия.

ДУВА СОХОРЫН ДӨРВӨН ХӨВҮҮН ДОБУН МЭРГЭН АВГАА УРАГ ҮЛ БОЛГОСНЫ УЧИР

Монголын Нууц Товчооны (цаашдаа — МНТ) энэхүү зүйлийг эрдэмтэд янз бүрээр хөрвүүлэн буулгасан байдаг. Тухайлбал, академич Ц. Дамдинсүрэн «Дува сохор ах нь дөрвөн хөвүүнтэй бүлгээ. Дува сохорыг үхсэний хойно түүний дөрвөн хөвүүн, Добу мэргэнийг авга гэж үзэхгүй доромжилж салж нүүгээд дөрвөд овогтон болов» [Дамдинсүрэн 1990: § 11], академич Д. Цэрэнсодном «Дува Сохор ах нь дөрвөн хөвүүнтэй бөлгөө. Тэгж байтал Дува Сохор ах нь үгүй болов. Дува Сохорыг үгүй болсны хойно, дөрвөн хөвүүд нь Добун мэргэн авгаа ураг [төрөлд] үл тооцон доромжилж, хагацаж гэж нүүв. Дөрвөн овогтон болж Дөрвөд иргэн тэд болов» гэж хөрвүүлсэн [Цэрэнсодном 2000: § 11], эрдэмтэн И. де Рахвилз «*duwa-soqor aqa inu dörben kö'ütü büle'e tedüi atala duwa-soqor aqa inu ügei bol(u)ba duwa-soqor ügei bolu[q] san-u qoyina dörben kö'üt inu dobun-mergen abaqa-yu'an uruq-a ülü bolqan doromjilaju qaqaaju géjü newüba dörben oboqtan bolju dörben irgen tede bolba*» [Rachewilts I. de 1972: § 11] гэж буулгажээ. Эндээс Ц. Дамдинсүрэн, С. А. Козин нарын буулгасан эхийн 11-р зүйлд “ураг үл тооцон”, “ураг” гэдэг ойлголт огт тэмдэглэгдээгүй байдаг их сонирхолтой байна. Гэвч ийнхүү тайлбарлахдаа эрдэм шинжилгээнд хүлээн зөвшөөрөгдсөн И. де Рахвилз, Д. Цэрэнсодном нарын эхийг үндэс болгосон.

Гол дэвшүүлж буй асуудал бол «Дува сохорын дөрвөн хүү Добу мэргэн авгаа ямар учраас ураг эс тоосон бэ?» хэмээх асуудал

болно. Энэ асуудлыг тодруулахын тулд «ураг» хэмээх ойлголтыг чухам ямар агуулгатай, агуулгын цар хүрээ нь ямар болохыг нягтлан тодруулах нь зүйн хэрэг юм.

Ураг хэмээх ойлголтыг нэлээд олон хүн сонирхон судалжээ. Д. Гонгор гуайн бичсэн судалгааны тоймоос [Гонгор 1978: 42] үзэхэд эрдэмтэн Г. И. Рамстедт, Ш. Ивamuра, Ц-Д. Номинханов зэрэг хүмүүс «ураг»-ийг эхийн талын цусан төрлийн холбоо гэж үзсэн байна. Харин доктор Д. Гонгор «Хүмүүс бүлгээрээ өрх гэр болж байхад эх нь тодорхой боловч эцэг нь чухам хэн болох нь мэдэгдэхгүй байв. Ийм үед эхийн талыг баримталсан хүмүүсийн онцгой хүй нэгдэл буй болжээ. Үүнийг эхийн эрхт овог буюу ураг гэж нэрлэж байв» [Гонгор 1978: Стр 43] хэмээгээд ураг нь эхийн удам баримтласан цусан төрлийн холбоот хэсэг бүлэг хүмүүсийн нэгдэл болох нь тодорхой» [Гонгор 1978: стр 43] гэж үзжээ.

“Ураг” гэдэг үгийг хэлзүйн толь бичигт:

1. Худ худгуйн хамаатан; << ураг төрөл, ураг садан; ураг элгэн>> бүх хамаатан цөм <<ураг тогтох>>; хуучирсан а) хоёр этгээд хөвгүүн, охин хоёроо эр, эм болгохоор хэлэлцэж тохирох; б) эхийн умайд үр тогтох; *ураг бололцох* эр, эмийг холбож худ, худгуй болох; *ураг удам* хүн амьтны уг угсаа;
2. Эхийн умайд бий болох үр хээл; ураг унагах, ураг хөндөх дутуу хөнгөжих;
3. Эрэгчний төмс [Цэвэл 1966: стр 596] гэж тайлбарласан бөгөөд эндээс эхийн хэвлий дэхь үр, хүн амьтны уг угсаа гэдгийн онцлон үзэж байна.

Доктор Л. Билэгт ураг төрлийн холбоо нь үр удам тийш доошоо чигтэй гэдгийг онцлохын зэрэгцээ, ураг нь тодорхой оноосон нэргүй байдаг хэмээгээд дундад зууны «Ураг гэдэг нь дундад үеийн монгол хэлэнд нэгэн өвөг дээдсээс гаралтай эрэгтэй, эмэгтэй хүмүүсийг хамт нэрлэж байжээ»[Билэгт 2007: 89] гэсэн дүгнэлтийг хийсэн байдаг.

Ураг гэдэг үг МНТ-д хэд хэдэн хэлбэрээр гардаг. Тэдгээрийг тохиолдол бүрээр нь нягтлан үзвэл ураг хэмээх үгний утгыг

ойлгож болно. Тухайлбал, «Сайн хүний хөвүүн ажгуу. Язгуур сайт хүний ураг буй за» [МНТ: § 135], «Хадаан, Төдөгөн хоёр ураг үгүй бөлгөө» [МНТ: § 51], «Мэнглиг эцгийн урагт хэн тэнцэх бөлгөө» [МНТ: § 246] гэсэн тохиолдлуудаас нэгэн бие хүний төрсөн үр хүүхдийг «ураг» хэмээн тэмдэглэснийг харж болно.

“Хасарын ураг нэгнээрээ мэдүүл! Алчидайн ураг нэгнээрээ мэдүүл! Отчигины ураг нэгнээрээ мэдүүл! Бэлгүдэйн ураг нэгнээрээ мэдүүл! Тэр ёсоор миний ургийг [мөн] нэгнээр нь мэдүүлж миний зарлигийг үл өөрчлөн эс задалбаас үл эндэн, үл алдана та нар.

Өгээдэйн урагт

Өлөнд хучивч

Үхэр үл идэх

Өөхөнд хучивч

Нохой үл идэхээр төрвөөс миний ургийн [аль] нэгэнд сайн [хөвүүн] үл төрнө гэж үү?» [2000. § 255] гэсэн мэдээнээс ах дүүсийн үр хүүхдүүд нэгэн урагт хамаарах бус өөр өөр шинэ ураг болдог байсныг харж болно. Өөрөөр хэлбэл Тэмүжин, Хасар, Алчидай, Бэлгүдэй, Отчигин нар Есүхэй ураг билээ. Гэвч эдгээр ах дүүсийн үр хүүхдүүд нэгэн ураг бус Тэмүжиний, Хасарын гэх мэт өөр өөр урагт хамаарах юм.

Үүний сацуу МНТ-ы 42-р зүйлд «Belkunotai Belkunot oboqtan boluba. Bukunotai Bukunot oboqtan boluba. Buqu-Qataqi Qatagin oboqtan boluba. Buqutu-Salji Saljuut oboqtan boluba. Bodoncar Borjiqin oboqtan boluba». [Дарваев П.А, Чимитов Г.Г: 1990. § 42]* хэмээн бичсэн байдаг. Энэ нь Добу мэргэний хөвүүд Добу мэргэний урагт хамаарах боловч өөр хоорондоо нэг нэгнийхээ урагт үл хамаарах юм Бэлгүнүт, Бүгүнүд, Хатиган, Салжиуд, Боржигон бол тэдний өөр өөрсдийн овгийн нэр нь юм. Эдгээрээс ураг хэмээх үгний утга, агуулгын цар хүрээ тодрон харагдаж байна. Ураг хэмээх ойлголтын агуулгын хүрээ нь овог, аймгийн хэмжээний бус, зөвхөн нэг л бие хүний үр удмын хүрээнд багтах юм.

Ураглах гэсэн үг тус сурвалжид «эгч Есүй нэрт надаас дээр, хан хүнд зохистой ажээ. Саяхан хадамд урагласан бөлгөө» [Цэрэнсодном 2000: § 155], «Охин хүүхэд төрвөөс эцэг эх нь өөрийн

дураар бүү ураглатугай» [Цэрэнсодном 2000: § 185] хэмээн хоёр удаа гарах бөгөөд хоёул охин хүүхдийг урагт буюу эрд өгснийг «ураглах» хэмээн тэмдэглэсэн байдаг. Үүнээс үзвэл ураг гэж эрэгтэй үр удам гэсэн санааг ерөнхийлөн илтгээд байх шиг. Гэтэл доктор Л. Билэгт «эмэгтэй хүүхдүүд нөхөрт гарахын өмнө өөрийн ургийн гишүүн байсныг» баримтаар баталсан. Гэвч эмэгтэйчүүд өөр ургийн эрэгтэйтэй гэр бүл болно. Түүний хүүхдүүд нь эцгийн урагтаа харьяалагддаг учир эмэгтэй шугамаар ураг салаалах боломжгүй юм. Тиймээс ургийг нэг эцгээс гаралтай эрэгтэй, эмэгтэй хүмүүсийг нэрлэх бөгөөд ураг дотроо эрэгтэй шугамаа дагаж салбар олон урагт хуваагддаг байсан гэж үзэж болох юм.

МНТ-д олон гарч буй “*uruq-un uruq-a gürtelē*” /ургийн ураг хүртэл/ хэмээх өгүүлэмжүүд урдаа хэн нэгэн хүний нэрийг авсан байдгаас үзвэл энэ өгүүлэмж нь нэг л хүний үр удам, удмын удам, үрийн үр гэсэн санааг илэрхийлж буй нь тодорхой байдаг. Тухайлбал: «Моно койина мину урук бидан-у оро са’ужу энэ мэтү тус киксэн төрү сэткижү мину үгэ бусу үлү болкан урук-ун урук-а күртэлэ Ибага-йин оро бү тасултукан кэ’эн жарлик болба» [МНТ: § 208], «Гэвүбэр са’ури дэ’эрэ са’ужу Мукали-йин урук-ун урук-а күртэлэ күр иргэн-ү күй-онг болтугаи кэ’эн күй-онг нэрэ өкба» [МНТ: § 206] гэх зэргийг дурдаж болно.

МНТ-д 11-р зүйлд дурдагдсаны адил уг сурвалжийн 23-р зүйлд “ураг үл тоон” гардаг боловч үүссэн нөхцөл байдлын хувьд арай өөр түвшинд байх шиг. Дарваев П.А, Чимитов Г.Г нарын Монгол бичгийн галигт «*Eke-yüen Alan-qoa ukai boluqsan-no qoina aqa-nar deu-ner tabuula adusun idee-ben qibiyaldurun, Belkuno-tai, Bukunotai, Buqa-Qadaqi, Buqatu-Salji dorbeule abulcaba. Bodoncar-a-munqaq, budawu biyu, keen, uruq-a ulu toan, qubi ese okba*». [Дарваев, Чимитов: 1990. § 23] Үүнд гарч буй санаа нь Бэлгүнүтэй, Бүгүнүтэй, Буха хатаги, Бухату Салжи, Бодончар мунхаг болбоос Добу мэргэний хөвүүд бөгөөд түүний шууд урагт багтана. Гэвч Алун-гуа эх үгүй болсны хойны Бодончар мунхагийг бядуу хэмээн дөрвөн ах эцгийн урагтаа үл тоон, түүнд хувь эс хүртээсэн байна. МНТ-ы 24-р зүйлд «*Bodoncar, uruqa ese toagdaju: Ende atara yaun? keeju, qol daaritu, qodoli seultu oroq-sinqula-i unoju: Ukuesu ino*

ukusukai. Aasu ino asuqai! keeju, Onan muren huruu yorciju talbiba. Yorciju, Baljun-aral kurcu, tende ebesun embule ker kiju, tende aba sauba». [Дарваев П.А, Чимитов Г.Г: 1990. § 24] хэмээсэн байдаг бөгөөд урагт үл тоогдсон Бодончар мунхаг ах нараасаа салан одсон тухай гардаг.

Дээр дурдсан зүйлстэй уялдуулан залгамжилсан ургийн талаар дурдах нь зүйн хэрэг юм. Залгамжилсан ураг нь эцгийн ясан талыг баримтлан босоо шугамаар дамжин уламжлагддаг. Үүний хамгийн тод жишээ нь Чингис хааны язгуур дээд тэнгэрээс заяат төрсөн Бөртэ-Чиноос Чингис хаан ураг хүртэл босоо чигт залгамжилсан тэр ураг юм. Ураг бол эцгийн босоо шугамыг дамжин салбарлаж хөгжиж байдаг бөгөөд Бөртэ-Чиноос эхлэн ... Дува Сохороор дамжин дөрвөн овогтон үүсэж, Добу мэргэн, Бодончар мунхагаар дамжин Боржигон овог салбарлан улмаар Хабичи баатар... Тумбинай сэцэн, Хабул хаан, Бартан баатар, Есүхэй баатар [МНТ] хэмээн босоо байдлаар дамжин Чингис хаан (Тэмүжин) хүртэл ирсэн байна. Харин ураг хэвтээ чигтээ нэг үеийг хамаарч улмаар ураг үл болдог байсан байна.

Энэ бүхэнд үндэслэн үзвэл МНТ-д «ураг» хэмээх ойлголт агуулгын хувьд овгийн дотор багтах жижиг харъяалал бүхий байсан. Хиад боржигины Есүхэйн ураг Тэмүжин, Хасар, Бэлгүдэй, Отчигин нар болно. Харин Тэмүжиний хөвгүүд болох Зүчи, Цагаадай, Өгэдэй, Тулуй нар Тэмүжиний ураг болно, Хасарын хөвгүүд Хасарын ураг болно. Бэлгүдэйн хөвгүүд Бэлгүдэйн ураг болно. Отчигины ураг Отчигины ураг болно. Ингэснээр Тэмүжин болон түүний дүү нарын хөвүүд хүүхэд өөр хоорондоо ургийн хувьд тус тусын урагтай болно. Улмаар Зүчийн хөвгүүд Зүчийн ураг болно. Цагаадайн хөвгүүд Цагаадайн ураг болно. Өгэдэйн хөвгүүд Өгэдэйн ураг болно. Энэ мэтээр үргэлжлэнэ. Гэхдээ эдгээр бүх ургууд эргээд эцгээрээ дамжин Есүхэйн ураг, Хиад боржигин овогт хамаарагдах билээ. Монголын нууц товчоонд Чингис хаан Үсүн өвгөнийг “ba’arin aqa-yin uruq büle’ei” [Rachewilts I.de 1972: § 216] ‘Баарин ахын ураг болой’ хэмээн хэлж буйгаас ямар ч хүн өөрийн эцгээрээ дамжин дээд өвгийнхөө урагт харъяалагддаг байсныг харж болно.

Энэ бүхнээс сурвалжлан «Дува сохорын дөрвөн хөвгүүн Добу мэргэн авгаа урагт үл болгосон» учрыг тайлбарлавал, Торголжин баяны ураг Добу мэргэн, Дува сохор хоёр юм. Добу мэргэн урагт түүний таван хөвгүүн багтах авч тэдгээр хөвүүд тус тусын ураг болсон бөгөөд тэрхүү ургийн овог нь МНТ-оо тэмдэглэгдэн үлдсэн байна. Харин Дува сохорын ураг түүний дөрвөн хөвгүүн билээ. Дува сохорын дөрвөн хөвүүн дөрвөн овогтон болсон. Тиймээс л Дува сохорын дөрвөн хөвгүүн авга ахаа урагт үл тооцжээ. Энэхүү санааг МНТ-ы 11-р зүйлд илэрхийлсэн бололтой байна.

Ашигласан ном

Билэгт Л. Раннемонгольские племена. Улан-Батор: Цомирлогтов, 2007.

Бира Ш., Даицэдэн Т. Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2009.

Гонгор Д. Халх товчоон. II. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1978.

Дамдинсүрэн Ц. Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1990.

Дарваев А. П., Чимитов Г. Г. Сокровенное сказание монголов. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990.

Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1966.

Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчоон. Улаанбаатар, 2000.

Rachewilts I. de, Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Brill, 1972.

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ В МОНГОЛИИ

Согласно исследованиям ученых, истоки земледелия на территории Монголии уходят в древние времена: об этом свидетельствуют археологические находки, наскальные рисунки, а также мифы, сказки и легенды, распространенные среди народов этой страны. Во все исторические периоды, несмотря на резко-континентальный климат и засуху на данной территории, важной задачей являлось удовлетворение возрастающего потребления зерновых продуктов населением на основе мобилизации внутренних ресурсов, а потому наряду со скотоводством монголы занимались земледелием в районах Орхона, Селенги, Халхин гола, в Кобдоском и Убсунурском аймаках. На состояние земледелия влияли климат региона, а также экономическая и государственная политика, осуществлявшаяся в определенный период истории Монголии. Цели развития земледелия в любой стране не ограничиваются исключительно удовлетворением потребности населения в его продукции, а включают достижение одного из основных условий независимости, существования без постороннего влияния. В середине XX в. в Монголии была поставлена задача освоения целинных земель, что было обусловлено как вышеуказанными причинами, так и настоятельной потребностью в удовлетворении спроса в условиях постоянного роста скотоводства, во внедрении современной техники и технологии и ускорении экономического развития.

В феврале 1959 г. ЦК МНРП совместно с Советом Министров МНР было принято постановление «О мероприятиях по развитию

земледелия в 1959–1960 гг.». После утверждения этого постановления на III Пленуме ЦК МНРП, состоявшемся в марте того же года, была сформулирована задача расширения земледельческого хозяйства путем освоения целинных земель в период 1959–1961 гг. Пленум утвердил постановление «Об удовлетворении потребности в муке отечественного производства и укреплении кормовой базы скотоводства». Реализуя это решение, наряду с увеличением пахотной земли и улучшением технического снабжения уже созданных госхозов, государство поставило задачу создания в 1959 г. четырех новых госхозов (Дархан, Зэлтэр, Хэрлэн и Эгүүр), а также освоения в 1959–1961 гг. 300 тыс. га целинных земель, что позволило бы получать урожай зерна, достаточный для производства отечественной муки. Таким образом, для реализации определенной на XII съезде МНРП задачи производства 50% муки для внутреннего потребления была организована целинная кампания, причем, по данным доклада депутата Великого Народного Хурала МНР и министра финансов Б. Дугэрсурэна на заседании III созыва, из 436 тыс. тугриков, выделенных на финансирование в 1959 г., 40 тыс. тугриков должны были потратить на развитие земледельческого производства [Үнэн. 04.01.1959. №77/7211].

Организацией, которая объединяла и возглавляла первых целинников, стал Революционный Союз Молодежи (Ревсомол). Главными задачами Ревсомола были активное привлечение молодых людей в сельское хозяйство и ориентация их на деятельность в области развития земледелия. Молодежная организация поддерживала кампанию освоения целины с самого начала, организовав шефство над 3 госхозами, в которых на всех должностях, кроме управленческих, работали молодые люди. Вопрос о назначении представителей молодежи на руководящие должности в госхозах решал Центральный комитет МНРП. Так, ЦК МНРП утвердил в качестве председателя госхоза Дархан А. Бадарчина — первого секретаря комитета ревсомольцев Центрального аймака; председателем госхоза Зэлтэр — Б. Дамдинсурэна, заведующего сектором молодежной работы Центрального комитета ревсомола; председателем госхоза Хэрлэн — Жаргалант Дагву, секретаря комитета госхоза.

В госхозе Амгалан (г. Улан-Батор) были открыты недельные курсы, где новые председатели госхозов могли получить знания по земледельческому производству и технологиям. Представители партии и правительства, Политбюро во главе с Ю. Цэдэнбалом прослушали данные курсы, где основы земледелия преподавал агроном Ринчин (впоследствии министр сельского хозяйства и министр иностранных дел), основы техники — инженер Дорж (Заслуженный механик МНР, работал главным инженером Министерства сельского хозяйства МНР). Таким образом, деятельность и достижения первых целинных госхозов во многом определялись организаторским талантом руководителей того времени.

Работа по освоению целины началась, в первую очередь, с регистрации целинников. По радио прозвучало объявление о призыве на целину, и за первые 3 дня были зарегистрированы более 100 молодых людей. 12 марта в г. Улан-Баторе была организована встреча молодых активистов нового движения с советскими специалистами, которые прибыли для оказания помощи в освоении целинных земель. В ней приняли участие второй секретарь ЦК МНРП Цэнд, секретарь ЦК Д. Тимур-Очир, заместитель председателя Совета Министров Н. Жагварал, первый секретарь ЦК Ревсомола Ч. Пурэвжав, министр сельского хозяйства, а также полномочный посол СССР в Монголии Н. Н. Уваров [Үнэн. 14.04.1959. №88 (7222)]. 17 апреля 1959 г. с площади перед парткомом г. Улан-Батора первые 30 молодых целинников отправились на освоение новых земель [Бадарчин 2009].

Тракторы, комбайны и другая техника, поступившая из Советского Союза, были отправлены в госхозы в специальных колоннах, организованных ЦК Ревсомола, вдоль дороги их приветствовали организованные ряды скотоводов, а по прибытии в населенные пункты состоялись митинги. Над первым трактором такой колонны развевался красный флаг с золотой бахромой, который был вручен ЦК Ревсомола.

Совещание передовиков госхозов по оценке итогов первого года работы по освоению целины было создано в Улан-Баторе в январе 1961 г. Секретарь ЦК МНРП Б. Балжинням в своем докла-

де на совещании отметил: «Госхозами была развернута основательная работа по реализации важного исторического решения о производстве зерна, необходимого для внутреннего потребления, путем освоения целины, выдвинутого на третьем пленуме партийного комитета. В результате цель была достигнута с честью, был собран урожай в 13,5 миллионов пудов зерна». 11 целинников были награждены орденом Сухэ-Батора, 50 — орденом Трудового Красного знамени, 122 — орденом Полярной звезды и 193 целинников — почетной трудовой медалью.

В процессе тщательного изучения кампании по освоению целины в Монголии исследователи выделили в ее истории отдельные периоды. Б. Роломжав в книге «Краткая история земледелия МНР» пишет о двух основных периодах: «Первым периодом развития земледелия МНР являются годы исторических событий и преобразований в земледелии страны — с 1921 по 1958 гг. Второй период развития земледелия МНР продолжается с конца 50-х гг. до наших дней, когда развернулась борьба по освоению целины путем увеличения новых земель, создания госхозов, заметного расширения земледельческого производства, внедрения новых методов и технологии и защиты почвы от эрозии» [Түүхийн судлал XIV 1987: 9].

Д. Мандалсүрэн в работе «Госхозы МНР (1922–1958)» писал: «Историю появления и развития госхозов можно делить на три больших, принципиально разных периода. Первый период продолжается с 1922 г. по 1940 г., второй — с 1940 по 1957 гг. и третий — с 1958 по нынешний год» [Д. Мандалсүрэн 1969].

Характеризуя процесс освоения целины в Монголии в XX веке, историк Ж. Болдбаатар отмечает: «Кампанию освоения целины МНРП организовала поэтапно и по разным направлениям с 1959 по 1965 гг. Во-первых, бывшие госхозы распахали целинные и полуцелинные земли, увеличивая пахотные площади; во-вторых, были созданы несколько новых земледельческих госхозов; в-третьих, сельскохозяйственные объединения начали заниматься земледелием либо самостоятельно, либо используя скотоводческие машинные станции; в-четвертых, последние были

привлечены для помощи в освоении целины, поскольку на вновь осваиваемых землях начали выращивать кормовые культуры. Благодаря многосторонним и обоснованным мероприятиям партии, реализованным по данным направлениям, уже в 1960 г. по всей стране было освоено 260 тыс. га земли. Результаты первой кампании по освоению целины показали возможность роста сельскохозяйственного производства за счет освоения новых земель. Поэтому в 1961 г. наша партия организовала вторую кампанию освоения целины» [Түүхийн судлал XIV, f. 12 1979: 149].

По мнению Д. Мандалсурэна, в освоении целины в Монголии можно выделить три этапа: «период увеличения сельскохозяйственного производства путем освоения целины и полуцелины (1959–1965), период освоения новой целины и интенсификации сельскохозяйственного производства (1965–1976) и период развернутого освоения целины (с 1976 г.) согласно мероприятиям для осуществления целенаправленной партийной политики и увеличения сельскохозяйственного производства» [Түүхийн судлал XIV, f. 12, 1979: 147]. По мнению Ш. Гунгаадоржа, в развитии земледелия после освоения первых целинных земель необходимо выделять следующие периоды: 1959–1970 гг., 1970–1980 гг., 1980–1990 гг. и с 1990 по настоящее время [Өнөөдөр. 18.05.2009. №112].

На наш взгляд, историю освоения целины в МНР необходимо начинать с середины XX в. Период 1948–1958 гг. характеризуется формированием целенаправленной политики и определением целей и задач, проведением подготовительного этапа, период 1959–1960 гг. — началом кампании освоения целины, а период 1960–1965 гг. — подведением итогов первой кампании. В результате объединения сил, усилий организаторов народного хозяйства в Монголии в конце 1950-х гг. производство достигло значительного роста, что привело и к изменениям социально-экономического плана. Появилась реальная потребность ускоренного и интенсивного развития сельскохозяйственного производства, которая стала настоящей практической задачей. С одной стороны, этого требовали уровень развития страны того времени, потребность дальнейшего усовершенствования структуры народного хозяйства

и нового развертывания экономического отношения, а также наличие тенденции к росту потребности населения в продовольственных продуктах. С другой стороны, на решение об освоении целины влияла и совместная деятельность стран — участников Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

В деле освоения целины имелись трудности: недостаточная исследованность государственных пахотных земель, отсутствие необходимого количества инженерно-технических кадров, а также современных машин и техники, небольшой опыт ведения крупного земледельческого производства. Несмотря на это, благодаря обоснованной государственной политике появилась реальная возможность осуществления поставленной цели. Этому способствовали, во-первых, технико-экономическая помощь Советского Союза, во-вторых, создание госхозов, сельскохозяйственных объединений, скотоводческих машинных станций как основы социалистических отношений, в-третьих, наличие единой идеологии борьбы за осуществление выдвинутых задач, которая была воспринята народом как руководство к решению насущных проблем во имя «социалистического» преобразования.

В первый период (1948–1958 гг.) были проведены последовательные мероприятия по снабжению госхозов техникой, кадрами, по организации производства. Так, трест, который был создан в 1943 г. с целью централизованного снабжения госхозов, согласно совместной резолюции ЦК МНРП и Совета Министров МНР об укреплении госхозов в сторону их расширения, в 1948 г. был сменен Генеральным управленческим ведомством госхозов при Совете Министров МНР. 4 апреля 1955 г. были утверждены совместные резолюции (№ 47, № 34) ЦК МНРП и СМ МНР об укреплении хозяйственно-организационных основ госхозов, в которых они были классифицированы следующим образом: 1) скотоводческие госхозы с подсобным зерновым и овощным хозяйством (госхоз Баруун туруу, госхозы в Завхане, в Орхоне, в Архангае, Ононе, Тамсаг-Булаке, Ундурхане и Хубсугуле); 2) госхозы с зерновым хозяйством, в подсобных хозяйствах которых возможно развитие птицеводства, свиноводства, овцеводства, разведение крупного

рогатого скота для рационального использования зерновых остатков и сенокосных полей (Жаргалант, Цагаантолгой, Зуунхараа, Зуунбүрэн, Ероо и госхоз в Булгане), 3) молочно-овощные госхозы, которые снабжают г. Улан-Батор молоком, овощами и картофелем (госхозы Батсумбэр и Борнуур). В целях стабильного и рационального развертывания деятельности этих госхозов, прежде всего, было уделено большое внимание укреплению дисциплины, ответственности и инициативности, своевременному выявлению недостатков и конструктивной критике. К примеру, на IV пленуме ЦК МНРП Д. Дамба выступил с докладом «Удешевление аппаратов в государственных и хозяйственных организациях и дальнейшее улучшение управления», в котором отметил, что сотрудники Генерального управленческого ведомства госхозов, в нарушение правительственных решений, отказали в предоставлении овса в хозяйства, пострадавшие зимой 1956–1957 гг. от дзута (гололедицы), сославшись на его отсутствие; впоследствии обнаружилось, что овес имелся в большом количестве и его запасы пропали. Другой пример: начальник Генерального управленческого ведомства госхозов т. Лоохууз добился решения ЦК и правительства о сдаче овощей и картофеля для продажи, ссылаясь на то, что негде хранить убранный в госхозах в 1956 г. урожай. Но весной обнаружилась нехватка зерна, и он обратился с просьбой вернуть овощи.

На совещании управляющих госхозами, состоявшемся 22 апреля 1955 г. в г. Улан-Баторе, выступил с докладом «Нынешнее состояние госхозов и мероприятия по дальнейшему их укреплению» начальник Генерального управленческого ведомства госхозов Б. Пурэв: «Сейчас у нас функционируют 17 госхозов. В 1953–1954 гг. хозяйства, функционировавшие при министерстве внутренних дел, министерстве продовольственного производства и министерстве обороны, преобразовали в госхозы, и сейчас госхозы Зуун Хараа, Жаргалант, Булган, Зуунбүрэн и Энхтал развиваются как земледельческие (по производству зерна), а остальные 10 хозяйств — как скотоводческие. В последние 7 лет число голов скота в госхозах возросло на 188%». Таким образом, число госхозов в годы первой пятилетки возросло в 2 раза. Общая площадь пахотной земли достигла 107,4 га.

В подготовительный период (1948–1958 г.) освоения целинных земель (согласно нашей периодизации) укреплялись структура, организация и управление госхозов в Монголии, они достигли заметного успеха в развитии техники и технологии. Первые 2 трактора в Монголии были поставлены в госхоз Жаргалант из Германии в 1927 г., а первые 7 тракторов «Фордзон» прибыли из Советского Союза в 1931 г. — они были произведены на заводе имени Путилова (с 1934 г. — имени Кирова), выпустившем первый трактор в 1924 г. и произведшем 125 тыс. тракторов до 1941 г. В 1940 г. в монгольских госхозах было 165 тракторов, 28 зерновых комбайнов, 89 тракторных плугов, 44 тракторных сеялок, а в 1957 г. это число возросло — насчитывалось уже 738 тракторов, 210 зерновых комбайнов, 319 тракторных плугов, 297 тракторных сеялок. При уборке урожая использовали комбайны марки «Сталинец 6», самоходные комбайны марки «С-4», трактора марки «НАТИ», «ДТ-54», «КД-35», «СТЗ», зерноочистительные машины марки «ВИМ», «Вейлка» и «ТРИЕР». Немалое внимание уделялось подготовке и обучению профессиональных кадров, которые могли бы работать на этих тракторах, комбайнах и машинах.

В 1948 г. был подписан договор об учебе монгольской молодежи в Советском Союзе, что стало основой подготовки в СССР первых монгольских специалистов в области сельского хозяйства. С 1953 г. государство начало уделять внимание и подготовке кадров для земледельческой отрасли хозяйства, обучению специалистов по дизельной технике. На XII Пленуме МНРП в 1955 г. был обсужден вопрос о подготовке сельскохозяйственных профессиональных кадров; указывалось на необходимость подготовки санитаров для скотоводства, разных специалистов для сенокосных станций в школах-комбинатах. В результате были созданы учебные комбинаты по подготовке сельскохозяйственных механиков в 1955 г. в Архусте Центрального аймака и в 1957 г. в Шаамаре Селенгинского аймака. Принятие постановления ЦК МНРП и Совета Министров МНР (№531/345 от 1956 г.) способствовало подготовке специалистов со смежными профессиями, то есть обучению трактористов, способных водить комбайн и в то же время

знающих технику стрижки овец; а также техников и комбайнеров, которые работали на сельскохозяйственных машинах и умели пользоваться электрическим агрегатом по стрижке овец; комбайнеров, способных произвести ремонт машин и умеющих также водить трактор и автомашину.

В Монголии начали подготовку сельскохозяйственных специалистов со средним образованием с 1924 г., были созданы специальные школы в Батсумбере Центрального аймака и Цэнхэрмандале Хэнтийского аймака, а в 1958 г. — сельскохозяйственный техникум в Дорноте. В 1942 г. Монгольском государственном университете был открыт ветеринарный факультет, а в 1958 г. был создан сельскохозяйственный институт. В результате всех этих мероприятий были подготовлены специалисты, которые были призваны осуществить кампанию освоения целины; возросло число специалистов по земледелию и механизации производства.

В этот момент наряду с подготовкой специалистов в Монголии и за рубежом развернулась работа по очному ознакомлению с опытом освоения целины в Советском Союзе, обучению и пропагандированию этой работы. Например, начальник управленческого ведомства по госхозам Лоохууз в 1957 г. работал в Москве в министерстве сельского хозяйства, посещал госхозы, наблюдал за выращиванием зерна и овощей в течение 60 дней, приобретая опыт. В печати того времени постоянно публиковали материалы об освоении целины в Советском Союзе для усвоения передового опыта и использования его для решения возникающих трудностей. Например, в газете «Үнэн» от 28.06.1957 г. корреспондент газеты «Правда» А. Карамышев писал о том, что земледельцы Ставрополя убирают низкорастущий урожай частично, используют такой прием, как проход конными граблями за комбайнами для уборки без остатков, а загрузку зерна производят без остановки комбайнов и др. [Үнэн. 18.06.1957 №150/6673].

Труд целинников высоко оценивался государством. 16 января 1957 г. Великий Народный Хурал утвердил постановление № 7 о награждении орденами и медалями управленческих работников, работавших в сельском хозяйстве долгие годы. Согласно данно-

му постановлению, 10-летний плодотворный труд должен был вознаграждаться Почетной медалью труда, 20-летний — орденом Полярной звезды, 30-летний — орденом Трудового Красного Знамени, а работники, плодотворно трудившиеся выше 30 лет, подлежали награждению орденом Сухэ-Батора.

В последующий период (начало освоения целинных земель в 1959–1960 гг.) главное внимание уделялось распашке целины и выполнению государственного плана. Об этом указывалось в резолюции, утвержденной III Пленумом МНРП: «Необходима своевременная подготовка к краткосрочным работам, таким, как весенний сев и осенняя уборка урожая, завершение посева 1959 г. должно осуществиться за 10–12 дней, распашку паров необходимо закончить до 1 июля, а уборку урожая совершить за 13–15 дней» [МАХН-ын Их хурал 1963: 139]. Первый целинник А. Бадарчин отмечал в воспоминаниях: «Вначале мы были только учениками советских специалистов, а потом стали сами водить машины и работать в ночную и дневную смены. Таким образом мы выполнили производственную задачу только за две недели, превысив план на 4 тыс. га, и распахали 19 тыс. га земли. Это значит, мы распахивали в среднем 310 га земли в сутки, то есть один трактор распахивал 9–10 га земли в сутки. Одним словом, два больших фронта работы — выполнение плана и учеба новому знанию — проходили параллельно. Однако мы работали очень плодотворно и вместе с тем научились работать» [Бадарчин 2009: 20].

Как следует из материалов, в том числе воспоминаний, при освоении целины недостаточное внимание уделялось правильной технологии, земледельцы были под плановым давлением, не хватало опыта. Все это влияло на качество работ, вызывало негативные явления, приводившие к эрозии почвы полей, ухудшению урожайности. В 1961 г. небольшой урожай был вызван засухой. Но главной причиной падения урожайности и негативных явлений были нарушения технологического режима. В газете «Үнэн» подчеркивалось: «При распашке земли не дают расти растениям, а только гонятся за планом. В прошлом 1960 г. госхозы Цагаан толгой, Дархан и другие недостаточно обработали почву, что при-

чинило ущерб государству, выразившийся в потере урожая на нескольких гектарах полей. Вся земледельческие работы должны производиться в определенные сроки и в соответствии с требованиями. Однако существует плохая привычка не обращать внимания на агротехнические требования. Осенняя уборка урожая и пахота не проводятся параллельно, наблюдается нарушение выполнения государственного плана. Например, в 1960 г. план распашки 97458 га земли был выполнен на 46,8%. Большинство госхозов и сельскохозяйственных объединений недостаточно оценили значение осенней пахоты. Нарушая планомерное осуществление работ, они обрабатывали обширные площади весной. Это приводит к большой потере почвенной влаги и не дает возможность двойной обработки в краткий срок. Хотя на повышение количества урожая от каждого гектара влияют несколько факторов, обработка почвы играет главную роль. Весенняя качественная пахота почвы за счет обработки ранних озимых имеет первостепенное значение, однако тщательная осенняя пахота и обработка земли и весенний сев лучше, чем весенняя пахота. Чем короче срок осенней пахоты, тем лучше для достижения результатов. Почва, где пахота проводилась весной, уплотняется летом, а особенно осенью, под воздействием техники. Осенняя дождевая вода не впитывается такой уплотненной почвой, растекается по поверхности земли и разрушает почвенную кору. Такое воздействие мешает накоплению влаги и урожайности. Если оставить такое поле до весны без обработки, то сорняки, оставленные осенью, покрывают поле, не накапливаются осадки, а малая влага исчезает во время весенней распашки и последующей пахоты. При обработке почвы осенью надо делать проветривание и распашку земли последовательно. Поскольку перед уборкой и во время уборки урожая на поверхность почвы этого поля падают много разных зерен, которые начинают прорастать. Некоторые низко растущие сорняки остаются не срезанными во время уборки урожая и после уборки продолжают распространяться. Перед распашкой почвы делают проветривание почвы в течение 12–14 дней и начинают пахать после роста сорняков. Главной нашей ошибкой является то, что мы делаем об-

работку почвы поверхностно, ограничиваясь только распашкой и оставляя в стороне последующую обработку. Нам же необходимо не только пахать поле, но и обрабатывать его» [Үнэн 21. 09.1961. №254/8006].

Подводя итоги второго этапа в освоении целины, следует отметить, что, во-первых, основное внимание уделялось распашке целины и выполнению государственного плана. В 1961 г. состоялось первое совещание передовиков госхозов, на котором были обсуждены результаты освоения целины и развития земледелия. При определении дальнейших целей обращалось внимание *на увеличение полей и урожая, определение задачи осуществления комплексных мероприятий организационного, технического и технологического характера, а также на обучение приемам ведения земледелия, накопление опыта, интенсификацию подготовки специалистов и создание материальной базы земледелия.*

Во-вторых, шесть госхозов — Жаргалант, Цагаантолгой, Зүүнхараа, Зүүнбүрэн, Ерөө, Булган, — специализировавшиеся как зерновые, были значительно укреплены в соответствии с постановлениями № 47, № 34 Совета Министров МНР и ЦК МНРП от 4 февраля 1955 г., в то же время была поставлена краткосрочная задача создания четырех новых зерновых госхозов.

В-третьих, кампания освоения целины соответствовала плану социально-экономического развития страны и намеченным целям. Поэтому в трехлетний план развития страны (1958–1960 гг.), определенный МНРП, были внесены изменения на мартовском пленуме 1959 г. и было утверждено соответствующее постановление, в котором подчеркивалось: «1. Наметить цель освоить 300 тыс. га целины в 1959–1961 гг. для обеспечения отечественного потребителя мукой собственного производства, начиная с урожая 1961 г.; 2. Освоение целины и развитие земледелия возложить на госхозы. Увеличить пахотные земли в бывших госхозах, создать 4 новых госхоза около Хубсугула, Чойбалсана, Сухбаатара и Центрального аймака в 1959 г». Данное постановление включало 10 статей об освоении целины и подготовке сельскохозяйственных специалистов. Ранее в 1960 г. намечалось расширить пахотные земли до

224,6 тыс. га, в том числе земли госхозов — до 150 тыс. га и земли сельскохозяйственных объединений — до 52,5 тыс. га, но согласно решению мартовского (1959 г.) пленума по новому плану было решено освоить 300 тыс. га.

В 1961 г. были созданы еще два новых зерновых госхоза — Угтаал и Баянцогт. Госхоз Угтаал был создан согласно постановлению № 126 Совета Министров МНР от 21 марта 1961 г. На работу в Угтаал приехали 76 добровольцев; здесь имелись 27 тракторов, объем средств составлял 2,7 млн тугриков. В первом году угтаалцы распахали 15 тыс. га земли для озимых. Следовательно, в период первоначального освоения целины в Монголии функционировали 12 зерновых госхозов. Освоение целины прошло успешно. В результате в 1959–1960 гг. были освоены 260 га целины, пахотная земля возросла в 3 раза, а урожай — в 3,3 раза.

Таким образом, благодаря интенсивному освоению земель и развитию земледелия были достигнуты следующие результаты.

1. Монголия, которая импортировала муку, стала страной, самостоятельно удовлетворяющей потребность муки на внутреннем рынке, а при благоприятных условиях в стране собирали урожай, превышавший потребность в зерне, что позволяло экспортировать зерно и экономить валютные ресурсы, в то же время имея возможность покупать товары, машины и оборудование, необходимое для народа.

2. Расширенное занятие земледелием дало возможность иметь надежную базу кормов для скота и защищать скотоводство с подножным кормом от гололедицы и засухи, а также развивать новые для Монголии отрасли сельского хозяйства — свиноводство и птицеводство.

3. Создана была основа для появления пищевых комбинатов, где начали обрабатывать продукты земледелия и садоводства (пшеницу, картофель, овощи и фрукты).

4. В сельскохозяйственное производство внедрялись современные техники и технологии с высокой продуктивностью, развивалась учебно-исследовательская база, благодаря которой были подго-

товлены сотни отечественных специалистов, способных использовать новую технику и технологии.

5. С освоением целины и расширением земледелия по всей стране появились десятки новых поселений в целинных местах, широко внедрялись электричество, бытовая и техническая культура, создавался поселенческий стиль жизни, изменился образ жизни в худоне, и в целом данная политика имела большое значение для социального развития страны.

Литература

Бадарчин А. Нэгэн жарны алхаа (Дуртгал). Улаанбаатар, 2009.

Гунгаадорж Ш. Освоение целины в Монголии и развитие земледелия как самостоятельной отрасли // Өнөөдөр. 18.05.2009. № 112.

Мандалсүрэн Д. БНМАУ-ын сангийн аж ахуйнууд (1922–1958). Улаанбаатар, 1969.

МАХН-ын Их хурал, Төв хорооны бүгд хурлуудын тогтоол шийдвэр. III хэсэг. Улаанбаатар, 1963.

Түүхийн судлал. Т. XIV. fasc.12. Улаанбаатар, 1979.

Түүхийн судлал. Т. XIV. Улаанбаатар, 1987.

Үнэн. 04.01.1959. №77/7211.

Үнэн. 14.04. 1959. №88/7222.

Үнэн. 28.06. 1957. №150/6673.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЕВЕД И. В. БЕНТКОВСКИЙ ОБ ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

Среди тех, кто занимался изучением истории и описанием состояния калмыцкого народа с момента обоснования его в пределах Российского государства вплоть до конца XIX в., был и Иосиф Викентьевич Бентковский, секретарь Ставропольского губернского статистического комитета, историк-кавказовед, этнограф, статистик и экономист. Он стоял у истоков северокавказского краеведения, занимался организацией научных исследований региона.

Поляк по происхождению, И. В. Бентковский оказался на Кавказе после польского восстания 1830 г. Двадцать пять лет военной службы позволили ему не только побывать в разных уголках этого края, но и понять и полюбить этот уникальный регион России, ставший для него «второй родиной».

Сведения о раннем периоде жизни И. В. Бентковского немногочисленны. Он родился 7 (19) марта 1812 г. в семье знатных, но небогатых дворян Брескульского уезда герцогства Варшавского — Викентия Бентковского и Жозефины Бентковской (Рудницкой). Получил хорошее среднее образование. После окончания гимназического курса «наук царства Польского» в 1832 г. был зачислен рядовым на службу в Депо Полоцкого воеводства, в 1833 г. был произведен в унтер-офицеры Навагинского пехотного полка. Из него в 1834 г., И. В. Бентковский и был переведен в Первый Кавказский линейный батальон. После подавления Польского восстания многие участники движения подверглись репрессиям, часть из

них были отправлены на Кавказ в действующую армию. В «серой шинели опального солдата» сюда прибыл и Иосиф. На марше он занимался изучением русского языка, как он позже напишет, «с таким успехом, что по прибытии в Ставрополь 4 февраля 1834 года меня, после отличной рекомендации партионного офицера, которому я в походе помогал в переписке, оставили в штабе Командующего войсками на Кавказской линии в Черномории и Астрахани для распределения и рассылки множества документов на польском и литовском языках (метрик) в разные части войск, где служили поляки» [Венгеров 1892: 12].

За время военной службы И. Бентковский прошел путь от рядового до казачьего сотника, побывал урядником, зауряд-хорунжим, хорунжим Ставропольского казачьего полка, служил в должности заседателя полкового правления 4-й бригады Кавказского линейного казачьего войска, начальника Михайловской станции. За годы службы И. В. Бентковский имел возможность познакомиться с историей, обычаями и нравами народов Северного Кавказа. Он много читал, занимался литературной деятельностью, собирал и изучал архивные документы, библиографию, которые позже легли в основу его многочисленных публикаций по истории региона. Но служба отнимала слишком много времени, и всецело посвятить себя историко-краеведческой деятельности он смог лишь после выхода в отставку в 1857 г.

Литературные и научные труды И. В. Бентковского были по достоинству оценены научной общественностью Ставропольской губернии. В 1860 г. он был избран членом-корреспондентом Ставропольского губернского статистического комитета, в 1866 г. стал действительным членом, а в 1871 г., — секретарем Ставропольского статистического комитета. Он становится настоящим лидером, объединяет вокруг себя талантливых людей, тянувшихся к науке, занимающихся изучением родного края, выступает инициатором изучения многих тем и проблем, положив таким образом начало северокавказскому краеведению. Период работы его в статкомитете считается периодом расцвета и активной деятельности этого учреждения. Чтобы развернуть и «поднять» такую работу, секре-

тарь статкомитета должен был быть не просто образованным человеком, он должен был хорошо знать прошлое и настоящее края, любить и понимать его. В большей степени научная деятельность секретаря, по сути, была организаторской и инициаторской. Помимо статистических исследований, являющихся обязательными занятиями комитета, И. В. Бентковский занимался решительно всем: разбором старых архивов, сохранением письменных источников, редакционной и издательской деятельностью, составлением обзоров и описаний, проведением этнографических исследований, поддержанием широких научных контактов по стране и региону, формированием библиотеки и музея при статистическом комитете.

Разносторонней и многоплановой была и исследовательская деятельность И. В. Бентковского. Не было ни одного вопроса хозяйственной и общественно-исторической жизни, которого он бы не коснулся в своих исследованиях. Тематика его трудов действительно широка: география, история, этнография, статистика, архивное дело, метеорология, земледелие, садоводство, виноделие, шелководство, скотоводство, коневодство, ветеринария, рыболовство, торговля, промышленность, железнодорожное дело, соляной вопрос, лесоводство и пр. Такая «разбросанность» и диапазон интересов объясняются, с одной стороны, неразработанностью историко-краеведческой тематики, слабой изученностью Ставропольской губернии, да и Северного Кавказа в целом, с другой — чисто краеведческим подходом, типичным для провинциальных исследователей того времени. Это было время, когда краеведение, или, как его определяли в тот период, «родиноведение», превращалось в форму социокультурной деятельности российской провинции.

Краеведческой тематике посвящено около 200 научных работ И. В. Бентковского. Большинство из них представляли собой краеведческие описания — наиболее распространенный тип научной работы в рассматриваемую эпоху. Им было присуще одновременное наличие различных сведений: исторических, археологических, этнографических, статистических, географических. Превосходное знание местной жизни, крестьянского и казачьего быта,

обычаев и нравов местных народов способствовало превращению И. В. Бентковского в настоящего краеведа. По своему научному уровню ряд из них, особенно посвященные проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступали работам профессиональных столичных ученых. За составление и издание в 1874 г. «Статистической карты Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме» И. В. Бентковский получил от Великого князя Наместника Кавказского золотую табакерку [РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212. Л. 471; Карта хранится в картографическом фондах СГКМЗ, № 27]. Его научные работы по статистике и экономике коневодства были оценены правительством, и в 1878 г. назначили И. В. Бентковского корреспондентом Главного управления Государственного коннозаводства по Кавказскому краю.

Первой краеведческой работой И. В. Бентковского стал очерк, посвященный истории с. Безопасного, где исследователь поселился, выйдя в отставку. Очерк положил начало обширному циклу работ по истории заселения и освоения Северного Кавказа. В нем И. В. Бентковский представил программу действий для местных исследователей, краеведов, определив задачи и направления научно-исследовательской деятельности: «...материалы, относящиеся до заселения Северного Кавказа и Ставропольской губернии, в особенности, все, еще не тронутые, покоятся в разных архивах. Не пора ли стряхнуть с них пыль и передать науке?» [Бентковский 1869: 31]. Первоочередной задачей, стоящей перед исследователями края, И. В. Бентковский считал создание и разработку письменной источниковой базы, в силу чего немало внимания уделял работе по выявлению, собиранию и описанию архивных источников.

Отличительная черта краеведческих работ И. В. Бентковского — внимание к отдельному историческому факту, архивному документу, «исторической мелочи», из которых воссоздавалась история Ставропольской губернии и Северного Кавказа. Его очерки и статьи по истории колонизации края, об образовании Кавказского линейного казачьего войска, о «ставропольской старине» отличаются полнотой, широтой и точностью используемых документов, тща-

тельный анализ, критика источников. В распоряжении секретаря статкомитета находились архивы Ставропольского губернского правления, Ставропольской казенной палаты, Ставропольской городской управы, Окружного суда, Контрольной палаты, Мужской гимназии, Акцизного управления, Губернской чертежной комиссии, Ставропольской духовной Консistorии, штаба Кавказского военного округа на территории военных действий, Главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, Войскового управления, штаба Кубанского казачьего войска, штаба Терского казачьего войска, Кавказской археографической комиссии. Сосредоточенный в них материал лег в основу его научных трудов.

Интерес представляют и этнографические зарисовки И. В. Бентковского, посвященные калмыкам, проживавшим в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. Этнографические исследования входили в круг «необязательных» работ членов статкомитетов, в целях выявления «податных возможностей» местных народов. С начала 60-х гг. XIX в. И. В. Бентковский совершает ряд поездок по восточным окраинам губернии, посещает родовые хотоны, кочевые кибитки, встречается со старейшинами, духовенством, изучает калмыцкий язык. Итогом стала целая серия работ, в которых он детально описывает жилища, одежду, религиозные ритуалы, систему семейного быта и воспитания детей, обычное право калмыков: «Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса» (1868), «Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях» (1869), «Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках» (1876), «Наши кочевники и их экономическое состояние» (1879), «Моздокские так называемые крещеные калмыки: Монография» (1880) и др. Некоторые из работ И. В. Бентковского были высоко оценены научной общественностью. Так, за статью «О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии», опубликованную в 1879 г., И. В. Бентковский получил бронзовую медаль от Императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Ряд статей Иосифа Викентьевича были посвящены описанию природных богатств Большедербетовского улуса: «Поездка на Джалгинское озеро» (1862), «Джалгинское соляное озеро» (1864), «Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков?» (1868), «Целительные грязи Джалгинского соляного озера в Ставропольской губернии» (1879) и описанию его экономического состояния: «Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях» (1862), «Одна из причин, задерживающих развитие коннозаводства в Большедербетовском улусе» (1868), «Наши кочевники и их экономическое состояние» (1879) и др.

Знакомство с религией калмыцкого народа, с особенностями обрядовой культуры позволило И. В. Бентковскому составить ежегодные «Калмыцкие календари» и «Сравнительный календарь народов, принявших основание летосчисления период обращения земли вокруг солнца и ведущих летосчисление по течению луны вокруг земли, на 1876 год», написать статью «Объяснение калмыцких праздников (религиозных)» (1876). Как считают исследователи, подготовка таких материалов не могла обойтись без встреч и консультаций старшего бакши хурулов Большедербетовского улуса Очир-ламы [Ученые-исследователи 2006: 30].

Близкое знакомство с жизнью калмыков дало основание И. В. Бентковскому утверждать, что прежде чем изменять условия их жизни, как впрочем, и других кочующих народов, необходимо изучить их историю, познакомиться с бытовыми условиями, постараться понять их культуру. Его размышления и взгляды нашли отражение в работе «Общественное призрение, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам», в которой он писал: «...Поставив своей задачей сделать человека возможно гуманным, монгольская цивилизация выработала замечательные законы об общественном призрении, благотворительности и человеколюбивых подвигах. Ее гуманные взгляды простирались даже на сострадание к животным. Изучение социального быта монголов с этой точки зрения представляется интересным, можно сказать, положительно необходимым в том внимании, что

прежде, чем реформировать общественные учреждения калмыков, за что мы только принимаемся, нужно вполне ознакомиться с прежними социальными условиями и воззрениями народа, чтобы легче и вернее исправить его на новый социальный путь и изменить его консервативные воззрения» [Бентковский 1877].

Исследователь и сам много занимался изучением истории калмыцкого народа, в 1874 г. на страницах «Ставропольских губернских ведомостей» публикуется отрывок из его сочинения «История калмыков Большедербетовского улуса в разных отношениях. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести», которое, к сожалению, так и не было опубликовано полностью. Он изучал монгольские законы, результаты исследования опубликовал в статьях на страницах периодической печати в 1877 г.: «Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа», «Грабежи, разбои и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма», «Монгольские законы об охоте».

При участии И. В. Бентковского состоялось и издание двух работ, посвященных калмыцкому народу: «Древний монголо-ойратский или калмыцкий устав взысканий» (Список И. В. Бентковского) (1879) и «К истории права русских инородцев. Калмыцкое право» (Список Ф. А. Бюлера) [Попов 1880: 171–174]. Автором этих работ был известный правовед, преподаватель Новороссийского университета Ф. И. Леонтович, написавший их на основе анализа древней рукописи «Монголо-ойратские законы 1640 года», подаренной библиотеке университета И. В. Бентковским.

Будучи знатоком калмыцкого народа, И. В. Бентковский в 1890 г. сопровождал в поездке по землям Большедербетовского улуса датского путешественника доктора Ханса Каарсберга, с которым познакомился в г. Ставрополе. Он хорошо знал эти земли, так как по долгу службы часто бывал в Большедербетовском улусе, был лично знаком с представителями калмыцкой знати, духовенства, к тому же был знаком с традициями и обычаями калмыцкого народа, ориентировался в специфике быта кочевников. Они вместе побывали в селе Лапино, встречались с бакшой Ики-Туктунов-

ского хурула Очир-ламой (Санджи Явановым–Сахуловым), были гостями у князя М. Гахаева. Во время этой поездки И. В. Бентковский подарил Хансу Каарсбергу калмыцкую рукопись «Алтан герел» («Сутра Золотого блеска») на «ясном письме», которую тот в 1891 г. оставил в дар королевской библиотеке в г. Копенгагене, сделав ее доступной для исследований востоковедов Европы [Ученые-исследователи 2006: 92].

Многочисленные статьи И. В. Бентковского чаще всего публиковались на страницах местной периодической печати: в «Ставропольских губернских ведомостях», «Кубанских областных ведомостях», «Терских областных ведомостях», а также в региональных краеведческих изданиях. По инициативе и при непосредственном участии И. В. Бентковского в «Ставропольских губернских ведомостях» в 1875 г. была создана «Неофициальная часть», редактором которой являлся вплоть до 1889 г. Она стала своеобразной трибуной местных краеведов, историков, археологов, статистиков, экономистов, библиографов и публицистов. Публикации И. В. Бентковского в периодической печати способствовали пробуждению интереса к местной истории в самых широких слоях населения, выполняли просветительскую и воспитательную миссию.

Будучи человеком талантливым и разносторонним, И. В. Бентковский состоял членом многих научных обществ и учреждений России, в том числе Императорского Кавказского медицинского общества (с 1874 г.), Всероссийского общества естествоиспытателей (с 1874 г.), Императорского Русского географического общества (с 1875 г.), Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (с 1875 г.), Императорского Вольного экономического общества (с 1877 г.). За статью «Заселение Черномории с 1792 по 1825 г.» (1880) И. В. Бентковский был избран почетным членом Кубанского областного статистического комитета. Позже аналогичного звания он удостоился в одном из старейших комитетов России — Нижегородском статистическом комитете.

В ведении И. В. Бентковского находилась редакционная и издательская деятельность статкомитета. Комитет издавал «Отче-

ты», «Протоколы», «Журналы заседаний», отражающие текущую деятельность организации; «Труды», «Сборники», в которых публиковались результаты «необязательных» работ членов комитета, исторические очерки, архивные материалы; отдельные исторические труды, брошюры и монографии членов комитета; «Обзоры губернии», прилагаемые к ежегодному отчету губернатора. Статьи членов комитета печатались на страницах «неофициальной части» «Ставропольских губернских ведомостей», «Кубанских областных ведомостей», в «Кубанском сборнике», «Памятных книжках» и «Календарях». Благодаря трудам и заботам И. В. Бентковского Ставропольский комитет издал шесть выпусков «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (Вып. 5–10, 1873–1883 гг.). Отдельный выпуск № 6 «Сборника» был составлен из работ самого И. В. Бентковского и посвящен истории края. Это богатейшие статистические данные по истории, экономике и демографии 665 населенных пунктов (городов, сел, станиц, хуторов, аулов) Ставропольской губернии.

При участии И. В. Бентковского был подготовлен и проект издания «Памятной книжки Ставропольской губернии». Выпуск первого номера «Памятной книжки» состоялся уже после его смерти, в 1893 г. О широкой издательской работе И. В. Бентковского в статкомитете свидетельствует и перечень изданий комитета [ГА СК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 195.]. В результате своей деятельности Ставропольский губернский статистический комитет оставил целые тома, единственные в своем роде свидетельства исторического, археологического, этнографического, хронологического, экономического и демографического характера, которые никогда не потеряют своего значения в истории Ставрополя и Северного Кавказа. Значительная роль в этом принадлежит ученому секретарю Ставропольского губернского статистического комитета И. В. Бентковскому.

Умер Иосиф Викентьевич Бентковский 3 (15) августа 1890 г. и был похоронен на Успенском кладбище г. Ставрополя. Его поистине подвижническая деятельность на ниве краеведения была высоко оценена современниками. «Неутомимый местный историк, этно-

граф Иосиф Викентьевич Бентковский принадлежит к числу наиболее выдающихся секретарей статистических комитетов, — писал о нем библиограф Б. М. Городецкий, — этих скромных, но бесценных работников, невидными трудами которых создается трудное дело русского родоноведения...» [Городецкий 1912: 17]. Многочисленные и разносторонние труды И. В. Бентковского, его научная добросовестность, скрупулезность в работе с источниками, умение мастерски и в занимательной форме познакомить с историей края обеспечили ему признание и любовь современников и потомков.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК
ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. В. БЕНТКОВСКОГО ПО ИСТОРИИ
КАЛМЫЦКОГО НАРОДА**

1862

Поездка на Джалгинское соляное озеро // Ставроп. губ. ведомости. 1862. № 42–44.

Практические замечания о калмыцком рогатом скоте, овцах и лошадях // Ставроп. губ. ведомости. 1862. № 42.

1864

Джалгинское соляное озеро // Прибавление к «Биржевым ведомостям». 1864. — № 35–40.

О привилегиях по соляному делу // Прибавление к «Биржевым ведомостям». — 1864. — № 53–54.

1868

Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1868. Вып. 1. С. 105–122. (Отд. 1).

Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1868. Вып. 1. С. 82–104. (Отд. 1).

Одна из причин, задерживающих развитие коннозаводства в Большедербетовском улусе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1868. Вып. 1. С. 113–122. (Отд. 1).

1869

Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 2. С. 141–167. (Отд. 1); 1870. Вып. 3. С. 95–119. (Отд. I).

Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 2. С. 123–140. (Отд. I).

Хронологический указатель достопримечательных событий в Ставропольской губернии и Северном Кавказе // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 2. С. 5–51. (Отд. 3).

1870

Калмыцкий календарь на 1870 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1870. Вып. 3. С. 151–164. (Отд. 3).

О калмыцком календаре: Пояснительная заметка // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1870. Вып. 3. С. 151–152. (Отд. 3).

1871

Калмыцкий календарь на 1871 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1871. Вып. 4. С. 3–16. (Отд. 3).

Описание владельческих земель, расположенных в Ставропольской губернии и уезде по бассейнам р. Большой и Малой Кугульты и в смежных с ними урочищах // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1871. Вып. 4. С. 113–122. (4 паг.).

1873

Калмыцкий календарь на 1873 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1873. Вып. 5. С. 2–14. (Отд. 3).

1874

Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести // Ставроп. губ. ведомости. 1874. № 5–6.

Статистическая карта Ставропольской губернии: Масштаб 10 верст в англ. дюйме / Изд. Ставроп. губ. стат. комитета. Карта сост. по сведениям 1874 г. [*Хранится в картографическом фонде Ставропольского государственного историко-культурного и при-*

родно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Инв. № 27].

1876

Калмыцкий календарь на 1876 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1876. Вып. 7. С. 1–14. (Отд. прил.).

Краткое обозрение Ставропольской губернии в некоторых отношениях и преимущественно в экономическом по данным за 1874 год // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1876. Вып. 7. С. 63–102. (2 паг.).

Объяснение калмыцких праздников (религиозных) // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1876. Вып. 7. С. 23–34. (Отд. 2).

Сравнительный календарь народов, принявших основание летосчисления период обращения земли вокруг солнца и ведущих летосчисление по течению луны вокруг земли, на 1876 год / Изд. Ставропольского губернского статистического комитета; сост. И. В. Бентковским, членом-сотрудником императорских обществ: Кавказского отдела Русского географического, Кавказского медицинского и общества естествоиспытателей при Новороссийском университете; членом-корреспондентом общества любителей Кавказской археологии и членом-секретарем Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь: Типография губернского правления, 1876. 29 с.

Хронологический указатель разных исторических сведений о калмыках // Сборник стат. сведений о Ставроп. губернии. Ставрополь, 1876. Вып. 7. С. 36–64. (Отд. 3).

1877

Военные законы монголов и их влияние на кочевую культуру калмыков и вообще на дух народа // Ставроп. губ. ведомости. 1877. № 8.

Грабежи, разбои и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма // Ставроп. губ. ведомости. 1877. № 13–14.

Монгольские законы об охоте // Ставроп. губ. ведомости. 1877. № 16.

Общественное признание, благотворительность и человеколюбивые подвиги по монгольским законам // Ставроп. губ. ведомости. 1877. № 15.

1879

Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставроп. губ. ведомости. 1879. № 32, 34–35.

О первоначальном физическом воспитании детей у калмыков и ногайцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. 1879. № 9–10.

Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1879. 62 с.; *То же*: Ставроп. губ. ведомости. 1878. №6–12; 1879. № 15–18.

Целительные грязи Джалгинского соляного озера в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. 1879. № 28.

1880

Беглый обзор развития экономического состояния Ставропольской губернии в двадцатипятилетнее царствование государя императора [Александра II] // Ставроп. губ. ведомости. 1880. № 8–10. [*Изменение границ и увеличение территории. Распределение территории по правам землевладения. Сельское население. Городское население. Частное землевладение. Народное просвещение*].

Конокрадство и самосуд // Ставроп. губ. ведомости. 1880. № 26, 32, 34.

Моздокские так называемые крещеные калмыки: (Монография) // Ставроп. губ. ведомости. 1880. № 35, 38, 42.

Сведения о численном состоянии табунного коневодства, собранные в 1879 году посредством вопросных листков от табуновладельцев Ставропольской губернии и областей Терской и Кубанской // Ставроп. губ. ведомости. 1880. № 33.

1882

Чума рогатого скота в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. 1882. № 31.

1883

Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч.1: Ногайцы. Ставрополь:

Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. 134 с.: *То же*: Ставроп. губ. ведомости. 1882. № 37–49; 1883. № 1–11.

Обзор конского хозяйства в Ставропольской губернии // Ставроп. губ. ведомости. 1883. № 12; 1884. № 26; *То же*: Журн. коннозаводства. 1884. Июнь. С. 44.

Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты. Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. 452 с. (Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; Вып. 10); *То же*: Ставроп. губ. ведомости. 1882. № 25–39, 41, 44, 47–48, 50–51; 1883. № 1–5, 7–9, 16, 19–23, 27.

Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии: С приложением дорожной карты / Изд. Ставроп. губ. стат. комитета; сост. членом-секретарем губернского статистического комитета И. В. Бентковским. Ставрополь: Тип. Ставроп. губ. правления, 1883. 452 с., карта.

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 212.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 80. Оп. 1. Д. 195.

Литература

Бентковский И. В. Историко-статистические сведения о селении Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. II.

Бентковский И. В. Общественное призрение, благотворительность и чело-
веколюбивые подвиги по монгольским законам // Ставроп. губ. ведомости. 1877. № 15.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1892.

Городецкий Б. М. Кто и как изучал Кубанскую область: Доклад, прочитанный на годовом собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 10 февр. 1912 г. // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. V. Екатеринодар, 1912.

Попов Н. А. К вопросу о судьбе калмыцкого права на русской почве // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 34. № 3–4. С. 171–174.

Ученые-исследователи Калмыкии (XVII–нач. XX). Биобиблиографический указатель. Элиста, 2006.

Список сокращений

СГКМЗ — Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Плеваго

РГИА — Российский государственный исторический архив

ГАСК — Государственный архив Ставропольского края

КАРТОЧНЫЕ ИГРЫ У КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Достаточно долгое время некоторые аспекты повседневной жизни как российского общества в целом, так и калмыцкого общества в частности, оставались малоизученными. Надо отметить, что исследователи обходили вниманием, прежде всего, «теневые» стороны жизни общества, в том числе и карточные игры. Практически ни в одном серьезном отечественном исследовании не дается сведений по истории появления и развития игр, не излагаются подробно правила игры и рекомендации, а тем более отсутствуют серьезные научные труды аналитического характера. Вместе с тем карточная игра существует не сама по себе, это определенная реальность, напрямую связанная с жизнью общества.

В конце XVIII в. глубокий кризис, поразивший калмыцкое общество после ухода большей части калмыков в Джунгарию в 1771 г., привел не только к сокращению численности калмыков, но и к массовому обеднению населения улусов. Кочевое хозяйство больше не могло реально быть источником материального благополучия [Батыров 2013: 117]. **Все чаще калмыки находили заработок за пределами Калмыцкой степи — в крестьянских и казацких хозяйствах соседних губерний и особенно на рыбных и соляных промыслах.** Как отмечал исследователь К. И. Костенков, калмыки стали массово заниматься на рыбные промыслы после 1798 г., когда «чрезвычайная гибель скота лишила калмыков всяких средств к существованию» [Костенков 1868: 141]. Уже в 1834–1835 гг.

в Калмыцком Базаре на рыболовные промыслы подряжалось ежегодно до 5000 калмыков [Карагодин 1981: 36]. Обедневшие калмыки стекались из разных улусов в Мочаги, откуда наемщики и поставляли основное количество рабочих рыбных и соляных промыслов. Неизбежное проникновение товарно-денежных отношений в Калмыцкую степь привело к тому, что калмыцкая экономика переставала быть замкнутой и стала все больше ориентироваться на всероссийский рынок. Помимо прочего в калмыцкие улусы хлынули культурные новшества, в том числе и карточные игры.

В настоящее время трудно судить о времени появления азартных игр в калмыцких улусах. Очевидно, что представители калмыцкой элиты достаточно давно были знакомы с картами, видимо еще с периода существования Калмыцкого ханства в XVIII в. Например, в конце XVIII в. в Яндыковском улусе была известна зайсангша Цебек, которая «прославилась» тем, что «питие же ее вино, а забава карты» [Батмаев 2002: 159]. Однако широкое распространение карточных игр среди простых калмыков мы можем отнести к периоду после 1771 г., когда стали появляться первые жалобы нойонов-улусовладельцев на разорение их подвластных от азартных игр и первые запреты на карточные игры среди калмыков. Достаточно отчетливо позволяет представить степень распространенности карточных игр в общественной жизни калмыков начала XIX в. обширная переписка Главных приставов калмыцкого народа [Горьев 2012: 80] с улусными приставами и улусовладельцами по поводу азартных игр, сохранившаяся до наших дней в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Анализ архивных материалов позволяет указать на то, что первой и наиболее популярной карточной игрой среди калмыков стала «Горка», которая вошла в массовый обиход в конце XVIII в. благодаря своим относительно простым правилам. Так, в 1803 г. судьи калмыцкого суда Зарго указывали, что «картежная игра Горка» появилась в калмыцких улусах в период существования «Калмыцкаго правления¹ и ныне при господине наместнике (Чучее Тундутове)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. В 1804 г. исполняющий обязан-

¹ Астраханское калмыцкое правление — административный орган по управлению калмыцким народом (1797–1801 гг.).

ности Главного пристава Павел Прокофьевич Крупинский также упоминал о «картежной игре имянуемой Горка» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1]. Много позже, во второй половине XIX в., исследователь И. В. Бентковский отмечал, что любимые карточные игры у калмыков — «горка, филька и в три листика» [Бентковский 2011: 467]. В современных работах, основанных на полевых материалах, также отмечается бытование в прошлом таких игр, как «кезыр» — игра в семь карт, «геркю» (горка) — в четыре карты и «ремиз» — в три карты [Шантаев 2006: 163]. Следует заметить, что само название карточной игры — «Горка» — тоже подтверждает появление карточных игр среди калмыков в конце XVIII в., поскольку эта игра вошла в общественную жизнь России только в период правления императрицы Екатерины II.

Распространение карточных игр в калмыцких улусах, как и в любом другом традиционном обществе, влекло за собой случаи пьянства и аморального поведения, провоцировало драки, воровство, грабежи и другие преступления. Поэтому появление азартных игр среди калмыков стало предметом глубокой озабоченности у представителей российской администрации и калмыцкой элиты. В 1803 г. на имя Главного пристава Николая Ивановича Страхова поступило письмо из калмыцкого суда Зарго, в котором сообщалось, что один из судей по имени Габунг Цюрюм позволял играть в карты в кибитках своих слуг. Стало известно, что в ходе одной из таких картежных игр «у одного человека зговорившись двоя выиграла денег двести пятьдесят рублей». В своем письме судьи указывали, что в прошлом «при существовании Калмыцкаго правления и ныне при господине наместнике Картежная игра Горка и с нею вместе плутовство и мошенничество насланными повелениями было прекращено», и на этом основании судьи обязывали игроков вернуть выигранные деньги. Однако судья Габунг Цюрюм и сами игроки отказались вернуть деньги. Не имея возможности повлиять на ситуацию с возвратом денег, а также пребывая в сомнениях о судьбе самих запретов на карточные игры в России («если означенные повеления не уничтожены и другага порядка не учреждено»), члены суда Зарго передали решение дела по возвращению проигранных денег в руки

Главного пристава [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1]. Н. И. Страхов, не вдаваясь в детали спора, волевым решением приказал выигравшим игрокам вернуть деньги, но столкнулся с довольно неоднозначным развитием ситуации, когда один из выигравших калмыков по имени Боро в свою очередь потребовал на таком же основании вернуть ему деньги (400 руб.), которые он проиграл в предыдущих играх [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 5]. Возврат денег проигравшим грозил перерасти в неисчислимую череду тяжб, поэтому Главный пристав срочно поменял свое решение на прямо противоположное, отказав просителям в возвращении проигранного. А в назидание проигравшимся возмутителям спокойствия, которые оказались выходцами из Дербетовского улуса, да и «протчим по дербетовому улусу калмыкам дабы не могли отрекаться незнанием играть в азартные игры и просить суда картежных забав, и о проигрышах», Н. И. Страхов поручил приставу Дербетовского улуса И. Бахтиярову общенародно объявить о запрете на карточные игры в улусе. Уже 17 августа 1803 г. И. Бахтияров доложил о выполнении поручения в рапорте [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 8]. Надо отметить, что Главный пристав Н. И. Страхов, вероятно впервые столкнувшись с такой проблемой, не уделил ей большого внимания, не разделив опасений судей Зарго по поводу распространения азартных игр в калмыцких улусах, а просто ограничился частным решением данного вопроса.

Более внимательно к проблеме азартных игр у калмыков подошел преемник Н. И. Страхова — коллежский асессор, исполнявший должность Главного пристава П. П. Крупинский. 29 июля 1804 г. он направил письмо на имя пристава Малодербетовского улуса, надворного советника Ильи Михайловича Бахтиярова, в котором указывал, что «по местному моему нахождению в дербетовском улусе сколько мог я заметить, что первейшее упражнение сего улуса у калмык а особливо у гелюнгов и у всех духовного причета состоит в картежной игре имянуемой Горка». Пристав отмечал, что «Калмыки по привычке своей занимаясь сей игрой обыкновенно для веселости чрезмерно употребляют горячее вино; а от сих двух начало в первейшия последствия происходят как то азарт, ссоры, драки», а «сверх сих последствий от азарта происходящих игра

Горка приводит калмык в крайнее разорение и распутство потому что калмыки проигрывают деньги а особливо скот в коем состоит весь их промысел и изобилие и не имея более следов к поправлению своего состояния вдаются в воровство и пьянство» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1].

Неприятное открытие факта распространения азартных игр в калмыцких улусах произвело большое впечатление на Главного пристава и привело его к мысли о негативных последствиях дальнейшего развития карточных игр для экономического благосостояния калмыцкого народа. Поскольку, по мнению П. П. Крупинского, азартные игры и пьянство подпадали под действие полицейского устава² (статьи № 214 и № 215), он приказал И. М. Бахтиярову запретить всем торговцам продажу карт в улусе и саму «картежную игру», а также довести до сведения дербетовских правителей запрет на азартные игры и сообщить о том, что «в случае ежели кто пойман будет <...> в пьянстве или картежной игре тот час взяв их под арест и на основании полицейского устава и статей 256 и 254 по первому пункту выдержав суточное содержание на хлебе и воде представить в Зарго» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1об].

Зафиксированное чиновниками увлечение азартными играми отдельными представителями духовного сословия привело пристава к мысли о запрете карточных игр среди буддийских священнослужителей. В своем письме от 29 июля 1804 г. к Сойбинг бакши Главный пристав писал о том, что в свой приезд он видел священнослужителей, «игравших в запрещенную картежную игру Горку именуемую», более того, П. П. Крупинский был неприятно удивлен, когда узнал, «что вообще во всех хурулах у геленгов первейшее есть упражнение карте оная играя». Отмечая тот факт, что игра в карты среди духовенства побуждает и простых калмыков «к таковому распутству», пристав просил наложить запрет на карточные игры в калмыцких хурулах [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 2].

Обеспокоенность П. П. Крупинского широким распространением азартных игр среди калмыков Малодербетовского улуса навела

---

² «Устав благочиния, или полицейский» 1782 года. Подписан Екатериной II 8 апреля 1782 г.

его на мысль о том, что в других улусах дела обстоят не лучше. Исходя из своих представлений о вреде азартных игр, а также указаний правительства, он, как представитель администрации, поставил задачу борьбы с азартными играми. С этой целью пристав вступил в оживленную переписку с улусными приставами с целью информирования о степени распространенности карточных игр в Калмыкии, а также выработки мер по их пресечению.

Надо отметить, что большинство попечителей довольно формально отнеслись к желанию главного пристава ограничить влияние карточных игр и лишь некоторые проводили активные мероприятия по запрету карточных игр среди калмыков. Так, пристав Багацохуровского улуса поручик Голубев в своем рапорте от 24 июля 1804 г. писал П. П. Крупинскому, что в «прекращение во вверенном мне улусе картежной игры, дабы не разорялись от оной лехкомысленная чернь калмыки» он вместе с правителями улуса и другими зайсангами приняли решение о полном запрете на карточные игры в улусе, а «кто дерзнет играть в карты, и пойманы будут» тому будет назначен штраф. Рассуждая о соразмерности штрафов наказанию, поручик с рапортом направил проект на утверждение «буде ваше высокоблагородие найдете справедливым по их обряду».

Предложения о порядке штрафов и наказаний за карточные игры внесли правители Багацохуровского улуса зайсанги Кюштю, Хабан, Мацак и другие, которые в официальном «объяснении» от 23 июля 1804 г. на имя улусного пристава поручика Голубева сообщали, что в «бага цохуровом улусе картежную игру определили мы строжайше запретить». В случае же «если кто впредь будет играть в карты на денги или на скот с хозяина в чьей кибитке будет картежная игра», то с таких нарушителей должны были брать штраф «трехлетнюю скотину», который должен был использоваться для улусных общественных надобностей. Кроме штрафа, игроки в карты наказывались десятью ударами плетью, и наконец, с них взыскивался денежный штраф в размере 1 руб., который планировалось отдавать тому, кто сообщал о случае картежной игры. Последнее предложение правителей улуса касалось тех, кто снабжал

игроков средствами для игры: «Естли же кто даст для картежной игры деньги или скот такового лишить тех денег и скота». В конце своего «объяснения» зайсанги просили сообщить о предлагаемых суровых мерах по отношению к игрокам в калмыцкий суд Зарго и Главному приставу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 4–4об]. После подтверждения П. П. Крупинским решения Голубева и улусных правителей они планировали распространить их по всему улусу [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 3].

12 февраля 1805 г. Главный пристав направил распоряжение бодокчням Черноярского базара Кюме Андрею и Шарап Гецулю, в котором отмечал, что «дошло до сведения моего что кочующий при городе Черном Яре на калмык базаре разных владельцев калмыки употребляют чрезмерную картежную игру, пьянство и чинят воровство, отчего приходят в распутство и не в состоянии отправлять службу Его Императорскаго Величества», и соответственно им было предписано предпринимать меры по прекращению подобных действий [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 11].

Особый интерес представляет переписка П. П. Крупинского с приставом Калмыцкого Базара, коллежским ассессором Михаилом Тихоновичем Горбуновым. Так, 31 июля 1805 г. Главному приставу поступил рапорт от М. Т. Горбунова, в котором он указывал, что согласно полученному им при вступлении в должность предписанию, об искоренении «пьянства, игры, зерни и всяких распутств» им было проведено расследование. М. Т. Горбунов узнал, что некоторые калмыки, «находясь у рыбопромышленников и прочих людей в работе в свободное время удаляются от хозяев на другие дворы с дачею хозяевам оных интереса, упражняются в пьянстве и производят зернь, и картежную игру с обращением в распутстве». Получив достоверные сведения об имевших место нарушениях, М. Т. Горбунов неоднократно приказывал всем бодокчням, «чтоб они сами или чрез сторонних проводывали о местах производимой калмыками развратности, подтверждали им о воздержании себя от таковых поступках, а естли за сим где либо оные окажутся давали немедленно мне знать, чего во ожидании и оставалось неизвестным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12].

В качестве примера М. Т. Горбунов привел недавно произошедший случай: 18 июля 1805 г. к нему утром явились «подвластные владельца Санжи Убаши зайсанга Уту Манжи калмыки Хара Манжи Сансаев, Арши Улустунов, Зунгуру Аюшиев, Шара Шарширов, и владельца Цебе зайсанга Цебека калмык Гелгюрю Цаганов», находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, которые находились в работе у «надворного советника Варвация»³ и привели с собой Гелен Гецуля, которые сообщили, что «в прошедшей ночи все они играли в зернь карточную в горку по 10 копеек ставка». Конфликт произошел от того, что за неимением у одного из игроков по имени Зунгуру медных денег он положил на стол десятирублевую ассигнацию, когда другие игроки положили «медные 10-копеечные монеты», а после игры выигравший Гелен Гецуль забрал все деньги, в том числе и ассигнацию [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об].

При этом Гелен Гецуль не отрицал, что играл в карты, оправдывая себя тем, что якобы не знал о запрещении карточных игр; в ответ другие участники карточной игры уличали «ево Гецуля, что он подлинно знал в картежной игре запрещенье от владельца, и зайсанга приказанье буде где он усмотрица в той игре у него деньги отбирать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об.]. Описанный случай позволяет узнать об условиях карточной игры. Как сообщал М. Т. Горбунов, «а в карты ж они играли в 1 части в доме», где проживала «мещанская женка» (т.е. жена мещанина), которая за разрешение играть в карты брала по 10 копеек с человека в сутки [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об.].

Произошедшее событие позволило приставу выявить факт происходивших в городе «в домах по ночам непозволенных и разорительных игр». Позже пристав упоминал, что хотел лично проследить за карточной игрой: «хотя я сам желая помянутую женку уличить с бодокчеем доброго друга дни в вечеру проходя мимо дому подослал ево узнать нет ли у ней в доме калмык играющих в зернь, но на тот раз у не никого не случилось». В дальнейшем свои размышления

---

³ Иван Андреевич Варваца (1743–1825) российский дворянин, кавалер орденов Святого Владимира и Святой Анны, известный меценат, член тайного греческого общества «Филики Этерия».

о карточной игре пристав передал в рапорте от 23 июля 1805 г.: «о чем о всем вашему высокопревосходительству имею честь донести, и каким средством их от вышеписанного отвратить предаю в рассмотрение ваше, поелику в наставлении ничего не предположено» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12об.].

Выявленный случай нарушения калмыками запрета на распитие спиртных напитков и азартных игр привел пристава Калмыцкого Базара, коллежского асессора М. Т. Горбунова к мысли подать рапорт в Астраханское губернское правление, в котором он подробно описал факты того, что «разных орд калмыки находятся у астраханских рыбных промышленников в работах, которые удаляются от хозяев с дачею их интереса на другие двory, упражняются в пьянстве и производят зернь и картежную игру в доме». В том числе пристав указывал на недавний случай, произошедший в Астрахани. В заключительной части рапорта М. Т. Горбунов писал: «прошу картежную игру и зернь производимую в 1-й части города и в других местах приказать чрез кого следует воспретить а рыбным промышленникам также подтвердить до <...> находящихся у них в работе калмык отнюдь из интереса или из <...> на таковое зло не попускать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 13-13об.].

Более того, и сам главный пристав П. П. Крупинский 7 августа 1805 г. сообщал М. Т. Горбунову, что «по содержанию Рапорта вашего от 23 июля за № 118 к прекращению картежной игры и зерни калмыками по городу производимой, отнесся я Астраханскому губернскому правлению и просил искоренить по городу зло сие», а также рекомендовал выявить совместно с астраханской полицией случаи игры в карты и «просить о притоносодержателей картежной игры <...> удовлетворения» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 14-14об.].

Не успел пристав написать рапорт от 23 июля, как вечером 27 числа того же месяца на этот раз «на птичном дворе называемом», бодокчей Добро нашел у калмыка Джамбы Кусенова, принадлежавшего зайсангу Арши, «по допуску жены онаго калмычки Биджики калмык до шести человек играющих в зернь карточную в деньги в горку». Чтобы прекратить карточную игру, бодокчей взял несколько карт, что стало причиной еще одной потасовки, так как «они как

были пьяные осердясь зделали драку, ево Бодокчя побили изорвали на нем бешмет новый китаишной». По горячим следам и «извету ево Добры» были захвачены «один казенного ведомства Бага-Цохурова улуса аймаку зайсанга Джиргала Гецуль Зодбо Убашиев, да весьма пьяной зайсанга Кошты калмык Ходже, и отведены на часть, прочие бежали куда неизвестно». На другой день один из них по имени Гецуль Зодбо Убашиев признался, что в карты играли сперва девять человек, из которых четверо затем покинуло игру, а он с оставшимися пятью калмыками продолжил играть. Двух игроков он опознал как Курне владельца Мукукенья и Шойкулая из Багацохурова улуса, а трех остальных он не знал. Что же касается Ходжи, то со слов гецуля он в карты не играл, «а был только пьян и кричал», что подтвердил и сам пострадавший бодокчей. Гецуль и Шойкула нанялись к купцу Хлебникову. По поводу самой игры Гецуль сообщил, что карты были куплены у «означенной женки» за один рубль. Оба пойманных за карточной игрой калмыка в конечном итоге были отпущены из-под стражи «с подтверждением чтоб один в карты не играл, а другой не пьянствовал». Жене же Джамбы Кусенова было запрещено пускать калмыков для игры в карты в кибитку под угрозой денежного штрафа [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 15-16об.].

Вскоре открылось новое правонарушение, когда подвластные владельца Мукукенья аймака зайсанга Джальчин Гелюнга, калмыки Лоузанг Иши Дунаев и Джамчю Лоузангов, пришли к приставу и объявили, что они шли в город для покупок через «Красный мост», а деньги, завернутые в кулек, в сумме десяти рублей нес на плече Лоузанг. На этом мосту им встретились «Багацохурова улуса Еркетневского роду зайсанг Мукукень с новокрещенными калмыками одним госпожи Ахматовой, а другим архиерейским», которые, остановив их, схватили «кулек с деньгами» и стали вытаскивать деньги, но успели взять только два рубля тридцать копеек, когда к пострадавшим на помощь пришли двое их знакомых и стали отбирать деньги. Однако зайсанг со своими спутниками избил всех четверых: «и платье на них рвали, и одного свалив с ног зайсанг за косу⁴ рвал, и те новокрещенные держали лежащего на земле,

---

⁴ Традиционная мужская прическа калмыков.

он давил ево коленками». Найденный бодокчеем Шоргой зайсанг был приведен к приставу пьяным и оправдывался, что «якобы оные четыре человека ссорились и дрались с помянутым с ним приехавшими на дрошках из городу на красной мост — с двумя новокрещенными калмыками, аймак их и чьи они будто не знают (скрылись), а он зайсанг разнимал, а денег у них не отнимал». Однако присутствовавшие четверо пострадавших его уличили во лжи. К тому же бодокчей Шорго «от стороннего калмыка слышал что он видел как реченной зайсанг с двумя калмыками приехали на дрошках к мосту красному, и должно было извощику заплатить деньги, но по неимению у них их с одного сняли бешмет, да и как у означенных калмык деньги отнимали и их били». Пристав приказал зайсангу возратить похищенное пострадавшим, но, столкнувшись с отказом, чтобы «от пьянства вытрезвился отослан в третью часть под стражу, где он ночевал, а поутру взят ко мне и внушаемо ему было дурном поступке ево и об удовлетворении обиженных калмык и по многом ево упорстве, напоследок решился деньги заплатить». Зайсанг был отпущен, но в своем рапорте от 12 августа 1805 г. М. Т. Горбунов интересовался, что делать впредь «с подобными озорниками и наглецами как поступать вашего предписания» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 18–20].

В ответ на рапорт М. Т. Горбунова П. П. Крупинский направил ордер в его адрес от 7 августа 1805 г., в котором указывал, что в случаях «картежной игры и зерни калмыками по городу производимой» он должен был обращаться к полиции. Однако в ответном рапорте от 16 августа 1805 г. сам пристав просил ответить, что делать при «пьянстве сварях драках, и отъеме друг у друга денег, обращающимися, и по разобранию оказавшимися виновными калмыками» и указывал, что как «поступать ни прежде ни днесь, предположения нет» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 21].

Помимо улусных приставов в активную переписку по поводу азартных игр с П. П. Крупинским вступали и отдельные наиболее авторитетные калмыцкие нойоны-улусовладельцы. Так, 2 августа 1804 г. владелец Хошеутовского улуса майор Тюмень Джиргалан отправил письмо к исполняющему обязанности Главного пристава

калмыцкого народа коллежскому ассессору П. П. Крупинскому, в котором указывал на то, что «Астраханские разнаго звания татара приезжают к подвластным моим калмыкам для продажи товаров в лотках и на арбах производя торг а между тем привозят и продают водку, которую калмыки покупая напиваются пьяны и берут у тех татар карты и играют».

Много конкретных наблюдений касающихся карточной игры содержится в письме нойона Тюменя: «Естли у кого не случаетца денег берут у татар в долг калмыкской чай, или другой какой товар. Играют на оный, и когда случится одному или двоим достаточно выиграть чаю, или товару или табаку папушами, оное продают обратно тем же татарам и отдают оной против взятой в долг цены на начальные деньги в половинную цену». В данном случае Тюмень обращал внимание на тот факт, что калмыки его улуса «чрез то несут великой убыток, и разорение, и приходят в неисправность нести службу Государеву, должных мне податей давать и совсем не в состоянии а затем берут уже вредные меры к воровству и обманам, и так калмыки пивши водку и бравши в долг товар играя в карты совсем себя разоряют и запропащают, а татары стараются сохранять оное в важной тайне обяывая калмык присягой и дают зажитышным людям для картежной игры товар в долг».

Проблема распространения карточных игр усугублялась тем, что сам нойон по сути являлся единственным их противником в улусе. Об этом он с горечью писал, что «хотя я имею за оным мое наблюдение, но одному или двум человекам поймать и обнаружить онаго нельзя». Тюмень имел довольно четкое представление о том, что его действия против карточной игры во многом ограничены, в том числе и по той причине, что «Естли пять или десять человек пымают, то татара зделают приклюп скажут, что калмыки напав на них ограбили войдут в прозьбу и чрез то выдут хлопоты чего опасаясь также поймать нельзя» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-1об.].

Выход из сложившегося положения улусовладелец видел только в запретительных мерах. И здесь мнение нойона основывалось не только на личном неприятии картежной игры, но и на памяти о таких запретах в прошлом. Так, он писал, что «назад тому 22-й

год то есть 1783-м по повелению верховной власти командирован я был в сторону Крыма в поход и при отъезде своем просил я бывшего тогда в Астрахани губернатора господина действительного статского советника Михайлу Михайловича Жукова дабы никто подвластным моим калмыкам без сведения моего денег, товару, скота в долг не давал, и в работы не нанимал, и сделать о том в Астрахани купцам, армянам, татарам и индейцам запрещение». Данная просьба улусовладельца в тот период встретила понимание со стороны астраханского губернатора и «по всей губернии учинена публика⁵, потому подвластные мои калмыки ни имея на себе долга жили спокойно».

Однако несовершенство местного управления привело к тому, что данный нормативный акт был со временем забыт местными властями. Поэтому нойон Тюмень видел причины неудовлетворительного состояния в области азартных игр в том, что «как прошло тому уже много лет, и та публика вышла у всех из памяти, но мои люди не думают о могущих быть последствиях». Особую озабоченность у нойона Тюменя вызывал тот факт, что в обществе незаметно происходил подрыв родственно-семейных устоев. Увлечшиеся игрой жители улуса забывали о своих обязанностях перед семьей, погружаясь в мир азартных игр: «покушаются брать в долг товар, деньги и тому подобное, торгующие каждой зная зажиточных людей, детям их без сведения моего верят в долг».

Возрастание роли российской администрации в жизни калмыков привело к тому, что нойон Тюмень — полновластный хозяин своего улуса — просил, чтобы «по сим обстоятельствам дабы чрез сие удобное было могущей последовать важной убыток удержать предварительно прошу вас впредь подвластным моим без сведения моего кто товару, скота и денег в долг не давал, и в работы не нанимал, а равно тому и к кочующим в степи, товаров телегами для продажи не вывозили, чрез кого следует сделать запрещение».

Высказывая свою обеспокоенность сложившимся положением в улусе, нойон Тюмень опасался, что «вывозящие в степь на телегах и продающие товар, горячее вино, и водку татара продавая калмыкам

---

⁵ Публика (уст.) — объявление.

пойло и чрез пьянство выходят ссоры, а от того дела татары приклеп что калмыки и ограбили, отчего в других улусах понесли калмыки великой убыток» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-1об.]. Полученное письмо от улусовладельца не осталось без ответа со стороны калмыцкой администрации, и 17 августа 1804 г. П. П. Крупинский подал рапорт в астраханское губернское правление, в котором писал «о беспорядках происходящих в калмыцком хошоутовскаго владельца майора Тюменя улусе от продажи татарами водки и карт»⁶. В ответ на рапорт 24 декабря 1804 г. «приказали: по жительству татар в Астраханском и Черноморском уездах сих уездов нижним земским судам предписать указами дабы оные помянутые в рапорте вашем требовании во всей точности выполнили, о чем и вам указом дать знать» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 5]. В 1806 г. П. П. Крупинский признал дело решенным, поскольку дело «по прозьбе владельца Тюменя о уничтожении в улусе его картежной игры производимой татарами астраханского и краснойорского уезда по рапорту моему губернское правление строго татарам чрез нижния земския суды подтвердило, почему дело сие числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 8об.].

15 октября 1804 г. П. П. Крупинский получил прошение от калмыка Хара Манжи, подвластного «владельца Санжи Убаши аймаку зайсанга Джамбы гецуля». В прошении указывалось, что в течение «сего года с летняго последняго месяца по осенней средный месяц, в Аксахаловском хотоне, да еще у Габун Иши в хотоне» калмыки Анак и Габун Иши организовывали у себя в хотонах карточные игры. Сам проситель, который, как выяснилось, был тогда «кочевьем своим поблизку», часто ходил к ним играть в карты и, по его словам, не имел «выигрышу, равно и проигрышу». Однако 17 сентября 1804 г. Анак с пятью товарищами явился к Хара Манжи и, объявив о том, что он якобы проиграл в карты, отнял у него двух лошадей и быка. А затем, 24 сентября, они отняли у него еще двух коров с телятами и четырех баранов. Возмущенный такой несправедливостью Хара

---

⁶ Губернское правление— это бюрократический орган при губернаторе (относившийся к Министерству внутренних дел) с постоянным штатом, ответственным за управление губернией.

Манжи сообщил об этом владельцу и улусному приставу. Однако, когда проситель в следующий раз повстречался со своими обидчиками, он пострадал уже физически: «били плетьюми» и отняли «десяти рублевую ассигнацию, две серебряные монеты, чотки и трубку» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 7-10об.].

20 марта 1806 г. астраханское губернское правление сообщило Главному приставу калмыцкого народа П. П. Крупинскому о том, что в ответ на его рапорт от 7 августа 1805 г. был принят указ от 13 марта 1806 г. в адрес астраханской полиции, «дабы она при наблюдении должна своей относительно запретительных игр и обуздания разпутства имела особливое внимание в рассуждение калмык в городе находящихся поступая без упущения по уставу благочиния и другим изданным на сей предмет узаконений» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 24.]. В свою очередь П. П. Крупинский довел до сведения пристава М. Т. Горбунова в апреле 1806 г., что в «картежной игре калмык все взяты предосторожности и о наблюдении к удержанию сего Астраханское губернское правление подтвердило о сем полиции наистрожайшим равным образом предписано», и на этом дело перешло в разряд решенных [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 25].

В настоящее время узость источниковой базы не позволяет нам судить о степени настоящего размаха распространения карточных игр в Калмыцкой степи. Однако следует констатировать тот факт, что, несмотря на все мероприятия по запрету карточных игр, они мало повлияли на их распространение среди калмыков. Это было связано с тем, что все ограничительные меры носили, во многом, формальный характер. Так, уже в 1807 г. во время тяжбы за улус умершего икицохуровского нойона Мукукенья торгоутовских нойонов Эрдени и Джиргала с нойоном Санджи-Убуши, первые в своем письме к Главному приставу А. И. Ахвердову от 14 февраля 1807 г. описывали картину разгула азартных игр: «между тем оной улус чрез продажу горячего и виноградного вин и платежи за карты российским людям и сборами владельцу Санджи-Убуши податей может разориться до основания; и будучи без должного управления по своей воле покупая игру карты по пять рублей. За свет платят по два рубля в ночь <...> не имеющие же для картежной игры денег

занимают у тех корчемщиков платя им процент по десять копеек за каждый рубль в ночь. А если кто не имеет у себя на платежи денег таковых заковывают в железы и берут у них скот дешевою ценою, и будучи под таковым бесхозяйственным распоряжением допущены до того, что несколько человек промотавши весь свой скот похищают воровски оной у своих родственников и отдают за долг ими промотаны, и тем разоряют других» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 22].

Были подвержены этому пороку и представители наиболее заметной социальной группы — калмыцкой аристократии. Так, в 1832 г. малодербетовский нойон Деджит Тундутов имел долги на сумму до 90 тыс. руб. По запросу астраханского военного губернатора В. Г. Пяткина в Комиссию калмыцких дел о причине столь больших долгов Д. Тундутова, принимая во внимание его ежегодный доход в 150 тыс. руб., был получен ответ, что несмотря на экономную жизнь нойона «доходят до комиссии частые слухи, прожил их зазорным образом (т. е. игрой в карты). Иначе столь великие доходы прожить ему невозможно» [НА РК. Ф. 145. Оп. 1. Д. 132. Л. 16]. После смерти другого дербетовского владельца Эрдени Тундутова за ним осталось карточных долгов до 60 тыс. руб. Наконец, в 1876 г. хошеутовский владделец Церен Надмит Тюмень имел долги на сумму более 11 тыс. руб. [НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 350. Л. 35].

Таким образом, обширная переписка Главного пристава П. П. Крупинского, сохранившаяся до наших дней, позволяет отчетливо представить степень распространенности карточных игр в общественной жизни калмыков. Во многих рапортах улусных попечителей и калмыцких улусовладельцев звучала тревога по поводу распространения азартных игр. Соответственно благодаря деятельности калмыцкой администрации и калмыцкой элиты уже к 1806 г. в Калмыцкой степи был принят целый ряд указов, запрещавших карточные игры среди калмыцкого населения. Но средства по искоренению азартных игр были ограничены, и П. П. Крупинский обошелся лишь запретительными мерами. Согласно «Уставу благочиния» Главный пристав предлагал запретить продажу карт в улусах, а также и сами карточные игры под угрозой суточного ареста

на хлебе и воде. Однако все запретительные меры, как и в других российских регионах, носили, во многом, формальный характер при полном отсутствии единой общероссийской государственной политики. Об этом свидетельствует то, что в период с конца XVIII в. по начало XIX в. наместник Калмыцкого ханства Ч. Тундутов, нойон Тюмень Джиргалан, правители Багацохуровского улуса, различные приставы и сам Главный пристав калмыцкого народа запрещали карточные игры и неоднократно обращались в самые разные учреждения с целью запрета на распространение азартных игр среди калмыков.

Очевидно, что повсеместное появление карточных игр в разных российских губерниях знаменует собой начало трансформации традиционного уклада под влиянием российского рынка (индустриально-урбанистического уклада). Представленные факты о распространении карточных игр среди калмыков позволяют нам сделать некоторые выводы о том, что когда обедневшие калмыки стали массово приезжать в города для найма на «домовые работы» и к рыбопромышленникам, то это стало причиной неизбежной переориентации их мировоззренческой системы и высвобождения игрового инстинкта. Это усугублялось почти полным отсутствием механизма защиты от игровой зависимости в любом традиционном обществе. Город, населенный представителями самых разных культур и языков, ограниченный в пространстве каменными и деревянными домами, подавлял вынужденных отходников, привыкших к обширным степным пространствам. Не будучи в состоянии жить по своим обычаям, общаться в своем социуме, оторванные от своей семьи, калмыки стали восполнять это общением при игре в карты. Определенный духовный вакуум, нужда в социальном контакте стали главными причинами игры в карты у отходников. Игра в карты была сублимацией равноправного социального общения в своем кругу под давлением чуждого им мира, где они находились в самом низу социальной лестницы.

Карточные игры ознаменовали собой изменение соотношения таких категорий, как труд и праздник. В среде отходников сложился определенный парадокс, когда, с одной стороны, почти все их время

занимал тяжелый и беспросветный труд, а, с другой стороны, у них отсутствовала семья и связанные с ней бытовые занятия, которым в обычной жизни посвящалось свободное время. Это время, которое нечем занять, при полном отсутствии контроля со стороны старших родственников, которые в патриархальном обществе нормировали свободное личное время, стало посвящаться карточной игре. Можно лишь привести в подтверждение слова калмыка М. Д. Куканова, который в разговоре с И. И. Мечниковым сообщал, что «Те из нас, которые идут на заработки в разные города, Астрахань, Царицын, Сарепту, не только ничего не наживают, но еще разоряются пуще прежнего. Хотя им платят хорошие деньги, но они их употребляют на дурные вещи <...>. Еще ни один калмык не нажил себе состояния на работах, но многие сделались там горькими пьяницами» [Мечников 1873: 351].

Несомненно, что появление карточных игр у калмыков стало свидетельством самых глубинных социокультурных процессов в калмыцком обществе на переломе. Это и отход от традиционного мировоззрения, традиционных ценностей, и начало распада большой патриархальной семьи, которая больше не отвечала потребностям калмыцкого общества. В свою очередь, возрастание роли малой семьи приводило к тому, что семья могла стать заложником мужа, который являлся полным хозяином собственности. Распространение азартных игр среди калмыков приводило к тому, что некоторые знатные люди разоряли свои улусы и аймаки, отдельные простолюдины — свои семьи, а представители духовенства — верующих.

При этом, как ни странно, в бытовании карточных игр отразилось народная специфика. Осмысление особенностей адаптационных возможностей культуры калмыцкого народа приводит нас к выявлению характерных элементов менталитета, связанных с особыми национально-культурными целостностями, которые ярко проявляются в отношении калмыка к труду, к деньгам и другим материальным ценностям. Определенный риск, связанный с рискованностью экстенсивного скотоводства, когда над кочевником всегда нависала возможность все потерять в результате различных стихийных бедствий, эпизоотий или военных действий, породил

некую легкость в отношении к своему имуществу. Отчасти, калмыцкое понимание жизни можно выразить в народной поговорке «Богатство — до первого бурана, богатырь — до первой пули».

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 27, 50, 51, 61; Ф. 9. Оп. 4. Д. 350; Ф. 145. Оп. 1. Д. 132.

Литература

Бакмансурова А. Б. Игровое начало конфликта, битвы, соревнования (На лексическом материале древне- и средневерхненемецкого) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 4 (35). С. 200–204.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Батыров В. В. История и этнография калмыков в «Кратком описании калмыцкого и тухменского народов» Я. К. Ваценко // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. №3. С. 114–120.

Бентковский И. В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 768 с.

Горяев М. С. Реформы по управлению Калмыцкой степью в последней трети XVIII – нач. XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. №1. С. 79–82.

Карагодин А. И. Калмыцкий Базар (из истории торговых отношений в Калмыкии во второй половине XVIII–первой половине XIX вв.) // Исследование по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: КНИИЯЛИ, 1981. С. 31–48.

Костенков К. И. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1868. 341 с.

Мечников И. И. Заметки о населении Калмыцкой степи Астраханской губернии // Известия Российского географического общества. 1873. Т. IX. № 10. С. 335–351.

Никонов А. В. Метаморфозы игральные костей: к определению понятия «азартная игра» // Вопросы культурологии. 2007. № 8. С. 30–34.

Шантаев Б. А. Карточные игры у калмыков (конец XIX–начало XXI вв.) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 163–165.

Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI–начало XX в.): история игры и история общества. Томск: Томский гос. университет, 2005. 244 с.

БАГУТЫ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ И ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА

Среди калмыков-торгутов известно этническое подразделение багуты, которые в основном проживают в Лаганском, Черноземельском районах, в г. Элисте, в Астраханской области. В XIX в. багуты проживали также среди донских калмыков, была и станица Багутовская. Багуты встречаются также среди торгутов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, которые являются потомками калмыков, откочевавших из Калмыцкого ханства в 1771 г. [Авляев 2002; Митиров 2002; Балинова 2011 и др.].

Известный калмыцкий историк, выходец из багутов, А. Г. Митиров отмечает, что при Аюке-хане Багутовский улус состоял из 5000 (в другом источнике — 6–8 тысяч) кибиток и был передан в наследство его сыну Церен-Дондуку, который в течение 10 лет был калмыцким ханом. После отстранения его от власти улус перешел к преемнику — хану Дондук-Омбо, а от него — к хану Дондук-Даши и к его сыну — наместнику Калмыцкого ханства Убаши [Митиров 2002: 84, 14].

У. Б. Очиров отмечает, что сын Аюки Церен-Дондук получил улус 6 тысяч багутов (вместе с другими этническими группами, входящими в этот улус) [Очиров 2010: 49–50]. По утверждению Г. О. Авляева, три брата Халу, Дойды и Моголцыг распределили Багутовский хотон между собой, удел старшего брата стал называться ики багут, среднего — дойда багут, удел меньшего брата тоже присоединился к дойда багутам [Авляев 2002: 112]. А. Г. Митиров

также упоминает, что после смерти Яндыка багуты были поделены между зайсангами и стали называться ики-багуты и дойда багуты [Митиров 2002: 266].

Ики-багуты — «большие, старшие багуты», их знак собственности (тамга или клеймо — чиндамани (жиндмн) — «драгоценность, исполняющая желания».

Ики-багуты о себе говорят:

Чакчм гидг сакуста,
Манл гидг гүрмтэ,
Ээж Манһатн гидг урэтэ,
Дэрк гидг хурлта,
Луувр гелңгин судр

[ПМА: запись Н.У. Лагань. 21.07.83].

Г. О. Авляев отмечает, что родовым божеством калмыков Ики-Багутского аймака Яндыко-Мочажного улуса был «Көгшин-Чакчу», или «Чакчм», молитва их — Манла, хурул их посвященный божеству Ноган Дэрке, уран — Эджи-Авгатан [Авляев 2002: 110].

Ики-багутов также называют Халувга-багут (Халвһа-bahут) по имени зайсанга Халванга. А. Г. Митиров отмечает, что Багутовский аймак, входивший в состав Эркетенеvского улуса, стал называться Халванг-Багутовским аймаком, а старший сын Халванга Габунг-Джамбо Халвангов более сорока лет владел аймаком ики-багутов [Митиров 2002: 267].

В 1894 г., в год смерти Басанга Менко-Убушаева, в Ики-Багутском аймаке насчитывалось до 600 кибиток. Кочевья их располагались по урочищам Намтар, Цомок, Боран, Нюкта и другие [Митиров 2002: 269].

Дойда-багуты («дойодские багуты») получили название по имени зайсанга Дойода, сына Даши-Дондука. Сакральный маркер *өлгү* у дойда багутов («привеска к знамени, копьё жениха»), по словам К. К. Нактанова (1966 г.р.), белого и синего цветов [ПМА]. Со слов информанта Я. Б. Бурулова (1902–1998), что уран Дойда Багутов — Хавчн Дээвд [ПМА: запись 1981 г.].

Г. О. Авляев отмечает, что дойда-багуты поклоняются бурхану «Мээдрин гегэн», ураном их был клич «Дээвл», а знак собственности

— тавро их «чиндамани» (жиндмн), они жили оседло в населенных пунктах Цомок, Сум, Бадрунгу и других. К 1910 году в Багутовском аймаке (где проживали дойда-багуты и других родов) числилось 1354 семьи, или 5483 человека [Авляев 2002: 112].

Шарс багуты. По утверждению У. Э. Эрдниева, багуты делились на две группы: шарцбагут и дойдабагут, или ики-багут и бага-багут [Эрдниев 1980: 26–27].

А. Г. Митиров в своей монографической работе «Истоки» пишет, что в Яндыковском улусе шарс-багутов — 191 кибитка [Митиров 2002: 112].

Согласно информанту Бадмагаряевой Зое Содкаевне (1925–2007)¹, среди шарс багутов выделяются группы: «нарна шарс» и «манджин шарс». Род З. С. Бадмагаряевой относится к группе нарна шарс. Данная группа шарсбагутов подразделяется на рода: шар дээв, нагут, шөркс, тавнахн, орсахн. Основатель рода по имени Шар Дээв имел семь жен и соответственно много детей, от которых пошло потомство. Нарна шарс жили в населенных пунктах Большой Малзан, Малый Малзан, Мангут, Ондрин селян, Куря, Цомок [ПМА: Бадмагаряева З. К., запись 23.12.1995].

Г. Ш. Дорджиева и М. В. Дорджиев приводят сведения о том, что два брата по имени Наран и Манджи разделили шарс багутов на два рода: нарна шарс и манджин шарс [Дорджиева, Дорджиев 1997:17, 134].

Термин «шарс» нередко встречаются в монголоведной литературе, посвященной этническим группам. Так, известный монгольский ученый Х. Лувсанбалдан среди джунгарских дербен-ойратов отмечает рода: чорос, хошод, торгут, хойт, жиред, шарс, махас [Лувсанбалдан 1975: 83]. Финский ученый Г. И. Рамстедт пишет, что в олетском языке словом «шарс» называется какой-то народ и добавляет, что шарс-махыс — народ монгольского происхождения, живущий, должно быть, в Западной Европе [Ramstedt 1976: 351a]. Г. Н. Потанин отмечает, что у киргизов встречается кость сарыногай, т. е. желтые ногаи, у них также есть «какое-то мифическое племя шарыс-махыс» [Потанин 1881: прим. 59].

---

¹ Генеалогическая линия З. С. Бадмагаряевой: Чивхн — Содка — Лиджигаря — Зоя.

Как видно, название шарс/шарыс/шарас сопровождается словом махыс/махас, которое мы склонны рассматривать как фонетический вариант слова махч(ин) в выражении «махчин керэд», обозначающего, по мнению известного калмыцкого ученого А. В. Бадмаева «природные керейты» [Бадмаев 2003: 101]. В таком случае, выражение «шарсмахс» будет иметь значение «природные, истинные, коренные шарасы».

Г. О. Авляев в составе дербетов отмечает шарнутов, известных в торгутовских улусах под названием шарад, и входивших в ойратский племенной союз домонгольской эпохи. Основной ареал расселения групп шарнутов и шарадов охватывает территорию Прибайкалья, т. е. территорию расселения ранних ойратов. Поэтому шарнуты-шарады (шарасы) встречаются в составе ойратов, бурят и калмыков, имевших в прошлом тесные этногенетические и хозяйственно-культурные связи.

По нашему мнению, этноним шарс показывает отношение данной этнической группы к ранним ойратам — хойтам, цаатанам, которые определяют себя как «шар моңһл яста» ([люди] «желтой монгольской кости») и древнее знамя которых, до привнесения белого знамени Чингиса, называлось «салврха шар маани» («растрепанное желтое знамя»). Шарасы, видимо, сохранили в своем этнониме отношение к желтому знамени. Вероятно, поэтому Х. Лувсанбалдан отмечает шарасов среди ойратских племен. Приведем сведения, полученные от известного калмыцкого хореографа А. Г. Очирова, род которого принадлежит к шарс-багутам. А. Г. Очиров подтверждает, что шарас багуты считают себя «шар моңһл яста» — принадлежащими к «желтой монгольской кости». Генеалогическое древо Очировых и их близких родственников, которое представил нам Анатолий Георгиевич, составлено в 1927 г. гелюнгом Бодгр Цаган-Манджиевым. Из этого документа видно, что они — шарсбагуты, рода — шеркс, по кости — «желтые монголы», тавро рода — чиндамани (жиндмн) — «драгоценность, исполняющая желания».

По словам А. Г. Очирова, представляет интерес реакция одного монгола, который, узнав, что собеседник происходит из рода «жел-

тых монголов», восхитился и сказал, что не каждый монгол может так называться, что Чингис-хана в народе по имени не называли, а называли просто «Шар Монгол».

Помимо указанных подразделений багутов также можно назвать шин багутов, бухтын багутов и тоста багутов.

Шин багуты — жители одноименного населенного пункта. Это новая группа ики багутов, переселенцев из Эркетеневского улуса в Яндыковский улус во времена Очки Менко-Убушаева. Среди шин-багутов выделяются следующие группы, называемые «кости»: харнуты, эльджигуты, шарнуты, заамуты, хо-меркиты, бага-цохуры и другие. Поэтому Г. О. Авляев делает вывод, что ики-багуты в XIX в. имели смешанный, разнородный состав [Авляев 2002: 112].

Помимо этого существует мнение, что шин-багутовцы, в основном, если не все, состоят из эркетеневцев. У. Э. Эрдниев отмечает, что после революции на территорию Багутовского аймака прикочевали разорившиеся калмыки из Эркетеневского улуса, они образовали группу «Шинэ багут» [Эрдниев 1980: 56].

Бухтын багуты — это также жители одноименного населенного пункта Бухта. О бухтын багутах нет данных в работах указанных исследователей, однако, такое подразделение багутов было. Поскольку багуты в основном были речными, ильменными, морскими рыбаками, то мы предположили, что это их название, связано с родом их занятий и местом проживания. Данное предположение было подтверждено полевыми материалами. Тальбиев Владимир Алексеевич (1965 г.р.), выходец из дойда багутов, потомок жителя поселка Бухта, представил схему расположения домов в пос. Бухта с указанием фамилий и количества детей в семье, также список калмыков — выходцев из пос. Бухта (Ракуша), умерших в Сибири с 1944 г. по 1957 г. (95 человек). Эту схему и список он получил от своего деда Тальбиева Босхи Манджиевича, горячо болевшего за судьбу своего народа, своих однохотонцев. Поселок Бухта находился в излучине Лаганского банка, недалеко от современного поселка Ракуша, с которым потом слился. В поселке проживали багуты, а также представители других этнических групп [ПМА: информант Тальбиев В. А.].

Тоста багуты, по словам информанта Дорджиева Михаила Эрэндженовича (1943 г. р.), являлись жителями бывшего поселка Шар Луузн Долбанского района Калмыцкой АССР, они были в основном выходцами из дойда багутов. Поселок входил в состав колхоза «Красный овцевод». Наименование «тоста багут» имеет несколько версий происхождения. Поскольку его образование датируется поздним периодом, то наиболее вероятным является такая версия: колхоз был богатым и, исходя из калмыцкой поговорки «мал асрхла — амн тоста», ‘растить скот — в жиру рот’, местные жители стали называться «тоста багут», ‘Багуты в жиру’ (подобно выражению «как сыр в масле»).

Этимологию этнонима «багут» отдельные исследователи пытаются объяснять от корня слова *bah*, что значит «малый, незначительный». На наш взгляд, численность багутов не позволяет принять такую этимологию. Багуты наравне с цаатанами, эркетенами являются одним из крупных компонентов в составе торгутов. Не зря существует поговорка «эрктн, цаатн, бахуд хурвн эвтэ сээхн жирһнэ» ‘эркетены, цаатаны и багуты прекрасно, мирно живут’. В настоящее время произошло смешение этнических групп вследствие браков, и они представляют собой единое торгутское население. Нередко можно услышать: «догшн барс жилтэв, дойда багут гергтэв» ‘родился в год свирепого барса и жена из дойда багутов’. Среди населения бытуют представления о божествах-покровителях багутов и цаатанов, которые порой смешиваются. Известный лаганский поэт Иван Убушаев не различает их, он пишет:

Молитвы кружат над домами.

Они — очистители душ.

Пусть слышат их наши бурханы —

И старец Чагчав и Аюш [Убушаев 2008: 35].

У. Э. Эрдниев отмечает, что багуты издавна входят в состав ойратов: во время чингисидов ойраты выставляли сорок тысяч воинов в общемонгольскую армию. Такое огромное число под силу союзу племен, и союз ойратских племен состоял из багутов, батутов, хойтов и других [Эрдниев 1980: 26–27]. О территории расселения узнаем из сведений, приводимых персидским историком Рашид ад-

Дином: племена баргут, тулас, туман, ойраты жили в Восьмиречье и Баргуджин-Тукуме [Рашид ад-Дин 1952: 118, 121–122].

Г. О. Авляев справедливо возводит багутов и их наименование к баргутам, баргу-бурятам, которые назывались «братскими калмыками» [Авляев 2002: 13] и в древние времена обитали в Прибайкалье, где также проживали предки калмыков — ойраты. Ученый утверждает, что термин «баргут» вследствие выпадения звука [P] в калмыцком произношении превратился в «багут» [Авляев 2002: 113], видимо, подобно тому, как название аха-цаатановского рода «баатут» образовалось от «баатр» 'богатырь', или слово «ут» произошло от «урту» 'длинный, долгий'. Основываясь на данном утверждении, Г. О. Авляев считает, что калмыки-багуты происходят от средневековых баргу-бурятов, или баргутов, и являются их потомками. Приводя данные «Сокровенного сказания монголов», он справедливо отмечает, что часть хори-гуматов и баргутов после подавления их войсками Чингиса в 1207 г. отдали под управление ойратскому тайше Хутуха-беки. С этого времени, отмечает Г. О. Авляев, ссылаясь на Ц. Б. Цыдендамбаева, и др. часть западных протобурятских племен оказалась под влиянием ойратов и ассимилировалась в их среде [Цыдендамбаев 1972: 113].

Ц. Б. Цыдендамбаев приводит сведения о том, что тюрки баргутов называют байырки, что означает «примитивный, стародавний», следовательно, данный этноним сопоставим с монгольским «барга» 'грубый, примитивный, стародавний, патриархальный'. При этом автор упоминает, что у части протомонголов был тотем «собака» [Цыдендамбаев 1972: 279]. В калмыцком языке слово «барг» означает «волкодав». На наш взгляд, представляется возможным толкование этнонима баргуты-багуты от значения «собаки, волкодавы».

Э. Р. Раднаев сообщает, что Баргузин в древности был своего рода «Запорожской сечью», куда стекались некоторые племена, бежавшие от постоянных войн, угнетения ханов и вследствие земельной тесноты [Раднаев 1965: 74].

Согласно «Сокровенному сказанию монголов», в 1207 г. баргуты подняли восстание, которое было подавлено объединенными силами ойратов и монголов, в результате баргуты были включены

в состав ойратов. Благодаря воинственной доблести, которой прославились баргуты, сведения о них встречаем в героическом эпосе «Джангар», где они упоминаются как телохранители Шара Гюргю: «Найн хойр бархтинь түлкн чавчад» — ‘Восемьдесят два бархутов (баргутов) рубили, толкнув’ [Джангар1960: 254]. Это, наверное, единственный калмыцкий (ойратский) этноним, который встречается в эпосе. Помимо этого имя Шаджын Дева, отца суженой Джангара, которая родила ему сына Шовшура, на наш взгляд, с именем которого, возможно, связан вариант имени багутского Шар Дээв. Такое множественное отражение баргутов-багутов в эпосе показывает древность вхождения их в состав протоойратов, активность участия их в формировании калмыцкого этноса, создании калмыцкой культуры, проливает свет на хронологию и географию создания «Джангара», на отношение между баргутами и протоойратами, обитавшими по соседству в Восьмирье: страна их называлась «Эрцс Бумбин орн» ‘Иртышской страной Бумба’ [Джангар1960: 249].

Следует отметить, что ики, дойда, шарс багуты ряд столетий проживают вместе в одном регионе, они являются родственными группами — испытавшими миксацию, и даже имя Шар Дээв, как кажется, стало ураном дойда багутов («Хавчн Дээвд»), а тамга «чиндамани» стала общей для всех багутов.

В научной литературе по монголоведению этноним багут редко встречается в близких по написанию формах. Возможно, эти варианты написания, напоминающие искомый, связаны с самими баргутами, ушедшими, как выяснил Э. Р. Раднаев, в Монголию [Раднаев 1965: 76–77]. Намжавин Содмон, ссылаясь на исследования Чингелтея, пишет, что в результате экспедиций монгольские языки Китая были систематизированы и классифицированы следующим образом: 1) баргу-бурятский диалект; 2) восточный диалект; 3) центральный диалект; 4) западный диалект; 5) ойратский диалект [Содмон 2012: 14–16].

Баргуты (тюрк. байырки, кит. ба-ей-гу, калм. багуты), преодолев пространство и время, оказались на просторах от Байкала до Китая и Калмыкии, сохранили этноним и языковые особенности.

А. П. Окладников отмечает, что обстоятельный разбор фактов, относящихся к этническому составу бурятской народности, и сводка теорий об их происхождении даны Б. Б. Бамбаевым, которому принадлежит новейшая попытка определения состава предков бурят-монголов, в частности, эхирит-булагатов, связываемых с байырку-баргутами — ответвлением ойратов [Окладников 1976: 95]. Возможно, этим можно объяснить наличие среди бурят багутов, которые по своим внутриродовым подразделениям идентичны калмыцким. Такое сходство также объясняет введение баргутов в состав ойратов Чингис-ханом в 1207 г. Таким образом, багуты, являясь потомками древних баргутов, по происхождению связаны с ранними ойратами.

Литература

Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и испр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 196 с.

Бадмаев А. В. Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 268 с.

Балинова Н. В. Структура сельских поселений Икрянинского района Астраханской области (по материалам полевых исследований) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 1. Элиста, 2011. С. 88–92.

Дорджиева Г. Ш., Дорджиев М. В. Хотон Эндыр: Прошлое. Настоящее. Будущее. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 207 с.

Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Уланбаатар, 1975. С. 125–128.

Митиров А. Г. Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 375 с.

Намжавин С. История развития и современное функционирование ойратской письменности «тодо бичиг». Элиста, 2012. Рукопись.

Окладников А. П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1976. 248 с.

Очиров У. Б. Расселение и этнический состав калмыков в XVIII–XX вв. // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. С. 47–61.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. Мат-лы этнографии. СПб. 1881.

Раднаев Э. Р. Баргузинский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ, 1965. С. 71–107.

Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. С. 150.

Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII в. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 378 с.

Убушаев И. У. Джунгарский ветер. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 179 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ. 1972. 256 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 196 с.

Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch, 1976.

Полевые материалы автора Список информантов

1. Бадмагаряева Зоя Соджаевна, 1925–2007 гг., шарс-багутка, нарна шарс, шар дээв.
2. Нактанов Константин Константинович, 1966 г. р., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права КГУ, дойда багут.
3. Бурулов Яков Болдыревич, 1902–1998 гг., дойда багут, Урань Хавчн Дээвд.
4. Тальбиев Владимир Алексеевич, 1965 г. р., дойда багут, мастер спорта по вольной борьбе.
5. Очиров Анатолий Георгиевич, 1946 г. р., хореограф, заслуженный артист РК, профессор Китайской академии искусств, лауреат премии им. Л. Н. Гумилева.
6. Дорджиев Михаил Эрендженевич, 1940 г. р., кандидат экономических наук, тоста багут.

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД*

Миграция является одним из существенных факторов изменения численности населения. Мониторинг и регулирование процессов миграции населения — одна из важнейших задач органов государственной власти по стратегическому планированию регионального развития. Особого внимания, на наш взгляд, требует анализ миграции населения в малочисленных субъектах РФ. Республика Калмыкия при значительной территории обладает самым малочисленным населением на Юге России. Официальная статистика в виде данных территориального органа Росстата отражает тенденцию, сформировавшуюся в республике в последние два десятилетия: при естественном приросте наблюдается миграционная убыль, в результате чего численность населения неуклонно сокращается [Чурюмова].

Так, за 2012 г. в Калмыкии родилось 4257 чел., умерло 2865, естественный прирост составил 1392 чел., что на 9,2 % больше аналогичного показателя за 2011 г. В республику в 2012 г. прибыло 11888 чел., покинуло 15835. Миграционная убыль зафиксирована в количестве 3947 чел. Это на 13,2% больше, чем за аналогичный период 2011 г. [Доклад 2013: 58–60].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности». Направление II «Этнодемографические трансформации в постсоветский период» в рамках проекта «Демография народов Республики Калмыкия (конец XX – начало XXI вв.)».

Оборот межрегиональной миграции в 2012 г. составил 10887 чел., миграционная убыль этого потока миграции — 4175 чел. Миграция со странами СНГ имеет положительное сальдо, которое по сравнению с 2011 г. увеличилось на 9,1%. Общая убыль населения за 2012 г. составила 2555 чел. (за 2011 г. общая убыль составляла 2210 чел.) [Доклад 2013: 60].

В основном жители республики выезжают в соседние регионы, в Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. Отрицательное сальдо миграции — одна из основных причин сокращения численности населения республики в последние годы [Чурюмова]. Миграционная убыль обусловлена, прежде всего, социально-экономическими факторами (безработица, низкий уровень доходов населения) [Чурюмова]. Сведениями о трудовой миграции жителей республики в Москву и другие регионы Отдел Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия не располагает, фиксируется только выбытие граждан в тот или иной регион [Григорьева].

В Калмыкии фиксируется увеличение регистрации визитов иностранных граждан, приезжающих в республику. Отдел ФМС России по РК характеризует миграционную ситуацию на территории республики в целом как стабильную. Несмотря на то, что ежегодно число прибывающих в Калмыкию иностранных граждан растет в среднем на 25 %, доля поставленных на миграционный учет иностранцев к общей численности населения РК составляет незначительный процент. К примеру, в 2011 г. — 2 %, в 2010 г. — 1,9 %. В последние годы наибольшую часть зарегистрированных иностранцев составляют жители бывших республик СССР — 58,8 %. Из них граждан Узбекистана — 25,7 %, Казахстана — 10,1 %, Азербайджана — 7,8 %, Украины — 7,4 %, Таджикистана — 4,1 %, Армении — 3,3 %, Киргизстана — 1,7 % [Григорьева].

Во многом доля иностранных граждан зависит от целей пребывания на территории республики. Преимущественно это частные визиты. В среднем за год с такой целью регистрируется 49,2 % иностранцев от общего числа въезжающих зарубежных граждан. Так, доля частных целей при постановке на учет по годам состав-

ляет: 2008 г. — 61,2 %, 2009 г. — 55,1 %, 2010 г. — 46,7 %, 2011 г. — 33,8 %. Одной из основных целей, с которой прибывают иностранные граждане, остается трудовая деятельность. Ежегодно это составляет примерно 22 % от количества зарегистрированных иностранцев. В основном это жители Узбекистана, Китайской Народной Республики и Казахстана [Григорьева].

В последние годы стабильную динамику имеют показатели по оформлению виз иностранцам и лицам без гражданства, приглашений и разрешений на временное проживание. Так, в среднем за год оформляется 350 виз, 440 приглашений, 215 разрешений на временное проживание [Григорьева].

Ежегодно Министерство здравоохранения и социального развития РФ (ныне — Министерство труда и социального развития РФ) ведомственным приказом определяло регионам размер квоты для выдачи иностранным гражданам разрешений на работу [Приказ: 2009, 2010, 2011]. В 2010 г. для Республики Калмыкия квота составила 935 разрешений, оформлено 797 разрешений, или 84,2%. На 2011 г. Минздравсоцразвития России выделил Калмыкии также 935 квот. Отделом ФМС по РК было оформлено 667 разрешений на работу, или 71,3% от установленной квоты. На 2012 г. в республике была установлена квота в размере 1111 единиц [Григорьева].

В 2011 г. разрешения на трудовую деятельность в сельском хозяйстве получили 270 человек, или 58,8% от общего числа оформивших разрешений на работу, в строительстве — 151 чел., в обрабатывающих производствах — 20, в оптовой и розничной торговле — 10, в сфере предоставления услуг — 6, в здравоохранении и на транспорте — по одному. В 2012 г. работодателям утверждено 8 разрешений на привлечение и использование 256 граждан Китая. Иностранные работники, как и в прошлые годы, были заняты в отраслях, где вакансии не востребованы местными жителями [Григорьева].

По итогам первого полугодия 2012 г. оформлено 655 разрешений на работу. Квота для выдачи иностранным гражданам приглашений на въезд в целях осуществления трудовой деятельности

на территории Калмыкии за 2012 г. составила 597 мест и за шесть месяцев использована на 52,7 %. Наибольшую долю трудовых мигрантов, приезжающих в Калмыкию, составляют граждане КНР — 205 человек и Узбекистана — 365 человек. Оформили разрешения также выходцы из Азербайджана, Армении, Украины, Таджикистана, Киргизии, Монголии, Грузии, Непала, два лица без гражданства. Мигранты, в основном мужчины от 18 до 49 лет, заняты в сферах строительства, образования, транспорта, торговли и культуры, религиозной деятельности [Потребность].

Потребность в иностранной рабочей силе на 2013 г., заявленная в Республике Калмыкия, составила 927 чел. Это на 184 чел. (16,6%) меньше, чем в 2012 г. По сравнению с 2011 г. уменьшение квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу в республике составило 0,9% [Потребность]. Окончательно квота на 2013 г. была установлена в размере 847 единиц [Приказ: 2012].

В 2014 г. планировалось, что квота на трудовых мигрантов в Калмыкию составит 1750 чел. В соответствующий орган Республики Калмыкия — Агентство занятости населения и труда РК (ныне — Министерство социального развития, труда и занятости Республики Калмыкия [Указ: 2013]) — поступили заявки от 40 работодателей, предусматривающих в 2014 г. привлечение иностранных граждан в целях осуществления трудовой деятельности. На основании заявок была сформирована общая потребность привлечения иностранных работников на 2014 г. в количестве 1750 чел., в том числе из стран в порядке, не требующем получения визы, — 1159 чел., из стран в порядке, требующем получения визы — 591 чел. Больше всего человек ожидалось привлечь из Узбекистана — 860 и Китая — 578 [Квота].

Основная доля заявленной иностранной рабочей силы приходилась на отрасли «сельское хозяйство» — 48,9 %, «строительство» — 45,8 % и «обрабатывающие производства» — 3,7 %, доля прочих отраслей была незначительна. Вместе с тем, органы исполнительной власти Калмыкии посчитали нецелесообразным в условиях высокого уровня безработицы в республике привлечение иностранных работников по отдельным строительным и иным

рабочим специальностям, так как замещение указанных рабочих мест возможно гражданами из числа безработных, зарегистрированных в органах занятости населения республики [Квота]. В итоге заявленная квота была снижена и на 2014 г.: согласно Минтруда России она составляет 816 единиц [Приказ: 2013].

Важной практической задачей в связи с этим является также разработка мер, направленных на формирование толерантных установок принимающего населения по отношению к мигрантам [Бадмаева 2012: 104]. Следует отметить, что внешние миграционные процессы не оказывают значительного влияния на преступность в Республике Калмыкия и коэффициент преступности иностранных граждан снижается за последние годы [Авшеев 2012: 113].

Миграционная служба в соответствии с Указом Президента России от 22 июня 2006 г. «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» как полномочный орган реализует комплекс мер по оказанию государственного содействия переселению соотечественников, проживающих за рубежом и желающих переехать в Россию на постоянное место жительства [Указ: 2006]. Отделом ФМС по РК совместно с республиканским правительством была подготовлена региональная программа. Ее проект был направлен на экспертизу в Минрегион России. Свои замечания и предложения в него внесли федеральные органы исполнительной власти, такие как Минэкономразвития России, Минздравсоцразвития России, Минфин и ФМС [Григорьева].

Вопрос о необходимости принятия программы на территории Калмыкии был решен 27 сентября 2011 г. на заседании федеральной Межведомственной комиссии по реализации госпрограммы по оказанию содействия добровольного переселения в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. По итогам заседания Правительству РФ было рекомендовано предоставить Калмыкии отсрочку в силу отсутствия у республики достаточных финансовых возможностей для ее реализации. Распоряжением Правительства РФ от 27 января 2012 г. № 57-р «Об отсрочке разработки

проектов региональных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» Республике Калмыкия наряду с другими субъектами РФ она была предоставлена [Григорьева; Распоряжение].

Таким образом, в Калмыкии фиксируется отрицательное saldo внешней миграции. Привлечение иностранной рабочей силы не оказывает негативного влияния на рынок труда и имеет тенденцию к снижению.

Литература

Авишев Э. Ю. Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 110–113.

Бадмаева Н. В. Мигранты и принимающее общество: оценка экспертов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2012. № 3. С. 105–107.

Доклад об экономическом и социальном положении Республики Калмыкия. Январь 2013 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2013. № 1. 69 с.

Григорьева Р. Высокая безработица в Калмыкии иностранцев не пугает? [электронный ресурс] // URL: <http://smozaika.ru/headings/1-obschestvo/598-vysokaya-bezraboticza-v-kalmykii-inostrancev-ne-pugaet> (дата обращения: 21.05.2012).

Квота на трудовых мигрантов в Калмыкию в 2014 году составит 1750 человек [электронный ресурс] // URL: <http://gov.kalmregion.ru/news/2012-02-03-08-36-50/8814-----2014--1750-> (дата обращения: 21.06.2013).

Потребность Калмыкии в иностранных работниках в 2013 году составит 927 человек [электронный ресурс] // URL: <http://www.regnum.ru/news/1579510.html> (дата обращения: 09.10.2012).

Приказ Минздравсоцразвития РФ от 22.12.2009 № 1008н (ред. от 20.09.2010) «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2010 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.12.2013).

Приказ Минздравсоцразвития РФ от 08.12.2010 № 1080н (ред. от 14.12.2011) «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2011 год квоты на выдачу иностранным

гражданам разрешений на работу» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.12.2013).

Приказ Минздравсоцразвития России от 30.11.2011 № 1434н (ред. от 11.12.2012) «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2012 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.12.2013).

Приказ Минтруда России от 30.11.2012 № 566н (ред. от 21.10.2013) «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2013 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.12.2013).

Приказ Минтруда России от 16.12.2013 № 739н «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2014 год квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.12.2013).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.01.2012 № 57-р «Об отсрочке разработки проектов региональных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. 06.02.2012. № 6. Ст. 744.

Указ Главы Республики Калмыкия от 13.09.2013 № 116 «О внесении изменений в структуру органов исполнительной власти Республики Калмыкия, утвержденную Указом Главы Республики Калмыкия от 3 ноября 2010 года № 335 «О структуре органов исполнительной власти Республики Калмыкия» (с изменениями и дополнениями от 11 ноября 2010 года № 342, от 29 июля 2011 года № 115, от 28 марта 2012 года № 23, от 21 декабря 2012 года № 218, от 11 июня 2013 года № 75, от 21 июня 2013 года № 87)» // Хальмг үнн. 2013. 14 сентября. № 161.

Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 (ред. от 11.07.2013) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.12.2013).

Чурюмова Д. В Калмыкии продолжается миграционный отток населения на фоне естественного прироста [электронный ресурс] // URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/185582/> (дата обращения: 17.05.2011).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫКОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ В XIX в.

В первой половине XVII в. калмыки, приняв российское подданство, оказались в иных геополитических условиях. Расселившись на новых территориях, они сохранили традиционный образ жизни кочевников-скотоводов. Особенности экстенсивного номадического хозяйства, определенная зависимость от климатических условий способствовали тесным связям между членами общества и соответственно совместному решению вопросов местного значения.

В истории развития калмыцкого общества на берегах Волги немало фактов, свидетельствующих о том, что на разных этапах ему было присуще самоуправление. В разные хронологические периоды самоуправление проявлялось в различных формах, среди которых наиболее заметными и устойчивыми являются:

- сход;
- улусное и аймачное самоуправление;
- казачье самоуправление.

Примеры деятельности местного самоуправления можно наблюдать в социальной сфере: организация помощи старикам, сиротам, малоимущим слоям населения; работа школ, органов здравоохранения, призрения. В силу своей природы местное самоуправление позволяет при прямом участии населения наладить экономный и адресный процесс создания социальных благ. В связи с этим

следует отметить, что исторический опыт показывает, что местное самоуправление выгодно и населению (предоставленная самостоятельность позволяет раскрываться инициативе людей, за счет чего находятся дополнительные местные ресурсы для блага всех), и государству (эффективное решение многих вопросов на уровне местного самоуправления избавляет его от ряда проблем).

Принимая во внимание важное значение добровольного вхождения кочевого народа в состав России, царизм постепенно проводил осторожную политику по введению их в общероссийскую вертикаль управления, основываясь на принципах правового плюрализма на низовом уровне. Стремление к синтезу сложившейся правовой системы местных традиций и обычаев с имперским законодательством проявлялось, в первую очередь, в поддержке института самоуправления, который основывался на родовых и внутриэтнических связях и нормах обычного права. В задачи общественного самоуправления входили охрана общественного порядка, безопасность лиц и имущества, со временем — паспортный контроль. Важной сферой его деятельности были дела по врачебному благоустройству, народному продовольствию, противопожарным мероприятиям, управлению хозяйством, сбору податей, контролю за выполнением повинностей.

Обязанности выборных лиц по социальной защите населения были закреплены в обычном праве калмыков еще XVII в., примером чего является «Восемнадцать степных законов». *«Староста каждого отока должен наказывать дэмчи каждого сорока /юрт/, чтобы /повсюду/ собирали всех бедных, обездоленных, которые разбрелись и бродят /по улусам/, и позаботились о них. А дэмчи обязан их собрать. Если не соберет, то взять /с него/ девятку и лишить звания дэмчи. Староста отока должен заботиться обо всех этих бедных наравне со своими /людьми/»* [Антология 2012: 63]. Таким образом, нормы обычного права ойратов позволяют констатировать, что проблемы социальной сферы всегда находились под пристальным вниманием местного самоуправления.

В 1822 г. по инициативе русского правительства на съезде калмыцкой знати с целью приведения древнейших калмыцких законов «в согласность с потребностями народа» были составлены Зинзилинские постановления. Несмотря на то, что данный памятник права не получил практического применения по мнению Ф. И. Леонтовича «констатированные в Зинзилинских постановлениях дополнения и исправления в древнем «праве мунгальских и калмыцких народов» были воспроизведены на строгой почве правовых обычаев, как они развились и удержались в современном быту русских калмыков» [Леонтович 1880: 4–5]. Глава II «Постановлений» называется «О призрении бедных» и включает статьи, посвященные заботе о социально незащищенных слоях населения, что входит в функциональные обязанности должностных лиц. «Сирот, престарелых, и всех бедных вообще приказывать старостам собирать и отдавать в призрении родственникам» [Леонтович 1880: 73]. В случае неисполнения должностным лицом своих обязанностей он лишался должности, и с него взыскивался штраф. Средства, поступавшие в виде уплаты штрафа за оговоренные статьи «Постановления» должны были направляться на содержание бедных. Кроме того, данный правовой акт содержал норму, согласно которой старшина привлекался к уголовной ответственности за смерть от голода бедного человека. Отдельно отмечается, что «призрение больных неимущих есть первейший долг всякого общества», а также упоминается необходимость благотворительности со стороны знати и духовенства [Леонтович 1880: 75].

Глава III «О воспитании» посвящена образованию подрастающего поколения вне зависимости от социального положения, так текст «Постановления» гласит «Каждый в мирской жизни из простонародья должен учиться монгольской грамоте», а также «по лености не обучающегося науке не уважать в обществе» [Леонтович 1880: 78].

Опыт правотворчества в виде Зинзилинских постановлений показывает, что вопросы социальной защиты населения Калмыцкой степи XIX в., являлись прерогативой органов местного самоуправления.

Высочайше утвержденное «Положение об управлении Калмыцкого народа от 24 ноября 1834 г. (опубликовано 28 декабря 1835 г. и введено в действие с 1 января 1836 г.) содержит норму, согласно которой хотонные старшины как выборные должностные лица местного самоуправления осуществляли надзор за нравственным состоянием общества. Так «Ввоз хлебного вина и всякого рода крепких напитков в улусы и продажа там оных решительно воспрещается» [Антология 2012: 307].

23 апреля 1847 г. Высочайшим указом Николая I было утверждено новое «Положение об управлении калмыцким народом» [ПСЗ РИ. Т. XXII. № 21144], создававшее правовую основу для введения калмыцкого народа в общую систему экономической, социальной, культурной жизни других народов Российской империи. Указанным правовым актом в Калмыкии на законодательном уровне впервые были заложены основы местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов, формируемых на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения.

На улусном сходе состоявшегося в урочище Аршань-Зельмень в августе 1887 г. «по предложению Улусного управления калмыцким народом на основании донесения Попечителя Малодербетовского улуса» было принято решение об установлении круговой поруки в плате повинностей [НА РК Ф. И–15. Оп. 2. Д. 1992. Л. 1–2]. Согласно Юридическому словарю, под круговой порукой следует понимать ответственность всех членов общины (иного коллектива) за действие или выполнение обязанности каждым ее членом [Юридический словарь 2000: 154].

10 октября 1896 г. общество калмыков Александровского улуса Уранхусова рода на аймачном сходе постановили: «если кто либо из лиц взявших ссуды в минувшую 1895/96 г. зиму по каким либо обстоятельствам заплатить таковую будет не в состоянии, то мы общественники обязуемся уплатить за него сумму долга по добровольной между собой раскладке» [НА РК Ф. И–9. Оп. 2. Д. 61. Л. 11]. Примеры установления круговой поруки решением схода являются закономерным явлением в жизни общества калмы-

ков XIX в., таким образом состоятельные сородичи добровольно брали на себя исполнение финансовых обязательств малоимущих членов общества.

Приговором Малодербетовского улусного схода, который состоялся 31 июня 1910 г. в урочище Ханата, было принято решение об учреждении фельдшерских пунктов по аймакам, открытии вновь построенной 2-й улусной школы для девочек (попечительницей была назначена княгиня Ользете Багилиевна Тундутова), ассигновании средств на постройку новой улусной больницы, а также о сооружении моста через реку Аршан [НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 52–54].

В сентябре 1910 г. из 15 вопросов, рассмотренных на Александровско-Багацохуровском улусном сходе, шесть вопросов были посвящены оказанию материальной помощи сородичам по разным причинам, что было зафиксировано в приговоре. Так, были удовлетворены прошения калмыка Барунова рода Каршан Салиева о выдаче пособия на преобразование кибитки с домашней утварью, по случаю бывшего у него пожара, уничтожившего и кибитку, и домашнее имущество; калмыка Барунова рода Босхомджи Генденова и вдовы калмычки Зюнева рода Ользете Лиджиевой «о сложении с них по бедности недоимок и окладов за 1910 г. казенного и уравнительного сборов»; вдовы калмычки Ользете Шургучиевой о назначении ей постоянного пособия ввиду ее бедности и неспособности к труду, вследствие отсутствия рук, которых она лишилась, отморозив их в зиму; калмычки Барунова рода Киштан Лиджиевой, вдовы умершего рассыльного Багацохуровского улусного управления Лиджи Каштыкова, о выдаче ежемесячного пособия. По решению упомянутого схода больнице Астраханского Приказа общественного призрения была уплачена недоимка в сумме 72 рублей 25 коп за лечение Икицохуровских калмыков, оказавшихся не в состоянии уплатить за лечение [НА РК Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2032. Л. 81–83].

Для четкой регламентации деятельности аймачных старшин и хотонных старост была разработана «Инструкция аймачным

старшинам и хотонным старостам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 135. Л. 252–257], утвержденная Главным попечителем калмыцкого народа 15 сентября 1894 г. Согласно данному документу, в ведомстве управляющего аймаком состояли все хотоны, а также лица, временно проживающие на территории аймака с разрешения улусного попечителя. В соответствии с Инструкцией, аймачные старшины наделялись административными (например, принятие мер по обеспечению благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки), фискальными (исполнение денежных и натуральных повинностей), надзорными (контроль за общественной безопасностью и правопорядком) полномочиями. Старшина должен был проявлять особую заботу об обеспечении здорового образа жизни, препятствовать распространению алкогольных напитков и азартным играм и т. п.

Таким образом, деятельность органов местного самоуправления в Калмыцкой степи XIX века можно охарактеризовать по следующим основным направлениям:

- строгое подчинение источникам права, как законодательным, так и нормам обычного права (забота о сиротах, престарелых, неимущих);
- традиция благотворительности;
- забота о нравственности.

Проблемы социальной сферы находились под особым вниманием местного самоуправления, и их решение происходило в аспекте улучшения качества жизни населения, оказания помощи нуждающимся и благоустройства социальной среды. Организация системы местного самоуправления в Калмыцкой степи XIX в. имеет богатый опыт, который не потерял своего значения и на сегодняшний день: он может быть использован в деятельности современной системы муниципалитетов Республики Калмыкия.

Источники

*Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).*

Литература

Антология памятников права народов Кавказа. Т. 9. Памятники права калмыков. Под ред. Д. Ю. Шапсугова Элиста – Ростов н/Д., 2012. 455 с.

Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Часть 1 в кн.: Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 29. Под ред. А. А. Кочубинского. Одесса, «Типография г. Ульриха», 1880. 439 с.

Лиджиева И. В. Источники из истории местного самоуправления Калмыкии в середине XIX в. (на материалах Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. Элиста, 2013. С. 20–23.

Юридический словарь. М.: ИНФРА-М., 2000. 304 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асирова Нина Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста).

E-mail: bemba75@mail.ru

Nina Asirova — Ph. D. of Philology, associate professor of the Department of Kalmyk language and Mongolistics of the Kalmyk State University (Elista).

E-mail: bemba75@mail.ru

Бадгаев Николай Боктанович — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: kigiran@elista.ru

Nikolay Badgaev — Ph. D. of Philology, research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: kigiran@elista.ru

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: kigiran@elista.ru

Elza Bakayeva — Ph. D. of History, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: kigiran@elista.ru

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Valery Batyrov — Ph. D. of History, senior research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Бембеев Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: galdma@yandex.ru

Evgeniy Bembeev — Ph. D. of Philology, academic secretary of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: galdma@yandex.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

E-mail: albury@rambler.ru

Aleksey Burykin — Ph. D. of Philology, Ph. D. of History, leading research worker of Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg).

E-mail: albury@rambler.ru

Гунаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: gunayev@yandex.ru

Evgeniy Gunaev — Ph. D. of Jurisprudence, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: gunayev@yandex.ru

Колесникова Марина Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь).

E-mail: kolesnikovam@rambler.ru

Marina Kolesnikova — Ph. D. of History, Professor, Head of Department of History of Russian North Caucasus Federal University (Stavropol).

E-mail: kolesnikovam@rambler.ru

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией экспериментальной и прикладной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: vika.kukanova@mail.ru

Viktoria Kukanova — Ph. D. of Philology, Head of Laboratory of experimental and applied Linguistics of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: vika.kukanova@mail.ru

Кукеев Адьян Геннадьевич — младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: kigiran@elista.ru

Adjan Kukeev — junior research worker of the Written Monuments, Literature and Buddhism Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: kigiran@elista.ru

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: deliash@mail.ru

Delyash Muzraeva — Ph. D. of Philology, associate professor, senior research worker of the Written Monuments, Literature and Buddhism Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: deliash@mail.ru

Омакаева Элара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: kigiran@elista.ru

Ellara Omakaeva — Ph. D. of Philology, associate professor, Head of Linguistic Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: kigiran@elista.ru

Орлова Кеemia Владимировна — доктор исторических наук, профессор Общеуниверситетского учебно-научного Центра изучения культуры народов Сибири РГГУ (Москва).

E-mail: orlovnk@mail.ru

Keemia Orlova — Ph. D. of History, Professor of the RSUH University's educational-scientific Center for the study of culture of peoples of Siberia (Moscow).

E-mail: orlovnk@mail.ru

Осорин Утнасун — младший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: utnash64@mail.ru

Utnasn Osorin — junior research worker of the Folklore and Dzhangar Studies Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: utnash64@mail.ru

Улзийтегш Батжаргал — студент Калмыцкого государственного университета (Элиста)

E-mail: Olziytegsh@mail.ru

Ulziitegsh Batjargal — student of the Kalmyk State University (Elista)

E-mail: Olziytegsh@mail.ru

Пунсалдулам Б. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории АН Монголии (Монголия)

E-mail: borpunsaa@yahoo.com

Punsaldulam B. — Ph. D. of History, leading research worker of the Institute of History of the Academy of Sciences of Mongolia (Mongolia)

E-mail: borpunsaa@yahoo.com

Селеева Цаган Бадмаевна — научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: tsagana007@mail.ru

Tsagan Seleeva — research worker of the Folklore and Dzhangar Studies Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: tsagana007@mail.ru

Содномпилова Марина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Marina Sodnompilova — Ph. D. of History, leading research worker of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude).

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Убушаев Николай Надбитович — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста).

E-mail: kigiran@elista.ru

Nikolay Ubushaev — Ph. D. of Philology, senior research worker of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista).

E-mail: kigiran@elista.ru

Очирова Н. Г. Востоковедческая проблематика в исследованиях Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (международное сотрудничество)

Статья посвящена международному аспекту научных исследований ученых КИГИ РАН. Определены основные исследовательские приоритеты востоковедного направления. Особое внимание уделено международным экспедициям и конференциям, проводившимся на территории Калмыкии, Монголии и Китая.

Ключевые слова: востоковедческая проблематика, научные исследования, международное сотрудничество, экспедиции, конференции, КИГИ РАН.

Ochirova N. Oriental issues in researches of Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.

The article is devoted to the international aspect of researches of the scientists of KIH RAS. The main research priorities of oriental direction are defined. Particular attention is paid to international expeditions and conferences held on the territory of Kalmykia, Mongolia and China.

Keywords: Oriental issues, scientific researches, international cooperation, expeditions, conferences, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS.

Бурыкин А. А., Омакаева Э. У. Монгольский язык и монголо-тюркские лексические связи в первой половине XIII в. (по языковым материалам Киракоса Гандзакеци).

Авторы статьи рассматривают монгольские слова из сочинения Киракоса Гандзакеци, армянского историка XIII в., выделяют среди зафиксированных им слов собственно монгольские слова, монгольские и тюркские слова, которые можно считать синонимами в узусе XIII в., и собственно тюркские слова, заимствованные монгольским языком до XIII в. Это первый опыт рассмотрения раннего источника по лексике монгольских языков в социолингвистической перспективе для дальнейших исследований в области алтайской теории.

Ключевые слова: письменные источники, монгольский язык, тюркские языки, заимствования, языковые связи.

Burykin A., Omakeeva E. The Mongolian language and Mongol-Turkic lexical communications in the first half of the 13th century (on the language materials of Kirakos Gandzaketsi).

The authors of the article observe the Mongolian words from the composition of Kirakos Gandzaketsi, the Armenian historian of the 13th century, where they allocate among the words fixed by Kirakos actually Mongolian words, the Mongolian and Turkic words as which it is possible to consider them as synonyms in the bilingual usage of the 13th century, and actually Turkic words, borrowed by the Mongolian language till the 13th century. It is the first experience of consideration of an early source on lexicon of the Mongolian languages in the sociolinguistic prospect for the further researches in the field of the Altaic theory.

Keywords: written sources, the Mongolian language, Turkic languages, loanwords, language communications.

Асирова Н. Д., Бембеев Е. В. Аффиксальное словообразование глагола калмыцкого языка XVIII в. (на материале исторических писем).

Статья посвящена описанию и структурно-семантическому анализу аффиксального словообразования глаголов, выявленных на материале языка писем калмыцких ханов XVIII в.

Ключевые слова: грамматика, глагол, аффиксальное словообразование, калмыцкий язык, старописьменный калмыцкий язык XVIII в.

Asirova N., Bembeev E. Affix word-formation of verb of the Kalmyk language of the 18th century (on material of the historical letters).

The article describes the structural and semantic analysis of word affixed verbs identified on the material of letters Kalmyk khans of the 18th century.

Keywords: grammar, verb, affixal word formation, the Kalmyk language, old written Kalmyk language of the 18th century.

Куканова В. В., Бембеев Е. В. О соотношении графемы и глифа в графической системе «тодо бичиг».

В статье рассматриваются вопросы соотношения графемы и глифа в графической системе «тодо бичиг», UNICODE-кодировки символов. Существует проблема псевдокодировки глифов графем «тодо бичиг».

Ключевые слова: «тодо бичиг», ойратский язык, транслитерация, кодировка, Unicode, графема, глиф, аллограф.

Kukanova V., Bembeev E. On the correlation of grapheme and glyph in the graphic system of «Todo script».

The article discusses issues of the correlation of grapheme and glyph in the graphic system of “Todo script”, character of UNICODE encoding sym-

bols. There is a problem of pseudo-coding of glyphs of graphemes of “Todo script”.

Keywords: «Todo script», Oirat language, transliteration, encoding, Unicode, grapheme, glyph, allographe.

Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в калмыцком языке и ее тематическая классификация (на материале эпоса «Джангар»).

Предметом исследования в данной статье является заимствованная лексика разных тематических групп, встречающаяся в калмыцком эпическом тексте.

В работе анализируются типы заимствованных единиц различной семантики, дается их характеристика с генетической точки зрения. Автор выявляет некоторые особенности адаптации лексических заимствований в калмыцком языке.

Ключевые слова: заимствования, санскритизмы, тибетизмы, тюркизмы, арабизмы, китаизмы, тематическая классификация, эпический текст, калмыцкий эпос «Джангар», семантика, способы адаптации.

Badgaev N. Loanwords in the Kalmyk language and their thematic classification (on the material of the epic «Jangar»).

The subject of this article is a borrowed vocabulary of different thematic groups, occurring in the Kalmyk epic text.

The study analyzes the types of borrowed units of different semantics, their characteristics are given from the genetic point of view. The author identifies some characteristics of adapting of lexical borrowings in the Kalmyk language.

Keywords: borrowings, sanskritizms, tibetisms, Turkic words, the Arabic loan-words, kitaizms, thematic classification, epic text, Kalmyk epic «Jangar», semantics, methods of adaptation.

Омакаева Э. У., Борлыкова Б. Х. Гидронимы в калмыцких и западно-монгольских песнях (на материале полевых исследований 2007–2013 гг.).

В статье рассматриваются выявленные авторами в лексиконе калмыцких песен наименования форм водного ландшафта и названия водных объектов, являющиеся ключевым доказательством былого присутствия в данном регионе ойратоязычных этносов, отражающие историю освоения пространства человеком. Особое внимание уделено функцио-

нированию гидрографических терминов в составе поэтических гидронимов в калмыцких фольклорных текстах.

Ключевые слова: гидронимы, гидрографический термин, водный ландшафт, вода, река, Калмыкия, Волга, Яик, Урал, Дон, Нарин, Кубань, Уласта, Сал, Маныч.

Омакаева Е., Borlykova B. Hydronyms in Kalmyk and West Mongolian folk songs (on the material of field researches of 2007–2013).

The article deals with the names of the forms of water landscape and the names of bodies of water revealed by the authors in the lexicon of the Kalmyk songs which are key evidence of the former presence of Oirat speaking peoples in the region and the history of space exploration by man. Particular attention is paid to the functioning of the hydrographic terms composed poetry hydronyms in the Kalmyk folklore texts.

Keywords: hydronyms, hydrographic term, water landscape, water, river, Kalmykia, Volga, Yaik, Ural, Don, Narin, Kuban, Ulasta, Sal, Manych.

The article is devoted to a comparative and typological study of Kalmyk numerical riddles. To identify the main features of their semantic structure the author uses a broad comparative material presented by Mongolian, Xinjiang Oirat and Buryat variants.

Селеева Ц. Б. О калмыцких загадках: к проблеме сравнительно-типологической вариативности числовых загадок в фольклоре монгольских народов.

Статья посвящена сравнительно-типологическому изучению калмыцких числовых загадок. Для выявления основных черт их семантической структуры привлекается широкий сопоставительный материал, представленный монгольскими, синьцзян-ойратскими и бурятскими вариантами.

Ключевые слова: числовые загадки, варианты, инвариант, семантическая структура, монголоязычный фольклор.

Seleeva Ts. About Kalmyk riddles: towards the problem of comparative and typological variability in the folklore of the Mongolian peoples.

The article is devoted to a comparative and typological study of Kalmyk numerical riddles. To identify the main features of their semantic structure the author uses a broad comparative material presented by Mongolian, Xinjiang Oirat and Buryat variants.

Keywords: numerical riddles, variants, invariant, semantic structure, Mongolian folklore.

Осорин Утнасун. Өөрдин домг шинжлэн тойм бээдл.

В статье представлен историографический обзор сбора, публикации и исследований легенд ойратов в Китае и России. Автор, проанализировав накопленный материал с точки зрения языковых, географических и иных особенностей, приходит к выводу, что в исследовании такого жанра несказочной прозы, как легенды, еще много нерешенных вопросов.

Ключевые слова: ойратские легенды, обзор, исследования, историография фольклора.

Osorin Utnasun. Overview of researches on Oirat legends.

The article presents a historiographical overview of collection, publication and researches on Oirat legends in China and Russia. Analyzing the accumulated material in terms of language, geographical and other features, the author comes to the conclusion that the study of this genre of non-fairy-tale prose as legends has still many unresolved issues.

Keywords: Oirat legends, overview, researches, historiography of folklore.

Музраева Д. Н. Исследование буддийского пантеона в отечественном востоковедении.

В статье дан анализ исследованиям отечественных ученых, посвященным описанию буддийского пантеона в целом, а также культам отдельных божеств. Эти работы в целом можно разделить на труды общего (искусствоведческого, культурологического, этнологического, философского) характера и исследования, основанные на анализе конкретных письменных источников.

Ключевые слова: буддизм, пантеон, письменные источники, монголоведение и тибетология.

Muzraeva D. Research of the Buddhist pantheon in the Oriental Studies of Russia.

The article gives the analysis of Russian scientists's researches devoted to the description of a Buddhist pantheon as a whole, and also to the cults of some deities. These works as a whole can be divided into works of the general character (figurative art, cultural context, ethnological aspects, philosophy, etc.) and the researches based on the analysis of written sources.

Keywords: Buddhism, pantheon, written sources, Mongolian and Tibetan Studies.

Кукеев А. Г. Таранатха – тибетский религиозный деятель и историк.

В статье дан обзор основных событий в жизни и деятельности известного тибетского историка и религиозного деятеля Таранатхи. Автор раскрывает суть учения буддийской школы Джонанг. Особое внимание обращается на то, что исторические и биографические труды Таранатхи являются одним из важных источников изучения развития буддизма в Индии.

Ключевые слова: биография, Таранатха, Джонанг, передача, буддизм.

Kukeev A. Taranatha – Tibetan religious figure and historian.

The article provides an overview of major events in the life and activities of the famous Tibetan historian and religious leader Taranatha. The author reveals the essence of the teachings of the Buddhist Jonang school. Particular attention is drawn to the fact that historical and biographical writings of Taranatha are an important source of study of the development of Buddhism in India.

Keywords: biography, Taranatha, Jonang transmission, Buddhism.

Бакаева Э. П. Байты Монголии: некоторые сведения о территории расселения и сакральных объектах.

Статья посвящена освещению некоторых вопросов истории расселения байтского населения Монголии. По данным полевой экспедиции 2013 г. также приводится информация о наиболее почитаемых святынях байтов — монастырях Цалгарын Рааш Даржалин хийд и Дэжэлингийн хийд, овоо и других сакральных объектах.

Ключевые слова: ойраты Монголии, байты, десять хошунов, культура, монастыри, овоо.

Bakaeva E. Bayits of Mongolia: some data on the settlement territory and sacral objects.

The article is devoted to illumination of some questions of the history of settlement of the Bayit population of Mongolia. According to field expedition of 2013 information on the most esteemed shrines of the Bayits — monasteries Tsalgaryn Raash Darzhalin khiid and Dezhelingsiyin khiid, owoo and other sacral objects also is provided.

Keywords: Oirats of Mongolia, Bayits, ten khoshuns, culture, monasteries, owoo.

Орлова К. В. Монастырь Дэжэлин в Западной Монголии (по материалам экспедиции в Убсунурский аймак в 2013 г.).

Статья посвящена старинному монастырю, расположенному в Убсунурском аймаке Западной Монголии, основанному в XIX в. Рассмотрена судьба данного монастыря и его возрождение в 1990 г.

Ключевые слова: монастырь, Западная Монголия, Увс аймак, Балдан Лхамо, А.В. Бурдуков.

Orlova K. Dezhelin monastery in Western Mongolia (on materials of the expedition 2013 in Ubsunursky aimag).

The article is devoted to the ancient monastery located in Uvs aimag in Western Mongolia, founded in the nineteenth century. The fate of this monastery and its restoration in 1990 is considered.

Keywords: the monastery, Western Mongolia, Uvs aimag, Baldan Lhamo, A.V. Burdukov.

Содномпилова М. М. Домашний алтарь в современном бурятском жилище: традиция и обновление.

Данная статья посвящена исследованию проявлений современного процесса религиозного возрождения, в частности, выявлению и изучению особенностей функционирования домашнего алтаря. Исследование этого важного элемента культовой системы ламаизма или шаманизма — конфессий, в равной степени претендующих на статус этнонациональной религии бурят, является особенно актуальным и эффективным в анализе развития процесса религиозного возрождения.

Ключевые слова: буддийское пространство, жилище, алтарь, культовые атрибуты.

Sodnompilova M. Home altar in the modern Buryat dwelling: tradition and updating.

This article is devoted to research of manifestations of modern process of religious revival, in particular, to identification and studying of features of functioning of a house altar. Research of this important element of cult system of a Lamaism or shamanism — the faiths equally applying for the status of ethnonational religion of the Buryats is especially actual and effective in the analysis of development of process of religious revival.

Keywords: Buddhist space, dwelling, altar, cult attributes.

Улзиитегш Б. Дува Сохорын дөрвөн хөвүүн Добун Мэргэн Авгаа ураг үл болгосны учир.

В статье рассматриваются вопросы истории происхождения дербетских родов, а также даются разъяснения одного эпизода из «Сокровенного сказания монголов», в котором говорится об отказе четырех сыновей Дува Сохора от рода их дяди Добун мергена.

Ключевые слова: Сокровенное сказание монголов, род, отказ от рода.

Ulziitegsh B. On the reasons for refusal of four sons of Duva Sokhor from hin a of their with uncle Dobun-Mergen.

Questions of history of an origin of derbet's families are considered in the article, and also explanations of one episode from «the Secret History of Mongols» in which it is told about refusal of Duva Sohor's four sons from a kin of their uncle Dobun Mergen are made.

Keywords: the Secret History of Mongols, a kin, refusal of a kin.

Пунсалдулам Б. Освоение целины в Монголии.

Статья посвящена анализу истории освоения целинных земель в Монголии. Выделяются три этапа освоения целины. Освещены основные трудности и итоги.

Ключевые слова: целина, Монголия, продовольственная безопасность.

Punsaldulam B. Virgin soil development in Mongolia.

This article analyzes the history of the development of virgin lands in Mongolia.

There are three stages of development of a virgin soil. The main difficulties and results are shined.

Keywords: virgin soil, Mongolia, food security.

Колесникова М. Е. Ставропольский краевед И. В. Бентковский об истории калмыцкого народа.

В статье дается обзор трудов краеведа И. В. Бентковского, посвященных истории калмыков. Автор отмечает его научную добросовестность, скрупулезность в работе с источниками, умение мастерски и в занимательной форме познакомить с историей края.

Ключевые слова: история Калмыкии, краевед И. В. Бентковский, этнография, история религии, жизнь и деятельность.

Kolesnikova M. The Stavropol specialist of local lore I. V. Bentkovsky about the history of the Kalmyk people.

The article gives the review of works of the regional specialist I. V. Bentkovsky devoted to history of the Kalmyks. The author notes his scientific integrity, scrupulousness in work with sources, his ability skillfully and in an entertaining form to acquaint with regional history.

Keywords: history of Kalmykia, specialist of local lore I. V. Bentkovsky, ethnography, history of religion, life and activity.

Батыров В. В. Карточные игры у калмыков в первой половине XIX в. В статье рассматривается история появления и развитие карточных игр у калмыков в начале XIX в.

Ключевые слова: история Калмыкии, история России, этнография, история карточных игр, азартные игры.

Batyrov V. Card games among the Kalmyks in first half of 19th century

This article deals with the history of the emergence and development of card games among the Kalmyks in the early 19th century.

Keywords: history of Kalmykia, history of Russia, ethnography, history of card games, games of chance.

Убушаев Н. Н. Багуты: к вопросу об этногенезе и этимологии этнонима.

В работе дается анализ этнонима *багут*. Автор приходит к выводу, что багуты, являясь потомками древних баргутов, по происхождению связаны с ранними ойратами.

Ключевые слова: этногенез, этническая история, этноним, этимология, багуты.

Ubushaev N. Baguts: to a question of ethnogenesis and etymology of the ethnonym.

The article presents analysis of the ethnonym of Bagut. The author comes to the conclusion that Baguts, being the descendants of ancient Barguts, are associated by origin with the early Oirats.

Keywords: ethnogenesis, ethnic history, ethnonym, etymology, Baguts.

Гунаев Е. А. Внешняя миграция в Республике Калмыкия в современный период.

В статье рассматривается структура и характеристика внешней миграции в Республике Калмыкия, деятельность органов государственной власти по регулированию миграционных процессов.

Ключевые слова: внешняя миграция, Республика Калмыкия, трудовые мигранты, иностранные граждане, квота, занятость.

Gunaev E. External migration in the Republic of Kalmykia in the modern period.

The article considers the structure and characteristics of external migration in the Republic of Kalmykia, the activity of the state bodies on regulation of migration processes.

Keywords: external migration, the Republic of Kalmykia, labour migrants, foreign citizens, quota, employment.

Лиджиева И. В. Деятельность органов местного самоуправления калмыков в социальной сфере в XIX в.

В статье на основе анализа архивных документов рассматривается деятельность органов местного самоуправления в Калмыцкой степи в XIX в. Автор приходит к выводу о том, что вопросы социальной сферы находились под особым вниманием органов местного самоуправления, и их решения были направлены на улучшение качества жизни населения, оказание помощи нуждающимся и благоустройство социальной сферы.

Ключевые слова: местное самоуправление, улусный и аймачный сход, выборное должностное лицо, хотонный староста, старшина.

Lidzhiyeva I. Activity of local governments of the Kalmyks in the social sphere in 19th century

The article describes the activities of local governments in the Kalmyk steppe in 19th century on the basis of analysis of archival documents. The author concludes that social issues were under the special attention of local government, and their decision took place in the aspect of improving the quality of life, helping those in need, and improvement of the social environment.

Keywords: local government, ulus and aimak assembly, an elected official, Khoton headman, foreman.

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 6

Компьютерная верстка
и подготовка оригинал-макета – Татнинов Д. В.

Подписано в печать 16.12.2013 г. Формат 60х90/16.
Усл.печ.л. 14,7. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8